

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

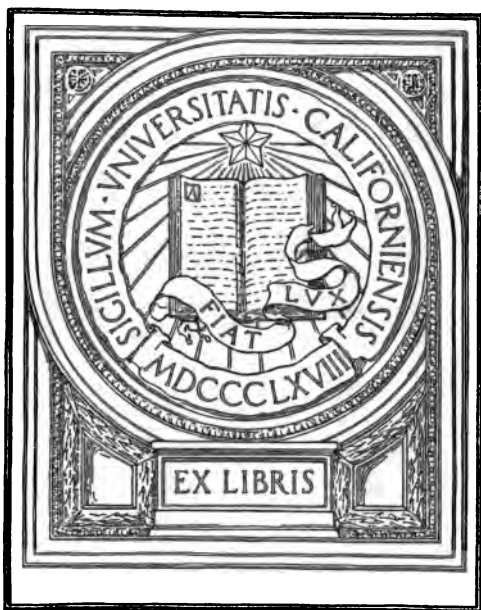
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

·FROM·THE·LIBRARY·OF·
·PAUL·N·MILIUKOV·

Титовъ, Михаилъ Сергѣевичъ

СУДЬБЫ

ЧЕРВОННОЙ ИЛИ ГАЛИЦКОЙ РУСИ

ДО

СОЕДИНЕНІЯ ЕЯ СЪ ПОЛЬЩЕЮ.

(1383).

(Разсужденіе, написанное для полученія степени Магистра).

СОЧ. М. СМЕРНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛЕРМАНТОВА И КОМП., ВЪ КАРАВАННОЙ, Д. № 24.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. Санктпетербургъ 10 ноября 1860 года.

Деканъ И. Срезневскій.

Мі. Іш ков.

ВВЕДЕНИЕ.

Галиція подѣ управленіемъ Ростиславичей, хотя и составляла такой же удѣлъ Руси, какъ Полоцкъ или Черниговъ, и подобно имъ участвовала въ общерусскихъ событіяхъ, но тѣмъ не менѣе была удалена отъ тѣхъ невыгодъ, которыя падали на другіе удѣлы, вслѣдствіе современныхъ усобицъ княжескихъ; она стояла въ сторонѣ и князья не думали добиваться ея стола, не думали вносить въ ея предѣлы своихъ междоусобій, такъ какъ всѣ они стремились къ Кіеву, и обладаніе имъ ставили крайнею цѣлію жизни. Пользуясь этимъ общимъ стремленіемъ, которое удаляло отъ нея водворотъ событій, пользуясь малочисленностію своего княжескаго рода, что предупреждало вредное дробленіе, Галиція въ тишинѣ развивала свои силы и ея государи, Владимірко и Ярославъ Осмомыслъ явились уже съ важнымъ значеніемъ и вліяніемъ на дѣла общерусскія. Въ XIII столѣтіи, Галиція крѣпнеть еще болѣе, приобретаетъ новыя средства, вслѣдствіе присоединенія къ ней Волыни; въ то же время Кіевъ теряетъ свое первенствующее значеніе, становится подъ власть сѣвернаго, владимірскаго князя, который, хотя и не живетъ въ немъ, но сохраняетъ надъ нимъ свое верховное право; стремленіе завладѣть

имъ могло повести теперь за собою борьбу съ этимъ могущественнымъ княземъ, а между тѣмъ въ Галичѣ, по смерти Романа, остались два ребенка, которые, конечно, не могли съ успѣхомъ защищать своихъ правъ; вотъ почему прежнія стремленія князей къ Кіеву обратились теперь на Галичъ, который, съ своей обширной территоріей, сдѣлался прекрасною замѣною золотого стола кіевского. Этимъ объясняется исторія Галича до 1249 года, исторія, представляющая рядъ притязаній князей русскихъ, польскихъ и королей венгерскихъ, борьбу между ними и постоянныя внутреннія смуты, до тѣхъ поръ пока Даниилъ не устроилъ всѣхъ претендентовъ и не утвердился, въ 1249 году, въ Галичѣ. Продолжительность этого періода понятна съ одной стороны изъ той привлекательности, которую имѣлъ Галичъ для русскихъ князей и иноземцовъ Венгровъ и Поляковъ, съ другой изъ внутреннихъ его обстоятельствъ: бояре Галича, имѣвшіе значеніе, какъ богатые землевладѣльцы и вліятельные чиновники, пытались употребить въ свою пользу многочисленныя притязанія; изгоняя одного князя и призывая другого, они думали о наиболѣе выгодномъ устройствѣ своихъ отношеній къ верховной власти; отсутствіе единодушія и послѣдовательности въ ихъ дѣйствіяхъ было причиною ихъ неуспѣха и торжества княжеской власти. Послѣ 1249 года не могло уже быть смутъ и волненій боярскихъ, потому что не было претендентовъ: русскіе князья, подавленные ханами, были слишкомъ слабы, Венгры, бесполезно истративъ много силъ на приобрѣтеніе Галича, оставили свои притязанія еще въ тридцатыхъ годахъ XIII столѣ-

тія, Поляки были озабочиваемы своими внутренними дѣлами. Пользуясь всѣмъ этимъ, Даніиль въ такой степени укрѣпилъ свое государство, что оно, при немъ и дѣтяхъ его, оказывало важное вліяніе на дѣла сосѣдей и, съ теченіемъ времени, могло бы собрать около себя всю западную и южную Русь, изгнать Татаръ и такимъ образомъ на югозападѣ сдѣлать то, что сдѣлала на сѣверовостокѣ Москва. Съ одной стороны, личность князей XIV вѣка, съ другой образованіе, въ сосѣдствѣ сильной литовской державы, и наконецъ полное отчужденіе Галиціи отъ русскаго міра,—все это было причиною совершенно иного исхода ея политическаго существованія.

Лишь только вымерла главная линія потомства Романа, Галичане, отдѣленные отъ роднаго сѣвера Литвою и Татарами, имѣвшіе въ своихъ городахъ много богатыхъ и, потому, вліятельныхъ иноземцевъ, не задумались принять государя иноплеменика и тѣмъ подвергнули свою народность крайней опасности. Открывшаяся, такимъ образомъ, возможность овладѣнія Галичемъ раздражила корысть сосѣдей, разбудила древнія притязанія и, прибавивъ къ двумъ старымъ претендентамъ, т. е. Венграмъ и Полякамъ, третьяго или Литовцевъ, произвела долгую кровопролитную борьбу, которая закончилась торжествомъ Польши, болѣе дипломатическимъ, чѣмъ военнымъ, въ 1387 году.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ЛИТЕРАТУРЫ РАЗСМАТРИВАЕМАГО ПРЕДМЕТА.

Въ собственно русской, исторической литературѣ имѣется одно только отдѣльное сочиненіе по исторіи Галиціи, именно: «Исторія югозападной Руси отъ ея начала до половины XIV столѣтія.» Александра Клеванова. Москва 1849 г.» Сочиненіе это представляетъ подробное изложеніе внѣшнихъ событій по русскимъ лѣтописямъ и преимущественно по Ипатіевскому списку, на внутреннюю исторію Галича здѣсь обращено слишкомъ мало вниманія, что впрочемъ, объясняется изъ свойства самихъ источниковъ; важный недостатокъ этого труда заключается въ томъ, что, при изложеніи его, авторъ не пользовался иностранными источниками, считая ихъ неосновательными и недостойными довѣрія. Въ литературѣ иностранной давно уже стали появляться сочиненія, разсматривающія исторію Галиціи и вѣстѣ Владиміріи; таковъ трудъ датскаго исторіографа Сума, помѣщенный въ переводѣ въ Чтен. И. О. И и Д. Р. при Москов. Университетѣ 1846 г. № 5;—полный ошибокъ онъ не можетъ быть одобренъ съ точки зрѣнія нашего времени, но нельзя не удивляться, что Сумъ,

который жилъ въ исходѣ XVIII вѣка, такъ удовлетво-
рительно зналъ исторію югозападной Руси. Послѣ него
въ числѣ историковъ Галича являются Гопа и Энгель;
первый не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія, вто-
рой, написавшій исторію Галича и Владимира, сперва
отдѣльно (*Geschichte von Halitsch und Wladimir*. 2 т.,
Wien 1793), а потомъ соединившій ее съ исторіей укра-
инскихъ казаковъ (*Geschichte der Ukraine und der ukrainischen
Kosaken, wie auch d. Königr Halitsch und Wladimir*.
Halle 1796), важенъ относительно собранныхъ имъ ма-
териаловъ, но грѣшитъ тѣмъ, что недостаточно знакомъ
съ русскими источниками и почти исключительно осно-
валъ свой трудъ на источникахъ польскихъ, весьма
пристрастно и часто несправедливо представляющихъ
событія. Важнѣйшее мѣсто въ этомъ случаѣ принадле-
жать львовскому ученому Д. И. Зубрицкому; онъ пер-
вый сталъ отыскивать въ галицкихъ архивахъ подлин-
ные документы, могущіе быть полезными въ рассматри-
ваемомъ вопросѣ, добросовѣстно оцѣнивалъ ихъ досто-
инство, отдѣляя подложные отъ несомнѣнныхъ и мно-
гіе изъ нихъ помѣстилъ въ трехъ своихъ сочиненіяхъ:
«*Kronika miasta Lwowa. Lwow 1844*», «Критико-историчес-
кая повѣсть временныхъ лѣтъ Галицкой или Червонной
Руси» (переводъ Бодянского, Москва 1845) и «Исторія
древняго Галицкаго Княжества.» Львовъ. 1852-55. Писа-
тель этотъ, отличающійся необыкновеннымъ трудолю-
біемъ и добросовѣстнымъ разборомъ источниковъ, опи-
сывая, съ излишнею часто подробностію, всѣ междоусобія
князей и войны ихъ съ сосѣдями, мало обращаетъ вни-
манія на внутреннее состояніе края; въ этомъ отношеніи

важнѣе другихъ его трудовъ «*Kronika miasta Lwowa*»; не смотря, однакожь, на этотъ недостатокъ, объясняемый, какъ уже сказано, состояніемъ источниковъ, труды Зубрицкаго необходимы каждому, занимающемуся исторіей Галича, необходимы, какъ собраніе матеріаловъ, очищенныхъ добросовѣстною критикою; не забудемъ еще одного сочиненія того же автора «Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ. Выписки изъ ихъ сочиненій латинскихъ статей, къ галичско—владимірскимъ дѣламъ относящихся, за періодъ отъ 1337 по 1387 г., съ русскимъ переводомъ и примѣчаніями. Львовъ 1855»; оно важно для исторіи XIV вѣка.

Послѣ изданія хроники Львова Зубрицкимъ, другія исторіи этого города, Ходынецкаго и Зиморовича, не имѣютъ уже значенія; впрочемъ трудъ Зиморовича и теперь еще нѣкоторыми, впрочемъ немногими, извѣстіями, помогаетъ историку Галича (Сочиненіе это, писанное по латинѣ, никогда не было напечатано въ подлинникѣ; оно появилось въ свѣтъ въ польскомъ переводѣ Пивовкаго: «*Historia miasta Lwowa, przez Bartłomieja Zimorowicza, Konsula niegdyś tegoż miasta po zacinie napisana, a teraz na Polski język przez Marcina Pivockiego przelożona.*» Lwowъ 1835).

Упомянемъ еще отличное сочиненіе «*Synowie Gedymina, przez Kaźmierza Stadnickiego* 3t.; хотя Стадницкій занимался исторіей сыновей литовскаго князя, но, описывая жизнь Любарта, кн. волынскаго, онъ по неволѣ коснулся исторіи ю з. Руси и изложилъ ее, хотя и не подробно, но весьма основательно, съ указаніемъ на множество источниковъ и съ блестящимъ талантомъ (См.

Т. П. Lubart ksiądz, Volynski Lwów 1853.). Наконецъ можно найти кое-что, въ особенности для исторіи церкви въ Галичѣ, въ изданіяхъ галицко-русской матицы (См. статьи Петрушевича во II Т. Галицкаго историческаго сборника. Львовъ 1856.) и въ протоколахъ Константинопольскаго Патриархата (напеч. въ Ж. М. Нар. Пр. 1847. 54 ч.).

Вотъ всѣ пособія, которыми мы пользовались при изложеніи «Судебъ Червонной или Галицкой Руси»; мы приняли ихъ въ соображеніе, когда разбирали показанія источниковъ, т. е., главнымъ образомъ, Ипатьевской лѣтописи изъ русскихъ, и Кадлубка, Длугоша и Анонима Гнезненскаго, изъ иностранныхъ. Мы имѣемъ довѣріе къ Ипатьевскому списку, потому что большая часть его повѣстій записана людьми, или современниками и очевидцами событій, или имѣвшими возможность собрать вѣрныя о нихъ свѣдѣнія; наконецъ въ разсказѣ этой лѣтописи, мы встрѣчаемъ, правда, ошибки, обмолвки, но ничего такого, чтобы представлялось невѣроятнымъ или неправдоподобнымъ; другое дѣло источники польскіе, Кадлубекъ или Длугошъ; ихъ справедливо можно обвинить въ пристрастіи, въ ложно понятомъ патріотизмѣ и, потому, въ невѣрномъ представленіи событій русской исторіи. Для подтвержденія сказаннаго довольно вспомнить разсказъ Кадлубка о приобрѣтеніи Романомъ Галича, и бездну противорѣчій самому себѣ, которыя допустилъ Длугошъ въ повѣствованіи о періодѣ съ 1350 — 1366 г. усиливаясь доказать, что Волынь, втеченіе этого времени, принадлежала Казимиру, королю польскому. Тотъ же отзывъ заслуживаютъ лѣто-

писем венгерскія, въ особенности анонимъ нотарій кор. Болы (въ «*Scriptores rerum Hungaric. edit Schvandt.*») отчасти и Турочъ (ibidem). Впрочемъ этихъ послѣднихъ нельзя сравнивать съ лѣтописями польскими; Кадлубекъ и Длугошъ, по большей части, вѣрно передаютъ событія, только выставляють ихъ въ ложномъ свѣтѣ и есть всегда возможность установить вѣрную точку зрѣнія, тогда какъ венгерскія лѣтописи, при скудости ихъ извѣстій для исторіи Галича и при очевидномъ пристрастіи, могутъ быть совершенно выкинуты изъ ряда источниковъ рассматриваемаго нами вопроса. Полнымъ отсутствіемъ подобныхъ недостатковъ отличается, по нашему мнѣнію, одинъ польскій писатель анонимъ, Архидіаконъ Гнѣзненскій (Іоаннъ изъ Чарнаева), Подканцлеръ королей Казимира Великаго и Людовика Венгерскаго. («*Anonymi Archidiaconi Gneznen, brevior Chronica Cracoviae, ab orbe condita ad annum 1396*» напечат. въ сборникѣ Коммерсберга: «*Scriptores rerum silesicarum t. II, 78 et sqq.*»). Изложеніе его отличается сдержанностію, спокойствіемъ и ясностію; нигдѣ онъ не противорѣчитъ себѣ, и довѣріе къ нему увеличивается еще болѣе, если вспомнимъ, что онъ былъ очевидецъ, даже дѣйствователь въ описанныхъ имъ событіяхъ XIV в. Наконецъ есть много драгоценныхъ извѣстій, въ различныхъ мелкихъ актахъ и документахъ; напечатанныхъ въ съ собраніяхъ: «*Historica Rus. Mon, Supplementum ad H. R. M.,*» актахъ западной Россіи и во многихъ вышеприведенныхъ сочиненіяхъ, особенно Зубрицкаго и Стадницкаго.

Представляемый трудъ есть сводъ всѣхъ означенныхъ источниковъ съ посильнымъ заключеніемъ автора (*).

(*) Не упомянуты еще «Исторія Татищева, Pomniki bodzieciow Litvy, Лѣтописецъ Даниловича, и примѣчанія къ исторіи Государства Россійскаго, гдѣ можно найти важный матеріалъ для исторіи червонной Руси.

I.

ГАЛИЧЪ, ПОДЪ ВЛАСТІЮ РУССКИХЪ КНЯЗЕЙ.

Извѣстное мѣсто у Нестора, гдѣ излагается расселеніе славянскаго племени по территоріи, составляющей нынѣ государственную область Россіи, не можетъ служить достаточнымъ руководствомъ для опредѣленія племени, которое издревле обитало въ нынѣшней Галиціи и, вслѣдствіе различныхъ историческихъ переворотовъ, составило національность современныхъ намъ Русиновъ или Русняковъ. Изъ упомянутаго мѣста можно узнать только близкія къ Галиціи племена: съ одной стороны польское, съ другой Вельняне или Бужане, съ третьей наконецъ Уличи и Тиверцы, которыхъ поселенія, по словамъ Нестора, были по Днѣстру до самаго моря. Нѣсколько племенъ въ томъ же мѣстѣ только причисляются къ великому славянскому племени, но мѣста жительства ихъ не опредѣляются; такъ указавъ на поселеніе Моравовъ по рѣкѣ Моравѣ, Несторъ продолжаетъ: «другіе Славяне нареклись Чехами; Хровате Беліи, Серебъ и Хорутане суть также Словѣни» ¹⁾, но не говоритъ, гдѣ жили эти Сла-

¹⁾ П. С. Р. Л. I. 3.

вяне. По причинѣ этой неполноты Несторова извѣстія, для болѣе яснаго пониманія расселенія Славянъ, необходимо обратиться къ показаніямъ другихъ источниковъ. Уже исторіографъ Сумъ ²⁾, а за нимъ и Шаффарикъ ³⁾, обратили вниманіе на одно мѣсто въ сочиненіяхъ Птолемея, гдѣ говорится о Бессахъ и Карпіанахъ; первые, по словамъ знаменитаго географа, жили у Карпатскихъ горъ, но очевидно выселились изъ своей прикарпатской страны, имя ихъ встрѣчается въ названіи сосѣдней Бессарабіи и, можетъ быть, Босніи; переселеніе это совершилось, по всей вѣроятности, въ V или VI столѣтіи, по разрушеніи великой державы Гунновъ. Имя Карпіанъ или Карповъ встрѣчаемъ въ названіи Карпатскихъ горъ, отъ которыхъ и самое племя стало именоватья Карпами; слова Карпы и Карпаты Шаффарикъ считаетъ испорченными, производитъ ихъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ отъ славянскаго хрибъ, хърбъ, т. е. вершина, гора, отъ этого же корня произошло русское хребетъ, т. е. цѣпь горъ. Мнѣніе это тѣмъ болѣе принять можно, что Русины и теперь называютъ Карпаты Горбами, т. е. Хърбами. Отъ слова хърбы легко производятся хървы-хърваты или Хорваты. Этотъ филологическій путь изслѣдованія приводитъ къ заключенію, что Хорваты были потомками Карповъ и что они населяли Галицію въ весьма древнее уже время; память о нихъ сохраняется до сихъ поръ въ названіи многихъ мѣстностей.

Хорваты, древнѣйшіе насельники Галиціи, въ VII ст.

²⁾ Ч. О. И. и Д. Р. 1846. № 5.

³⁾ Шаффарикъ. Слав. Древн. Т. II, Кн. I, стр. 170 и слѣд.

(около 630 г.) были призваны ⁴⁾ (императоромъ Ира-
нлиемъ) изъ за-своихъ Хърбовъ или Карпатъ въ Дал-
мацію и, по извѣстной политикѣ Византійцевъ, противо-
поставлены Аварамъ; послѣдовала долгая борьба и потомъ
основаніе хорватскаго государства въ Далмаціи, Панно-
ніи и Иллирикѣ. Это государство, его исторія до насъ
не касаются, для насъ важны тѣ Карпы - Хорваты,
которыхъ мы нашли въ нынѣшней Галиціи. Относя ихъ
движеніе за Карпаты къ VII ст., мы, однакожъ, встрѣ-
чаемъ позднѣе Хорватовъ, которыхъ не имѣемъ права
относить ни къ далматскимъ, ни къ паннонскимъ, ни къ
иллирійскимъ. Такъ Несторъ, перечисляя народы, жив-
шіе въ Руси до призванія Варяговъ, говоритъ: «И жи-
ваху въ мирѣ Поляне и Деревляне, Сѣверъ, и Радимичи,
и Вятичи, и Хрвате. Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ
Вельіняне, а Улучи, Тиверьци сѣдаху по Днѣстру,
присѣдаху къ Дунаеви и пр.» ⁵⁾. Далѣе, говоря о походѣ
Олега на Грековъ въ 907, Несторъ указываетъ на при-
сутствіе Хорватовъ, въ его войскѣ и, что замѣчательно,
опять помѣщаетъ ихъ подлѣ Дулѣбовъ и Тиверцевъ ⁶⁾. Мы
положительно знаемъ, что власть Олега не распростра-
нялась на Далмацію, а потому естественно приходимъ къ
предположенію не галицкихъ ли Хорватовъ имѣлъ Олегъ
въ своемъ войскѣ и не составляли ли они остатка тѣхъ
Хорватовъ, которые, какъ намъ извѣстно, ушли за Кар-
паты въ VII столѣтіи? Чтобы подтвердить наше пред-

⁴⁾ De A. I. Const. Porph. 30. 143.

⁵⁾ П. С. Р. Л. I, 5.

⁶⁾ П. С. Р. Л. I, 12.

положеніе, мы обращаемся къ сочиненію Константина Порфиророднаго «*de Administrando Imperio*» и тамъ читаемъ слѣдующее описаніе границъ Угріи: «*Turcis (Турками Константинъ вездѣ называетъ Угровъ или Мадьяровъ) hae gentes conterminae sunt: ad Occidentem Francia, ad septentrionem Patzinacitae, ad meridiem magna Moravia sive Sphendoploci regio, quae omnino a Turcis vastata est et ab ipsis jam obtinetur. Chrobati vero ad montes Turcis adjacent*» ⁷⁾. Изъ этого видно, что, по мнѣнію императора, Хорваты жили у горъ, на Востокъ отъ Угріи; если мы немного исправимъ это извѣстіе и пойдемъ отъ Угріи на С.В., то на пути встрѣтимъ горы—Карпаты, перевалившись черезъ которыя придемъ въ восточную Галицію. Мѣсто, приведенное изъ Константина, есть описаніе *современныхъ* ему границъ Угріи; это доказывается и настоящимъ временемъ глагола *sunt*, и тѣмъ еще, что Моравія, лежащая на южной границѣ Угріи, дѣйствительно была завоевана Уграми только около времени этого императора; Константинъ же писалъ въ концѣ первой половины X столѣтія. Изъ соображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ выходитъ, что въ половинѣ X столѣтія Галиція была заселена Хорватами, которые, конечно, были ничто иное, какъ остатокъ Хорватовъ, ушедшихъ въ VII стол. въ Далмацію; объ этихъ-то галицкихъ Хорватахъ и говорится у Нестора въ приведенныхъ выше мѣстахъ и теперь понятно, почему лѣтописецъ помѣщаетъ ихъ всегда подлѣ Дулебовъ, жившихъ по Бугу и Тиверцевъ, сидѣвшихъ по Днѣстру.

⁷⁾. Const. Porph. De A. I, XIII, 81.

Галиціе Хорваты все VII и VIII столѣтія прожили безслѣдно; они не успѣли, подобно своимъ закарпатскимъ соотечественникамъ, основать могущественное государство, очевидно слабые они должны были сдѣлаться добычею сильныхъ сосѣдей. Въ IX ст. вблизи ихъ образуются два государственные союза, польскій и русскій, отъ нихъ обоихъ начинается чуждое вліяніе, съ одной стороны вліяніе Славянъ восточныхъ или Русскихъ, съ другой западныхъ или Поляковъ. Современный составъ народонаселенія Галиціи ясно указываетъ на то, что въ западной ея части одолѣло вліяніе польское, въ восточной же русское, и что то и другое вмѣстѣ окончательно стерло особенности, отличавшія національность Хорватовъ. Въ XIII уже столѣтіи высказывалось утвердительно тождество народонаселенія Волыни и Галиціи ⁸⁾), хотя и два вѣка спустя не были забыты предки Галичанъ—Хорваты ⁹⁾).

Опредѣливъ такимъ образомъ народонаселеніе Галиціи, посмотримъ теперь, кто владѣлъ этою страной, до образованія въ ней отдѣльнаго русскаго княжества. По недостатку свидѣтельствъ, вопросъ этотъ почти неразрѣшимъ съ полною очевидностію; ни русскіе, ни польскіе источники не описываютъ перваго завоеванія Галиціи; оно является въ нихъ, какъ фактъ уже совершившійся. Русскія лѣтописи представляютъ важнѣйшія свидѣтельства въ этомъ отношеніи; въ нихъ особенно замѣчатель-

⁸⁾ Аноним. Notar. Regis Belae, въ Scriptor. regum Hungaric. edit. Schvandt.

⁹⁾ Галицкій историч. сборникъ, изд. галицкорусской матицы. Львовъ: 1886 г. II, 175.

ны два слѣдующія мѣста: въ исчисленіи племенъ, составлявшихъ войско Олега въ походѣ его на грековъ, упоминаются Хорваты; это обстоятельство, при известной обязанности покоренныхъ племенъ давать войско Князю, наводитъ, съ перваго взгляда, на мысль, что Хорваты еще ранѣе 907 г. были покорены Олегомъ; но глубже вникая въ это извѣстіе, находимъ подобное заключеніе ошибочнымъ и потому неосновательнымъ: Хорваты и самостоятельные могли участвовать въ войскѣ Олега; это могла быть толпа удалцовъ, отозвавшихся на кличъ, который кликнулъ храбрый князь, отправляясь громить Византію; она сражалась подъ знаменами Олега, добывала добычу, что, вѣроятно, составляло ей главную цѣль, и оставалась, по прежнему, вольною и самостоятельною. Другое мѣсто лѣтописи, замѣчательное въ этомъ отношеніи, находится подъ 6489 (981): «Иде Володимѣрь въ Дяхи и зая грады ихъ Перемышль, Червень и инны грады, иже суть и до сего дне подѣ Русью». Изъ этихъ словъ видно, что Галиція въ X стол. принадлежала Полякамъ, такъ какъ Владимѣрь ходилъ въ нее какъ въ ихъ собственность и завоевывалъ принадлежащіе Полякамъ галицкіе города. Такимъ образомъ, на основаніи этого свидѣтельства, можно предполагать, что Галиція, впервые, была завоевана Поляками, хотя очень странно, что польскіе источники, сколько мнѣ извѣстно, ничего не говорятъ объ этомъ важномъ событіи. Скажемъ нѣсколько подробнѣе о завоеваніи 981 года и постараемся опредѣлить границу, положенную Владимѣромъ между Польшею и Русью. Несторъ говоритъ, что Владимѣръ завоевалъ у Поляковъ города ихъ Перемышль,

Червень и ины; подь этимъ «ины» Иесторъ, безъ сомнѣнія. разумѣль рядъ городовъ, который на югѣ оканчивался Перемышлемъ, а на сѣверѣ Червеномъ; каждый городъ, т. е. укрѣпленное мѣсто, служить защитой для извѣстнаго пространства, лежащаго кругомъ его, для извѣстнаго округа и если покоряется городъ, то конечно и округъ его бываетъ вынужденъ признать власть побѣдителя; если мы опредѣлимъ теперь, какъ далеко простирались округи означенныхъ городовъ, завоеванныхъ Владиміромъ, то этимъ самымъ мы опредѣлимъ границу, положенную имъ между Польшей и Русью въ 981 г. Довольно взглянуть на карту для убѣжденія, что города, о которыхъ идетъ рѣчь, были назначены для защиты неширокой полосы, съ одной стороны омываемой Бугомъ, съ другой Саномъ; вся эта полоса, конечно, была завоевана Владиміромъ и граница русскаго государства перенесена имъ съ Буга на Санъ. (Оружіе Владиміра проникло и далѣе, если вспомнимъ походъ его на Ятвяговъ 983, но этотъ походъ не относится къ нашему предмету). Это пріобрѣтеніе Владиміра св., извѣстное подъ названіемъ червенскихъ городовъ, служило предметомъ долгаго спора между Русью и Польшей; споръ вначалѣ рѣшился въ нашу пользу, какъ то будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія. Кажется, что Хорваты пытались достигнуть самостоятельности; на эту мысль наводитъ походъ Владиміра въ 992, о которомъ лѣтопись весьма глухо говорить: «иде на Хорваты». Чтоже касается Польши, то преемникъ Мечислава I, Болеславъ Храбрый былъ слишкомъ занятъ въ теченіе

всей остальной жизни Владиміра, онъ воевалъ и съ Чехами, и съ Нѣмцами, и съ Пруссами и потому не могъ начать войны съ Владиміромъ для возвращенія Перемышля, Червена и иныхъ градовъ, онъ даже вошелъ съ нимъ въ родственныя связи, выдавъ дочь свою за Святополка. Смерть Владиміра (1015) и въ особенности междоусобныя войны Святополка съ Ярославомъ, заставили Болеслава порвать мирныя отношенія къ Руси и пойти на помощь зятю. Знаменитый походъ его до Кіева, несогласіе съ Святополкомъ, избіеніе Поляковъ, разставленныхъ по городамъ и деревнямъ на покормъ, все это одинаково рассказывается и польскими и русскими лѣтописцами, но въ разсказѣ о послѣдствіяхъ Болеслава похода есть разнорѣчіе. Мартинъ Галль, напри-мѣръ, прямо утверждаетъ: «ex eo tempore Bussia Poloniae diu vestigialis fuit» Слова эти, впрочемъ, нечего опровергать, потому что Болеславъ былъ принужденъ уйти изъ Кіева, не видя ни какой благодарности отъ зятя и опасаясь, чтобы русскіе не перебили всѣхъ его воиновъ. Гораздо яснѣе и правдоподобнѣе говорить Несторъ, что Болеславъ захватилъ на возвратномъ пути червенскіе города, т. е. возвративъ завоеванное Владиміромъ въ 981, опять раздвинулъ предѣлы Польши по Бугъ. Не долго, однакожъ, удержались Поляки на Бугѣ; подъ 1030 (6538) г. читаемъ слѣдующее мѣсто у Нестора: «Въ лѣто 6538 умеръ Болеславъ великій въ Лясѣхъ и бысть мятежъ въ землѣ Лядстей, вставше людіе, избивша епископы, и попы и бояры своя, и бысть въ нихъ мятежъ. Въ лѣто 6539 собрasta Ярославъ и Мстиславъ вой многъ, идоста на Ляхы и заяста грады Червеньскыя

опять и повоеваста Лядскую землю и многи Ляхы приведоста и раздѣлиста я, и посадивъ Ярославъ своя по Рси» и пр. ¹⁰⁾.

Изъ словъ Нестора очевидно, что червенскіе города оставались во власти Поляковъ до самой смерти Болеслава; исторія Ярослава, его войны изъ за Кіева, потомъ борьба съ Мстиславомъ... достаточно объясняютъ намъ, почему онъ не сдѣлалъ ничего для возвращенія забужской области. Но вотъ умираетъ Болеславъ, въ Польшѣ начинаются смуты, высшіе классы встаютъ противъ духовенства и бояръ, такимъ образомъ наступаетъ удобное время для похода Ярослава, и походъ дѣйствительно предпринимается въ 1031 г., въ союзѣ съ Мстиславомъ; слѣдствіемъ его было завоеваніе червенскихъ городовъ и опустошеніе Польши. Весь рассказъ идетъ очень естественно и правдоподобно, но въ немъ есть нѣкоторыя невѣрности, именно хронологическія. Всѣ польскія хроники утверждаютъ, что Болеславъ умеръ не въ 1030 а въ 1025 г., и что послѣ смерти его вовсе не было великихъ смутъ въ Польшѣ. Изгнаніе Оттона Мечиславомъ II и достиженіе послѣднимъ короны путемъ насилія, было явленіемъ обыкновеннымъ въ исторіи первыхъ Пястовъ. Но великія смуты, сильная реакція противъ духовенства и боярства со стороны народа, случилась уже по смерти Мечислава II въ 1033 или 1034 году; такимъ образомъ ошибка въ текстѣ Нестора относительно года смерти Болеслава, повлекла за

¹⁰⁾ П. С. Р. Л. I, 64.

собою ошибочное опредѣленіе времени смуть въ Польшѣ и наконецъ похода Ярослава и Мстислава.

Признавъ, такимъ образомъ, ошибку въ текстѣ Нестора и исправляя ее по польскимъ лѣтописцамъ, мы относимъ вторичное возвращеніе Червенска подъ русскую державу къ 1033 или 1034 году. Безкроевье, наставшее въ Польшѣ по смерти Мечислава II, дало Ярославу полную возможность утвердиться въ спорныхъ городахъ, и даже избраніе Казимира осталось безъ всякаго вліянія на господство Русскихъ въ Галиціи. Казимиръ, истинный востановитель польскаго государства, въ теченіе всей своей жизни, отыскивалъ и завоевывалъ различныя польскія земли, захваченныя сосѣдями въ эпоху междоусобицъ; особенно много занятъ былъ онъ на западѣ съ Чехами, съ которыми воевалъ до самой смерти; обратиться на Русь ему не доставало ни времени, ни силъ, и вмѣсто враждебныхъ отношеній польскій князь заключилъ дружескій союзъ съ русскимъ, укрѣпивъ его родственною связью, именно взявъ за себя одну изъ дочерей Ярослава. Ярославъ, въ качествѣ родственника и союзника, оказалъ Казимиру нѣкоторыя услуги: такъ онъ помогъ ему окончательно покорить Мазуровъ, которые до сихъ поръ все еще стремились сохранить самостоятельность. Казимиръ ничѣмъ не успѣлъ отблагодарить Ярослава, но Длугошъ, не желая выставить этого князя неблагодарнымъ, очень наивно рассказываетъ это Казимиръ возвратилъ Ярославу всѣ тѣ земли, которыя Болеславъ завоевалъ на обратномъ пути изъ Кіева ¹¹⁾).

¹¹⁾ *Мѣла* tamen castra et regiones Russiae, quae avus suus Polonorum rex, Boleslaus in Russia, victo et conflictu Jaross-

Прослѣдивъ, такимъ образомъ, исторію Галиціи до Ярослава, мы не можемъ не обратиться еще разъ къ вопросу о ея народонаселеніи. Въ польской исторической литературѣ не разъ выражалось мнѣніе, что племя, жившее по берегамъ Сана и отъ него вглубь страны, было племя польское, и что оно, вслѣдствіе владѣнія здѣсь русскихъ князей, передѣлалось со временемъ въ русскихъ. Внимательно соображая все, что предлагают источники, мы видимъ очень ясно, что Полякамъ некогда было утвердиться въ означенной мѣстности; и, допуская польское владѣніе прежде русскаго, мы замѣчаемъ что національность Хорватовъ, какъ отдѣльнаго племени, не исчезла до самаго конца X стол., потому что Несторъ подъ 992 г. говоритъ о Владимірѣ: «иде на Хорваты». Со времени же Владиміра св. побережье Сана составляло постоянно собственность русскихъ князей, съ весьма малымъ перерывомъ вслѣдствіе дѣятельности Болеслава I; оно относилось къ Владиміро-Волынокому княжеству, получившему свое начало тотчасъ по построеніи Владиміра, слѣдственно скоро послѣ 981 г. И съ этого-то времени начинается усиленное вліяніе восточныхъ Славянъ на Хорватовъ и передѣлка ихъ, т. е. уничтоженіе тѣхъ особенностей, которыя отличали ихъ отъ Славянъ русскихъ. При этомъ нельзя не указать на мнѣніе одного изъ лучшихъ знатоковъ славянскихъ древностей, именно Шаффарика, который думаетъ, что X-ор-

lao, consecutus erat, et in eam diem tenuerat, post contractam affinitatem, in signum veri faederis et sinceræ affinitates Jaroslao restituit. / и т. д.

ваты имѣли много сходства и весьма мало различія съ восточнымъ отдѣломъ славянскаго племени, а потому передѣлка ихъ, по образцу сосѣднихъ съ ними Ведынѣнъ, должна была произойти весьма быстро и Ростиславичи княжили уже среди Русскихъ.

Со времени Ярослава мы не имѣемъ никакихъ извѣстій о владѣніяхъ Русскихъ за Бугомъ; по всей вѣроятности они, какъ и прежде, принадлежали къ Владиміро-Волынскому удѣлу, который, по смерти Ярослава, выпалъ на долю сына его Игоря. При сынѣ Ярослава Всеволодѣ, являются уже самостоятельные князья въ означенной области: сыновья знаменитаго Ростислава, Василько и Володаръ, первый въ Теремовѣ, второй въ Перемышлѣ; хотя еще прежде Володаря встрѣчаемъ въ Перемышлѣ его старшаго брата Рюрика (+1092). Дѣятельность этихъ князей опредѣляется ихъ прошедшимъ и географическимъ положеніемъ ихъ княжествъ. Подобно отцу, принадлежа къ числу князей обдѣленныхъ, не наслѣдовавшихъ никакой опредѣленной волости и встрѣчая въ старшихъ князьяхъ самое эгоистическое равнодушіе къ своей участи, Василько и Володаръ могли полагаться только на собственныя силы. Подобно отцу, они бѣжали въ Тмутаракань, поселеніе, основанное среди кочевьевъ различныхъ азіатскихъ народовъ, готовыхъ изъ-за добычи воевать за всякое дѣло, правое и неправое. Съ помощію этихъ племенъ, Ростиславичи достигли своей цѣли, получили отдѣльное русское княжество. Княжество это лежало на границѣ двухъ государствъ, русскаго и польскаго, которыя, съ самаго начала ихъ государственной жизни, не разъ становились

во враждебныя одно къ другому отношенія. Эта вражда, конечно, должна была быть сильнѣе тамъ, гдѣ міръ русскій соприкасался съ польскимъ, а это главнымъ образомъ было въ области названныхъ нами княжествъ; вотъ почему Володаръ и Василько, всю жизнь проведеніе въ войнѣ, искусные въ ратномъ дѣлѣ, на сколько это было возможно въ то время, и храбрые были какъ будто созданы для двухъ этихъ престоловъ и вотъ почему дѣятельность ихъ получила характеръ, по преимуществу завоевательный. Вспомнимъ тѣ рѣчи, которыя говорилъ Василько, уже ослѣпленный, Василию, посланному кн. Давида; въ этихъ рѣчахъ открываются широкіе планы; «я хотѣлъ, говорилъ онъ, идти на Ляховъ и завоевать ихъ землю, хотѣлъ покорить дунайскихъ Болгаръ и переселить ихъ въ свое княжество, а потомъ, испросивъ благословенія братьевъ князей, идти на Половцевъ, и или голову сложить за родную землю, или выгнать басурмановъ изъ Руси.» Ослѣпленіе остановило исполненіе этихъ замысловъ. Володаръ, храбрый сподвижникъ брата, былъ также страшенъ для всѣхъ сосѣдей; Поляки употребили даже хитрость, извинительную только въ то время, чтобы захватить его въ свои руки: они похитили его съ помощію польскаго боярина Петра или Петрона, лестію вошедшаго въ его службу, выкупленный братомъ и сыновьями за 2000 гривенъ, Володаръ вскорѣ умеръ, въ одинъ годъ съ братомъ, 1124. вмѣстѣ съ польскимъ вліяніемъ на дѣла перемышльско-теребовльскія, утвердилось тамъ и вліяніе венгерское; въ 1098 г. въ первый разъ явились Венгры въ Галиціи, призванные в. к. Святополкомъ Изясла-

ивчемъ противу соединившихъ на него Ростиславичей и Давида. Это первое вмѣшательство Венгровъ кончилось для нихъ весьма несчастливо: они были побѣждены окончательно, половецкій ханъ Бонякъ, союзникъ Давида и Ростиславичей, сбиль ихъ въ мячъ, аки соколъ сбиваетъ галицѣ. Вліяніе это также, какъ и польское, упрочивается родственными союзами, вслѣдствіе взаимныхъ браковъ, и мало по малу отношенія Ростиславичей къ ихъ западнымъ сосѣдямъ принимаютъ тотъ же характеръ, которымъ отличались отношенія князей русскихъ вообще: — постоянная вражда и сознаніе родственной связи. Такъ во время войны Изяслава Мстиславича съ Юріемъ Долгорукимъ, послы перваго и союзниковъ его Венгерцевъ и Поляковъ говорили кievскому князю: «вы намъ есте въ отца мѣсто, мы всѣ крестьяне..... одна братья собѣ». Въ продолженіе нашего разсказа мы будемъ имѣть возможность указывать на постепенное измѣненіе въ характерѣ этихъ отношеній.

При сыновьяхъ Володаря и Василька начинаются усобицы въ галицкой области (первое упоминаніе о Галичѣ встрѣчается въ русскихъ лѣтописяхъ, въ княженіе Святополка Михаила 1093—1113), ихъ производитъ Владимірко. Этотъ сынъ Володаря, по своему взгляду на отношенія къ младшимъ родственникамъ, подобенъ Андрею Боголюбскому, который изгналъ изъ земли своихъ братьевъ и племянниковъ, чтобы не производить вреднаго дробленія; Владимірко хотѣлъ сдѣлать тоже; онъ завелъ вражду съ братомъ Ростиславомъ, но такъ какъ послѣднему помогали Васильковичи и в. к. Мстиславъ, то Владимірко не успѣлъ достигнуть своей цѣли,

когда же умерли всѣ братья и онъ остался съ однимъ племянникомъ Иваномъ Ростиславичемъ, вся галицкая область соединилась въ рукахъ перваго, а послѣдній, не получившій ни одной пяди земли, долженъ былъ оставить родину и цѣлую жизнь скитаться, тщетно пытаясь возратить себѣ отцовское наслѣдіе. Этотъ князь извѣстенъ еще подъ именемъ Берладника. Владимірко, между тѣмъ, соединилъ подъ свою властію княжества отца своего и дяди и утвердилъ свою столицу въ Галичѣ; личность его есть одна изъ самыхъ интересныхъ въ описываемое время; въ ней открывается большое сходство съ князьями сѣверной Руси XIII ст. Ихъ правленіе, также какъ и Владимірка, было чисто стяжательное, подобно имъ галицкій князь поставилъ цѣлью своей жизни укрѣпленіе и распространеніе своего княжества; всѣ мѣры, ведущія къ цѣли, онъ считалъ позволенными, на клятвы, цѣлованіе креста не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Такъ, когда онъ, участвуя въ борьбѣ Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ, захватилъ нѣсколько городовъ послѣдняго и потомъ, разбитый Изяславомъ, цѣловалъ крестъ въ знакъ того, что отдастъ захваченные города, при первой же возможности отрекся отъ своей клятвы и даже подсмѣивался надъ Изяславовымъ бояриномъ, который напоминалъ ему о цѣлованіи креста; «сей ли крестецъ малый», говорилъ Владимірко, доказывая безсиліе креста повредить ему, и, наскучивъ возраженіями боярина, прибавилъ: «довольно есте объ этомъ говорили, а теперь поди вонъ». Но въ тотъ же день, по мнѣнію лѣтописца, Владимірко былъ наказанъ: идя къ вечернѣ онъ вдругъ почувство-

валъ ударъ въ плечо, и вскорѣ умеръ (1153). Сынъ его Ярославъ, прозванный Осмомысломъ, хотѣлъ, было, въ началѣ своего правленія, возвратить спорные города Изяславу, но бояре галицкіе, которыхъ значеніе, какъ увидимъ ниже, было весьма велико, воспротивились своему князю и вышеупомянутые города (исключая Буска) остались въ галицкомъ княжествѣ. Во время поддержанный боярами, Ярославъ, въ теченіе всей жизни, заботился о цѣлости и ненарушимости своихъ владѣній; несчастный Берладникъ, имѣвшій полное право на извѣстную часть княжества, не получилъ ничего и отъ Ярослава, попытка, имъ сдѣланная для востановленія своихъ правъ, была бесплодна для него и гибельна для его союзника в. к. Изяслава Давидовича: послѣдній потерялъ престолъ и кончилъ жизнь въ борьбѣ съ отвергнувшими его родичами, черниговскими. Это обстоятельство можетъ дать намъ понятіе о силѣ и значеніи галицкаго князя.

Въ княженіе Ярослава въ первый разъ встрѣчаемъ указаніе на внутреннюю дѣятельность. Лѣтописецъ хвалитъ Ярослава за его миролюбіе, говоритъ, что Ярославъ для того не ходилъ на войну (самъ, а посылалъ воеводъ), чтобы лучше устроить свое княжество внутри; результатъ его усилій выраженъ словами: «бѣбо розстроилъ землю свою», но въ чемъ заключалось это устройство, какія мѣры были приняты для этого, мы, по краткости и отрывочности подобнаго рода извѣстій ипатьевской лѣтописи, не знаемъ ¹²⁾. Трудъ Татищева,

¹²⁾ П. С. Р. Л. П., 135.

какъ сводъ нѣсколькихъ лѣтописей, даетъ намъ нѣсколь-
ко болѣе въ этомъ отношеніи; по его извѣстіямъ Яро-
славъ былъ страшенъ для сосѣдей, потому что воеводы,
его, безпрестанно помогая Грекамъ, Чехамъ, Венграмъ,
переняли отъ нихъ военное искусство и, соединяя его
съ природною храбростію, умѣли побѣждать непріятеля;
безопасный, не боявшійся нападенія, князь обратилъ
все вниманіе на устроеніе земли, призывалъ инозем-
цевъ, искусныхъ въ ремеслахъ, обращалъ вниманіе на
торговлю и особенно усилилъ торговлю съ Византіяца-
ми, строилъ города, населялъ ихъ и, что особенно важ-
но, заботился о распространеніи грамотности. Самъ до-
вольно образованный, любившій читать, знавшій нѣс-
колько языковъ, онъ устраивалъ училища, которыя со-
держались на счетъ монастырей и гдѣ учителями были
монахи ¹³⁾. Сынъ его Владиміръ есть самая ничтожная лич-
ность изъ всей династіи Ростиславичей; слабый, недѣятель-
ный, развратный, онъ скоро возбудилъ всеобщее неудо-
вольствіе. Связь его съ женою какого-то галицкаго свя-
щенника, была причиною его изгнанія; послѣ этого въ
Галичѣ сталкиваются притязанія двухъ сосѣднихъ госу-
дарей, владиміро-волинскаго и венгерскаго и исторія Га-
лича принимаетъ другой характеръ.

Въ обще-русской исторіи этого времени происхо-
дитъ явленіе весьма важное: на отдаленномъ сѣверѣ
возникаетъ княжество и съ необыкновенной быстротою
развиваетъ значительныя силы. Получивъ свое начало

¹³⁾ Татищ. III, 280.

какъ отдѣльное русское княжество, при Владимірѣ Мономахѣ, оно уже при сынѣ его Юріѣ становится однимъ изъ важнѣйшихъ, а внукъ Мономаха, Андрей, уже пренебрегаетъ Киевомъ, остается въ построенномъ имъ городѣ Владимірѣ и оттуда распоряжается золотымъ столомъ кievскимъ. Такимъ образомъ древняя столица Руси, имѣвшая прежде значеніе первенствующее, становится городомъ подначальнымъ, оставаясь подъ властью государя сѣверной Руси и отъ него получая князей. Стремиться завладѣть Киевомъ, что прежде было главною цѣлью князей, теперь стало дѣломъ опаснымъ: можно было придти въ столкновеніе съ сѣвернымъ княземъ; владѣть имъ съ согласія этого князя, казалось униженнымъ для тѣхъ князей, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались значительныя средства; и потому Галичъ, съ его богатою областью, съ установившимся значеніемъ, являлся прекрасною замѣною Кіева, тѣмъ болѣе, что овладѣніе имъ облегчалось постоянными, какъ увидимъ, внутренними смутами.

Оставивъ кievъ, князья различныхъ линій обращаются къ Галичу; сперва видимъ тамъ Мономаховичей, потомъ Ольговичей, а за ними опять Мономаховичей. Западные сосѣди Галича также не остаются спокойными зрителями происходившихъ въ немъ событій; Поляки, какъ нѣкогда владѣвшіе берегами Сана, пытаются, нѣкоторое время, снова утвердить тамъ свое господство; венгерскіе короли, находившіеся въ родственныхъ отношеніяхъ съ галицкими князьями, вслѣдствіе взаимныхъ браковъ, постоянно вмѣшиваются въ ихъ дѣла и, помогая то одной, то другой сторонѣ, питаютъ корыст-

ные замыслы ¹⁴⁾. Такимъ образомъ Галичъ надолго, до самаго 1249 г., сдѣлался предметомъ спора между русскими князьями различныхъ линій и названными иноземцами; вмѣшательство для тѣхъ и другихъ было вовсе не трудно: бояре галицкіе, т. е. лица, имѣвшія значеніе по своему богатству и по занимаемымъ ими

¹⁴⁾ Весьма интересенъ рассказъ венгерскихъ лѣтописцевъ о томъ, что Угры, не успѣвъ еще образовать своего европейскаго государства, уже покорили своей власти Русь и обязали ее ежегодною данью. Такъ Анонимъ Нотарій Короля Белы рассказываетъ, что Угры, подъ предводительствомъ семи старѣйшинъ (*principales personae*), изъ которыхъ главнымъ былъ Альмъ, отецъ Арпада, выступили въ 884 г. изъ Скиѣи, своего древняго отечества; долго шли они по пустынѣ, не встрѣчая никакихъ поселеній, питаясь произведеніями рыболовства и охоты, пока не пришли въ Руссію, которая называется Суздаль (*in Rusciam, quae Susudal vocatur*); безъ всякаго препятствія дошли они до Кіева и рѣшили покорить всю землю Руссовъ. Князь кіевскій, услышавъ объ этомъ, призвалъ на помощь Кумановъ, но не могъ выдержать натиска Угровъ и просилъ мира. Миръ данъ былъ ему на слѣдующихъ условіяхъ: 1) князья и вельможи русскіе должны дать въ заложники своихъ сыновей, 2) должны обѣщать ежегодную (*annuatim*) дань въ 10,000 марокъ серебра и кромѣ того дать Уграмъ пищу, одежду и все необходимое. Князья русскіе исполнили всѣ требованія Угровъ, дали, сверхъ того, 1,000 коней съ полною сбруей, 400 верблюдовъ и другіе дары многіе и безчисленные, и просили только, чтобы Угры не селились въ Галиціи, которая встрѣтится имъ по дорогѣ на Западъ; вмѣсто нея указали на Паннонію, какъ на страну, отличающуюся превосходными качествами. Въ совершеденіи кіевскихъ Руссовъ, дошли Угры до Владиміра, князь котораго далъ имъ также заложниковъ, золота, серебра

должностямъ, съ особенною ревностію стремились къ устройству такихъ отношеній между собою и княземъ, которыя клонились къ явной невыгодѣ послѣдняго, къ ограниченію его власти, — а потому и смѣны князей повторялись безпрестанно. Это мнѣніе о дѣятельности галицкаго боярства есть только предположеніе, нигдѣ въ лѣтописяхъ нѣтъ для него достаточной опоры, нѣтъ наримѣръ, договоровъ, которые бояре заключали бы

и пр.; послѣ трехнедѣльнаго здѣсь пребыванія, Угры въ концѣ четвертой пришли въ Галичъ, гдѣ были приняты съ такою же покорностію; отсюда они перешли въ Паннонію (*Scriptores rerum Hungar. I, cap. VIII, pag. 7 et sqq.*) Не нужно много доказательствъ для опроверженія приведеннаго разсказа; очевидно, что Анонимъ Нотарій, писавшій (въ XIII ст.) въ то время, когда имена Суздаля, Галича и Владиміра уже были извѣстны, не зналъ, что въ IX ст. они еще не существовали. Намъ возразятъ, пожалуй, что время основанія древняго города опредѣлять весьма трудно: построенный въ извѣстную эпоху, какъ значится въ письменномъ памятникѣ, онъ могъ существовать несравненно ранѣе, въ видѣ небольшого поселенія, мало извѣстнаго по негромкой дѣятельности племени, которому оно принадлежало. Согдашаясь съ этимъ возраженіемъ, мы не будемъ опровергать Анонима тѣмъ, что означенные города не существовали въ 884 г., но никакъ не можемъ согласиться съ нимъ, чтобы князья ихъ были до такой степени богаты, что могли поднести Уграмъ столь цѣнные дары. Кромѣ того нашъ собственный лѣтописецъ, которому мы имѣемъ основаніе вѣрить болѣе, чѣмъ безымянному Нотарію венгерскаго короля и который со словъ преданія записалъ извѣстіе объ Уграхъ, именно говоритъ, что Угры мирно, безъ войны прошли 898 г. мимо Кіева и по всей землѣ русской, а воевать они начали

съ княземъ для опредѣленія своихъ взаимныхъ отношеній; но иначе, безъ этого предположенія, невозможно понять безчисленные крамолы и возстанія бояръ противъ князей; не объясняемые этимъ общимъ стремленіемъ, онѣ кажутся дикими и безсмысленными. Трудно повѣрить, чтобы бояре призывали князя только для того, чтобы, продержавъ его нѣкоторое время, замѣнить другимъ, съ этимъ поступить также, призвать третьяго и т. д. и все это безъ особенныхъ побужденій и расчетовъ. Въ такомъ случаѣ бояре представлялись бы намъ скопищемъ сорванцовъ, не имѣвшихъ никакой опредѣленной цѣли и устраивавшихъ смуты только изъ одного безкорыстнаго желанія побуйствовать. Напротивъ, мы очень хорошо понимаемъ, что въ средѣ

тамъ, гдѣ живутъ Волхи и Словѣне, т. е. въ странѣ, впоследствии назвавшейся угорскою (П. С. Р. Л. I, 10). Неужели бы преданіе забыло о враждебномъ столкновеніи Угровъ съ Кіевлянами, еслибъ такое дѣйствительно было? Другой лѣтописецъ венгерскій, болѣе достойный вѣроятія, именно Турочъ, рассказываетъ о покореніи Руссіи (она же и Суздаль) Гуннами еще въ IV ст. (375). Гунны по смерти Атиллы и послѣ междоусобныхъ войнъ сыновей его, возвратились домой, въ азіатскую Скию, откуда уже въ 745 г. перешли въ Паннонію. Въ это вторичное прохожденіе ихъ чрезъ Русь, они, по словамъ Туроча, не имѣли войны съ жителями Суздаля и Кіева (Rio), а что касается до Владиміра и Галича, то объ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія. Такимъ образомъ рассказъ Нотарія ничѣмъ инымъ не объясняется, какъ ложнымъ патріотизмомъ: онъ жилъ въ эпоху частыхъ походовъ венгер. королей на Русь и ему хотѣлось дать право, законность тѣмъ притязаніямъ на Галичъ, которыя ясно высказывались со стороны Венгріи.

высшаго сословія могла образоваться партія въ пользу того или другаго князя, которая могла думать, что известный ей Ольговичъ, напримѣръ, будетъ лучше и добрѣе сидящаго на столѣ Мономаховича; она могла обманываться, но это нисколько не мѣшало составленію другой партіи, въ пользу другаго князя и такъ шло нескончаемое отыскиваніе какого-то идеала княжеской власти. Слишкомъ большая продолжительность этого смутнаго періода въ исторіи Галича объясняется, съ одной стороны, искательствомъ князей-претендентовъ, съ другой, тѣмъ, что бояре того времени еще не успѣли образовать изъ себя отдѣльнаго замкнутаго сословія, не были проникнуты единымъ сословнымъ духомъ, дѣйствовали не дружно, и представляли изъ себя рядъ группъ, руководившихся чисто личными симпатіями и антипатіями. Вотъ почему они ничего не достигли, тогда какъ князья, ясно сознававшіе свою цѣль, твердо и неуклонно къ ней стремившіеся, успѣли, наконецъ, смирить боярство и утвердить свою власть на прочныхъ основаніяхъ.

Займемся теперь краткимъ изложеніемъ событій отмѣреннаго нами періода, т. е. со времени изгнанія Владиміра Ярославича или съ 1188 г. до 1249 г., когда Даниилъ Романовичъ прочно утвердился въ Галичѣ.

Одновременно съ княженіемъ Владиміра въ Галичѣ, княжилъ во Владимірѣ Волынскомъ Романъ, знаменитый правнукъ великаго Мстислава, старшаго сына Мономахова. Какъ сосѣдъ, онъ обратилъ пристальное вниманіе на дѣла Галича, и изгнаніе Владиміра было устроено боярами отчасти по мысли Романа; лучшимъ дока-

зательствомъ этого можетъ служить восшествіе его (Романа) на престолъ галицкій, тотчасъ послѣ бѣгства Владиміра въ Венгрію. Но въ Галичѣ Романъ сталкивается съ другимъ претендентомъ на это княжество королемъ венгерскимъ, который подъ видомъ помощи Владиміру, изгналъ Романа, а столъ его отдалъ сыну своему, королевичу Андрею. Такимъ образомъ въ первомъ спорѣ за Галичъ, верхъ взяли иноземцы Венгры, несчастный Владиміръ добился отъ нихъ, вмѣсто помощи, заточенія; онъ былъ посаженъ въ каменную башню съ женой и сыновьями, а на галицкомъ столѣ сѣлъ королевичъ.

Между тѣмъ Романъ, изгнанный Венграми, попалъ въ крайне-затруднительное положеніе. Оставляя Владиміръ, онъ уступилъ его брату своему Всеволоду, кн. белзскому, и клялся, что никогда уже не потребуетъ этого стола. Понятно теперь, что Всеволодъ не пустилъ Романа-бѣглеца во Владиміръ и, такимъ образомъ, послѣдній лишился и родового и приобрѣтеннаго удѣловъ. Только послѣ долгихъ усилій, онъ успѣлъ возвратить Владиміръ и по прежнему сталъ зорко слѣдить за событіями въ Галичѣ; на его глазахъ происходили извѣстныя насилія Венгровъ, возвращеніе Владиміра и наконецъ смерть его въ 1199 г., когда Романъ, съ помощію Польши, успѣлъ совершить великое дѣло соединенія Волыни съ Галичемъ ¹⁵⁾.

¹⁵⁾ Романъ, какъ намъ извѣстно изъ русскихъ лѣтописей, былъ въ 1199 г. во враждебныхъ отношеніяхъ къ большей части русскихъ князей; со всѣми Мономаховичами онъ былъ въ ссорѣ и если заключилъ союзъ съ Ольговичами, то только по

По Кадлубку, Романъ, лишь только утвердился въ Галичѣ, началъ съ величайшею жестокостью преслѣдовать бомръ; приговаривая свою любимую пословицу «не передавивъ пчелъ, не ѣсть меду», онъ однихъ бояръ живыми зарывалъ въ землю, съ другихъ сдиралъ кожу, у третьихъ вынималъ внутренности и оставлялъ умирать въ страшныхъ

причинъ крайней необходимости. Теперь понятно, что, Романъ не могъ приступить тотчасъ же къ рѣшительному образу дѣйствій, потому что собственные средства его были незначительны, а на постороннюю помощь нечего было рассчитывать: союзники, его Ольговичи, сами были въ незавидномъ положеніи, они воевали съ Рюрикомъ; Всеволодъ не могъ благосклонно смотрѣть на соединеніе Волыни съ Галичемъ, потому что политика его постоянно отличалась, противодѣйствіемъ усиленію какого бы то ни было князя, а Рюрикъ былъ открытымъ врагомъ. Между тѣмъ успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты и энергіи: Галичане, по словамъ Татищева, учинили совѣтъ, на которомъ были высказаны два мнѣнія; одни хотѣли посовѣтоваться съ Рюрикомъ и отъ него просить князя, другіе стояли за Романа и такъ нужно было предупредить вмѣшательство Рюрика. Во второй разъ отправился Романъ въ Польшу и, по словамъ польскихъ писателей, униженно умолялъ Лешка, тогда уже князя краковского, о помощи, соглашался вступить въ подданическія къ нему отношенія (такъ умѣренно переводимъ мы слово, употребленное Кадлубкомъ: *famulatum*) и не хотѣлъ быть самостоятельнымъ владѣтелемъ Галича, а только *Procurator* омъ краковского князя. Кромѣ того общалъ, что чрезъ него Лешко будетъ владѣть всѣми русскими и половецкими князьями. Просьба Романа принята была не совсѣмъ благосклонно, польскіе вельможи находили болѣе выгоднымъ приобрѣсть Галичъ для Польши, но Лешко, по добротѣ сердечной, согласился, наконецъ, исполнить ее и выслалъ воеводу Николая для утвержденія Романа на галиц-

мученіяхъ. Разсказъ этотъ, отвергаемый историками Галича, тѣмъ не менѣе кажется намъ вѣроятнымъ и правдоподобнымъ; въ немъ есть конечно приувеличеніе, но фактъ, разсказанный Кадлубкомъ именно, что Романъ губилъ бояръ, заслуживаетъ полного довѣрія, потому что не противорѣчитъ обстоятельствамъ, среди которыхъ

комъ стоялъ. Еще далеко отъ города польское войско было встрѣчено Галичанами, которые предлагали полное, безусловное подданство краковскому князю, обѣщали большую дань и просили одного: избавить ихъ отъ ненавистнаго господства русскихъ князей, которые губятъ землю своими расприами и междоусобіями; Поляки, однакожъ, не исполнили этой просьбы и, посадивъ Романа, возвратились домой. Разсказъ этотъ основанный на Кадлубкѣ, не только ложень, но и невѣроятенъ; современникъ описываемаго событія Винцентій Кадлубекъ, Епископъ Краковскій, написалъ сочиненіе свое (*Res gestae principum et regum Poloniae*, » изд. Общ. любителей наукъ въ Варшавѣ. 1824), какъ самъ говорить, съ тою цѣлью, чтобы, разсказавъ великія дѣянія предковъ, тѣмъ самымъ вызвать доблесть своихъ современниковъ, возбудить въ нихъ желаніе подражать древнимъ героямъ; но такъ какъ въ древности не все же были герои, да и самые герои, иной разъ, поступали не совсѣмъ хорошо, то авторъ нашелся вынужденнымъ въ одномъ мѣстѣ добавить, въ другомъ прикрасить, придать извѣстный, невѣрный тонъ разсказу, — иначе дѣла его не была бы достигнута. Другое намѣреніе автора, о которомъ онъ умалчиваетъ, но которое очевидно для всякаго читателя, есть прославленіе Казимира Справедливаго и его предковъ и похвальное слово Лешку Бѣлому. Отъ такого сочиненія и отъ такого автора трудно ожидать годой истины, восстановить которую можно историческими соображеніями о томъ или другомъ событіи и показаніями другихъ источниковъ. Характеръ отношеній между польскими и русскими князьями совершенно

началось княженіе Романа въ Галичѣ. Венгерская партія, которой существованіе несомнѣнно, состояла изъ его непріятелей, державшихъ сторону его соперника, короля венгерскаго; достигнувъ стола галицкаго, одержавъ верхъ надъ королемъ, Романъ, изъ чувства самосохраненія, считаетъ необходимымъ обезсилить или и со-

противорѣчить тону этого разсказа, мы старались, выше, доказать, что эти отношенія были совершенно подобны взаимнымъ отношеніямъ русскихъ князей. Пястовичи, чрезъ браки, были постоянно въ родственныхъ связяхъ съ Рюриковичами и, какъ родственники, помогали другъ другу въ распряхъ и междоусобіяхъ, которыя знаменуютъ какъ русскую, такъ и польскую исторію. Не заглядывая въ древнѣйшую эпоху, мы въ только что разсказанныхъ событіяхъ, видимъ подтвержденіе нашихъ словъ: отецъ Романа, Мстиславъ, былъ женою на Святыхѣ, дочери Болеслава Кривоустаго, Казиміръ справедливый женился на Еленѣ, племянницѣ Романа; вслѣдствіе этого онѣ взаимно помогали другъ другу, такъ Мечиславъ, братъ Казиміровъ, выслалъ въ 1189 г. войско, которое должно было посадить Романа во Владиміръ Романъ, взявъ впослѣдствіи сторону Лешка, бился съ Мечиславомъ на р. Мозгавѣ въ 1197 г., а теперь въ 1199 г. когда онъ самъ нуждался въ помощи, ему весьма естественно было обратиться къ Лешку и нѣтъ ничего удивительнаго, что посаженіе Романа въ Галичѣ совершилось при участіи Лешка. Въ сводѣ лѣтописей Татищева это событіе представлено именно такъ какъ мы его понимаемъ; тамъ же находимъ извѣстіе, что Романъ бился съ Галичанами подъ стѣнами ихъ города, что бой былъ непродолжителенъ и побѣдителемъ остался Романъ; это обстоятельство объясняется тѣмъ, что Бела, посадивъ (1188) своего сына Андрея въ Галичѣ, увелъ съ собою въ Венгрію нѣкоторыхъ бояръ или сыновей ихъ, чтобы тѣмъ обезопасить положеніе сына въ новопріобрѣтенныхъ владѣніяхъ; отсюда ясно,

вершенно уничтожить его партію; кромѣ того подобный образъ дѣйствій не могъ остаться безъ вліянія на цѣлое боярство, долженъ былъ сдѣлать его болѣе покорнымъ и отбить у него охоту составлять партіи, въ пользу того или другаго государя. Наконецъ замѣтимъ, что самыя подробности въ разсказѣ Кадлубка, весьма идутъ къ Роману, котораго лѣтопись сравниваетъ со львомъ рысью, крокодиломъ, туромъ и т. д. ¹⁶⁾. Остальная жизнь Романа прошла въ распряхъ съ русскими князьями, особенно съ тестемъ его Рюрикомъ, сперва овручскимъ, а потомъ кievскимъ княземъ, въ участіи въ междоусобицахъ польскихъ князей, гдѣ онъ принималъ сторону своего племянника, Лешка, и въ походахъ на Литву, которую талицкій князь, по свидѣтельству Кадлубка и Стрыйковского, мучилъ, запрягая въ ярмо.

что въ Галичѣ непрерывно должна была существовать венгерская партія; которая, по чувству любви къ своимъ родственникамъ въ Венгріи, всячески должна была заботиться объ интересахъ короля, она-то сообщила ему о смерти Владиміра и король рѣшился снова попытать счастья, но опоздалъ: Романъ бралъ Галичъ въ то время, когда Венгры переходили Карпаты.

¹⁶⁾ П. С. Р. Л. II, 155.

¹⁷⁾ Шумная дѣятельность Романа, вѣроятно чрезъ Венгрію, достигла Рима. Папа Иннокентій III, рассчитывая на славолюбіе галицкаго князя, отправилъ къ нему пословъ для склоненія его въ Латинство; послы должны были обѣщать ему новыя владѣнія и королевскій титулъ за обращеніе въ католицизмъ. Романъ не уклонился отъ спора съ учеными монахами, пришедшими изъ Рима, препирался съ ними отъ письма, какъ говорить лѣтопись, и одолѣлъ ихъ. Послы, не надѣясь на свои убѣжденія, думали ласкательствомъ и обѣщаніями достигнуть цѣли, между

Вотъ все, что можно собрать о Романѣ изъ лѣтописей русскихъ, польскихъ и литовскихъ; внѣшняя дѣятельность его очерчивается очень не полно, а внутренняя, кромѣ отношеній къ боярамъ, рѣшительно неизвѣстна. Отъ подобнаго князя, съ характеромъ смѣлымъ и рѣшительнымъ, съ непреклонною энергіей и значительными средствами матерьяльными, можно было ожидать многого; мы знаемъ одно великое дѣло его: соединеніе Волыни съ Галичемъ, знаемъ его вліяніе на дѣла Польши, предполагаемъ такое же на событія венгерскія, основываясь на словахъ лѣтописи: «Романъ Угры и Ляхи побѣди», и утверждаемъ, что княжество его, послѣ страшнаго погрома бояръ въ 1199, наслаждалось внутреннею тишиной, иначе Романъ не могъ бы такъ всецѣло отдаться устройству своихъ внѣшнихъ отношеній.

По смерти Романа, въ теченіе 44 лѣтъ (до 1249), исторія Галича представляетъ нѣчто хаотическое: число претендентовъ увеличивается, русскіе князья, Поляки, Венгры начинаютъ дѣйствовать настойчивѣе, внутреннія смуты, мятежи становятся все чаще и чаще, а вслѣд-

прочимъ они упоминали о мечѣ Св. Петра, который можетъ сдѣлать Романа богатымъ, сильнымъ и честнымъ. На это Князь возразилъ немного рѣзко и откровенно, но словами, которыми прекрасно характеризуютъ дѣятельность князей древнерусскихъ: «Такій ли то мечъ Петровъ у Папы, говорилъ Романъ, показывая свой собственный, нѣтъ имать такой, то можетъ горюды давати, а азъ доколѣ имамъ и при бедрѣ, не хочу купувати ино кровію, яко же отцы и дѣды наши размножили землю русскую».

ствіе этого происходить непрерывныя смѣны князей. Приводя эту эпоху въ связь съ древнѣйшею исторіею цѣлой Руси, мы найдемъ то сходство, что всѣ эти безпорядки въ Галичѣ вкладываются въ старую рамку, именно представляютъ борьбу Ольговичей съ Мономаховичами. Борьба эта, начавшаяся въ первой половинѣ XII столѣтія, питалась сначала общимъ стремленіемъ и тѣхъ и другихъ—владѣть Кіевомъ; въ описываемое время кіевскій столъ утратилъ значительную долю своего блеска и Галичъ, съ которымъ было соединено Владиміро-Волинское княжество, сдѣлался гораздо болѣе привлекательнымъ. Ближайшіе сосѣди Венгры и Поляки вмѣшиваются въ эту борьбу и, помогая то одной, то другой сторонѣ, сами добиваются Галича. Утомительно и бесполезно было бы слѣдить за всѣми подробностями этого времени; довольно сказать, что отчичъ Галича, сынъ и наслѣдникъ Романа, Даниилъ, оставшись послѣ отца четырехъ только лѣтъ, имѣя опору только въ слабой женщинѣ, своей матери, и въ немногихъ вѣрныхъ боярахъ, тотчасъ же подвергся нападению враговъ которымъ долженъ былъ уступить отцовское наслѣдіе. Непостоянство галицкихъ бояръ, раздѣленіе ихъ на группы, руководившіяся, какъ мы уже сказали, чисто личными симпатіями и антипатіями, было причиною безпрестанной смѣны князей, при чемъ Даниилу четыре раза удавалось садиться на столъ галицкомъ. Сначала, во время его ранняго дѣтства, онъ находилъ еще слабую, недѣятельную помощь Венгровъ и Поляковъ, но послѣдніе скоро наскучили ролью защитниковъ, скинули маску покровительства и стали открыто достигать Галича

собственно для себя. Король венгерскій и кн. польскій хорошо понимали, что обладаніе Галичемъ невозможно для каждаго изъ нихъ отдѣльно, а совокупное владѣніе являлось возможнымъ только подъ условіемъ брачнаго союза между членами обоихъ владѣтельныхъ домовъ и такой союзъ былъ скоро заключенъ. Молодые супруги, 5 лѣтній Коломанъ, сынъ Андрея и трехъ лѣтняя Саломея, дочь Лешка, сѣли на столѣ галицкомъ, послѣ того какъ союзное польско-венгерское войско выгнало оттуда боярина Володислава, который, пользуясь смутами, похитилъ княжеское достоинство ¹⁸⁾. Поляки, однакожъ, скоро отстали отъ союза съ Венграми, послѣдніе были изгнаны знаменитымъ Мстиславомъ Мстиславичемъ, но скоро галицкимъ княземъ является другой, венгерскій королевичъ — Андрей. Впрочемъ притязанія Венгровъ оканчиваются около половины тридцатыхъ годовъ XIII стол., тяжелыя жертвы, принесенныя ими для приобрѣтенія Галича, оказались безплодными и отбили у нихъ охоту къ новымъ попыткамъ; еще ранѣе отста-

¹⁸⁾ Господство Коломана въ Галичѣ важно въ религіозномъ отношеніи. Король Андрей, въ посланіи своемъ къ Папѣ Иннокентію III (1214), въ которомъ называетъ себя «*Rex Haliciae et Lodomeriae*», представляетъ возшествіе Коломана на престолъ галицкій, какъ слѣдствіе униженной просьбы самихъ Галичанъ, при чемъ послѣдніе называются королевскими подданными (*nostrae ditioni subjecti*); далѣе, желая привлечь мило-стивое вниманіе Папы къ своему сыну, рассказываетъ вещи, совершенно невѣроятныя, именно, что Галичане выразили желаніе быть въ единеніи съ священною римскою церковью и повиноваться главѣ ея, Папѣ. Заинтересованный такимъ образомъ Иннокентій III приказалъ стригонскому архіепископу вѣнчать

ли Поляки, которыхъ вниманіе всецѣло поглотилось внутренними, домашними дѣлами; но все-таки Романовичи не могли еще считать себя спокойными обладателями Галича: у нихъ остались еще сильные враги — Ольговичи; борьба съ ними, начавшаяся почти тотчасъ по смерти Романа, первоначально имѣла для нихъ самые печальные результаты: смиряя бояръ за ихъ нестойанство и склонность къ мятежамъ, мѣрами въ высшей степени жестокими, Ольговичи вызвали ужасную месть: съ помощію Венгровъ бояре схватили ихъ и повѣсили на стѣнахъ города. Впослѣдствіи борьба приняла иной характеръ: Ольговичи одолевали и только послѣ долгихъ усилій удалось Даниилу побѣдить ихъ въ лицѣ Ростислава Михайловича, въ сраженіи подъ Ярославлемъ 1249 г.

Здѣсь оканчивается періодъ, котораго характеристику мы выше изложили. Съ этого времени прекращаются внутреннія смуты, внѣшнія нападенія, которыя волновали Галичъ въ продолженіе болѣе чѣмъ 50 лѣтъ. Сраженіе при Ярославлѣ рѣшило дѣло въ пользу Романо-

Коломана королевскимъ вѣнцомъ. Послѣ этого посланія, намъ кажется весьма правдоподобнымъ извѣстіе, сохранившееся въ сводѣ Татищева, что Галичане согласились повиноваться Коломану, только подъ условіемъ принятія имъ Православія, что Коломанъ, давъ обѣщаніе, не только не исполнилъ его, но даже привелъ съ собою двухъ римскихъ епископовъ, которые стали учить народъ новой вѣрѣ, захватили нѣсколько православныхъ цѣрквей и даже оскорбили галицкаго владыку; — все это сильно поразило Галичанъ, но раздѣленные на партіи и потому слабые, они ничего не могли сдѣлать для сверженія иноземцевъ. См. Зубрицк. Истор. древ. Галиц. Княж. III, 92.

вичей. Теперь они твердо усаживаются въ югозападной Руси, Даниилъ въ Галичѣ, а Василько во Владимірѣ. Тѣсная солидарность, постоянно существовавшая между ними, дружный образъ дѣйствій, единство стремленій, все это заставляетъ насъ, излагая исторію Галиціи, не оставлять и исторіи Волыни. Что касается до характеристики дальнѣйшей исторіи Галича, то время отъ 1249 г. до самаго XIV столѣтія, есть время постоянного возвышенія вѣшняго, укрѣпленія внутренняго и устройства благопріятныхъ, даже вліятельныхъ отношеній къ сосѣднимъ державамъ, и это развитіе силъ Галича совершилось такъ быстро, не смотря на зависимость отъ Татаръ.

Лишь только Романовичи успѣли отбить всѣхъ претендентовъ на галицкій столъ, какъ явились новые враги, стѣснившіе ихъ самостоятельность. Въ 1250 г. пришелъ изъ орды лаконическій и тѣмъ болѣе страшный запросъ: «дай Галичъ». Лѣтописецъ сообщаетъ, что князь былъ сильно опечаленъ, такъ какъ не было средствъ къ сопротивленію, города не были укрѣплены, значить негдѣ было укрыться отъ нападенія Татаръ, которое непременно послѣдовало бы въ случаѣ отрицательнаго отвѣта. Не желая отдавать польотчины своей, чѣмъ былъ для Романовичей Галичъ, Даниилъ рѣшился ѣхать въ орду и этимъ изъясненіемъ покорности привлечь къ себѣ милостивое расположеніе хана. Съ понятною печалью поѣхалъ онъ къ берегамъ Волги, невольно вспоминая участь Михаила Всеволодовича и боярина его Федора; непріятность его положенія увеличилась еще болѣе извѣстіемъ, что великій князь

Ярославъ исполнялъ различныя языческія обряды, прежде чѣмъ былъ допущенъ къ хану и что, слѣдственно, тоже самое предстоитъ и ему. Всѣ эти тревожныя ожиданія, однакожь, не исполнились. Даниилъ былъ очень ласково принятъ въ ордѣ, его ни къ чему не принуждали, только понимали, что онъ такъ долго не приходилъ; ему даже угождали, какъ дорогому гостю; такъ, напримѣръ, замѣтили, что ему не нравится кумысъ и тотчасъ же замѣнили его виномъ. Проведя 25 дней въ Ордѣ, Даниилъ выѣхалъ въ свое княжество, котораго онъ остался полнымъ обладателемъ; не знаемъ, имѣлъ ли онъ какіе нибудь переговоры съ Батыемъ, обязался ли чѣмъ нибудь въ отношеніи къ нему, не знаемъ, потому что источники ничего не сообщаютъ объ этомъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы нѣсколько выяснимъ отношенія югозападной Руси къ Татарамъ, теперь же представимъ нѣсколько замѣчаній на разсказанное, только что, событіе. Чѣмъ, напримѣръ, объяснить то обстоятельство, что Татары такъ терпѣливо ждали Даниила и такъ были довольны, когда онъ наконецъ пришелъ? «Данило, говорилъ ханъ, чему еси давно не пришелъ, а нынѣ, оже еси пришелъ, а то добро же». Конечно, Татары во все это время (съ 1243 или 44 до 1250) занимались утвержденіемъ своего вліянія на сѣверную Русь и обращала меньшее вниманіе на галицкое княжество; съ другой стороны, они хорошо замѣтили тѣсную связь Галича съ прилежавшими къ нему государствами западной Европы, а занадъ уже далъ почувствовать Татарамъ свою силу: легко одолевая Русскихъ, ослабленныхъ раздорами, они при Лигницѣ, съ большимъ трудомъ, потерявъ

много людей, взяли перевѣсъ надъ Генрихомъ, герцогомъ нижнесилезскимъ; западные рыцари, закованные въ желѣзо, дѣйствующіе стройно и дружно, показались имъ опасными, и когда на другой же день предъ ними явились свѣжіе полки чешскаго короля Вячеслава, Татары не рѣшились вступить во вторичную битву и пошли назадъ въ Венгрію; нѣсколько времени спустя, они даже потерпѣли пораженіе отъ чешскаго воеводы, Ярослава изъ Штернберга (при осадѣ Ольмюца); все это заставляло ихъ смотрѣть на Западъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ и не желать, по крайней мѣрѣ до времени, борьбы съ нимъ. Это обстоятельство объясняетъ ту сходимость, съ которою Батый принялъ Данила, объясняетъ отсутствіе переписи въ Галичѣ, отсутствіе баскаковъ; даже извѣстія о дани попадаютъ несравненно позднѣе. Тѣмъ не менѣе и легкая зависимость отъ азіатскихъ варваровъ казалась бѣдствіемъ, отъ котораго слѣдовало избавиться какимъ бы то ни было образомъ. Извѣстны мѣры, употребленныя Даниломъ для достиженія этой цѣли; союзъ съ Павою оказался безплоднымъ и скоро былъ разорванъ; введенный въ заблужденіе слабостью ближайшаго къ нему баскака Куремсы, Данилъ надѣялся одними собственными средствами добиться желаннаго результата; укрѣпивъ города, онъ началъ въ 1257 г. наступательное движеніе и возвратилъ города галицкаго княжества, захваченные Татарами; но вмѣсто Куремсы явился «безбожный Бурундай, въ силѣ тяжкѣ, со многими полками» и князья сами должны были разметать построенныя ими укрѣпленія, должны были, по приказу баскака, воевать Литву въ то время,

когда она была имъ мирною, и такимъ образомъ подчинились игу варваровъ, которое думали такъ легко свергнуть.

Что касается до отношеній къ Венгріи и Польшѣ, то онѣ устроились весьма благопріятно для галицкаго княжества. Венгрія, разоренная Татарами, не могла быть опасна для сосѣдней Галиціи; король даже искалъ дружбы Даниіла и для скрѣпленія его предложилъ родственный союзъ, именно бракъ Льва съ Констанціей. Какъ добрые сосѣди и родственники, король и князь помогали другъ другу въ различныхъ предпріятіяхъ, такъ напр. Даниілъ помогаль Венграмъ въ войнѣ за наслѣдство австрійскаго герцога Фридриха Воинственнаго, сперва изъ безкорыстнаго желанія оказать услугу королю, а потомъ изъ интересовъ своего дома, п. ч. сынъ его Романъ, какъ извѣстно, женился на племянницѣ покойнаго герцога и въ приданое за нею долженъ былъ получить Австрію и Штирію. Не смотря на нечестный образъ дѣйствій короля въ этомъ случаѣ, дружественныя отношенія сосѣдей не измѣнились. Такъ Даниілъ въ 1261 г., спасаясь отъ Бурундая, бѣжалъ въ Венгрію и нашелъ тамъ радушный пріемъ.

Польша отъ самой смерти Лешка была волнуема внутренними междоусобіями, возникавшими, главнымъ образомъ, изъ-за порядка наслѣдованія; еще до Лешка явилось мнѣніе, что наслѣдство въ нисходящей линіи гораздо разумнѣе и правильнѣе; говорили даже, что старый порядокъ уничтоженъ Императоромъ и Папою ¹⁹⁾

¹⁹⁾ Vincent. Kadlub. II, 105.

и потому при каждомъ очищеніи стола начиналась борьба между противниками и приверженцами стараго порядка наслѣдія. Эти распри дали возможность Даниилу утвердить свое вліяніе на дѣла польскія; замѣчательно, что онъ постоянно защищалъ старое представленіе о наслѣдствѣ, хотя, впрочемъ, ни разу не далъ ему торжества надъ новымъ. Въ шестидесятыхъ годахъ во взаимныхъ отношеніяхъ Польши и юз. Руси является стремленіе рѣшать общія дѣла не оружіемъ, а мирными съѣздами, конгрессами, образцемъ которыхъ былъ съѣздъ въ Терновѣ 1262 г.

Особенное значеніе, при Даниилѣ, имѣютъ отношенія литовскія, такъ какъ при немъ совершилось образованіе литовскаго государства. Изъ извѣстій Стрыйковскаго и Кадлубка, изъ сохранившейся съ древнѣйшаго времени пословицы (зле, Романе, робиши, же Литвою ореши) видно, что Литовцы были покорены Романомъ. Мученія, которыя они вытерпѣли отъ него, конечно, не могли сдѣлать ихъ мирными сосѣдями Романовичей; безпрестанныя нападенія Литвы, сопровождаемыя опустошеніемъ, не мало вредили Даниилу и Васильку, которые и безъ того были окружены врагами. Но къ счастью дѣтей Романа, Литовцы сами ослабляли себя своими раздорами и, желая, въ случаѣ надобности, найти помощь въ сосѣднихъ князьяхъ, пришли въ 1215 г. къ Даниилу и Васильку «миръ дающе»; съ этого времени они дѣлаются даже полезными имъ и воюютъ ихъ недруга, Лешка Бѣлаго. Подъ словомъ Литовцы, въ этомъ случаѣ, не слѣдуетъ разумѣть цѣлаго литовскаго народа, но только отдѣльные роды или поколѣнія, изъ

которыхъ одни могли быть въ дружбѣ, другіе во враждѣ съ тѣмъ же самымъ княземъ, по этому нѣтъ ничего удивительнаго въ извѣстіяхъ лѣтописи о нападеніяхъ Литовцевъ послѣ 1215 года, послѣ заключенія мира съ Данииломъ. Но эти нападенія, имѣвшія цѣлью опустошеніе и грабежъ, не были существенно опасны для русскихъ князей; серьезная опасность отъ Литвы начинается только въ половинѣ XIII столѣтія. Въ это время отдѣльные литовскіе князья не довольствуются одними опустошеніями; они спѣшатъ утвердиться на неприятельской землѣ, основать на ней свои государства. Такъ вскорѣ по опустошеніи западной Руси Татарами, Эрдивиль, сынъ жмудскаго князя Монвила, занялъ опустѣлые русскіе города и основалъ среди нихъ первый литовско-русскій удѣлъ Новогородокъ ²⁰). Съ другой стороны въ литовскомъ мірѣ, до сихъ поръ разобщенномъ, распадающемся на нѣсколько отдѣльных частей безъ крѣпкой внутренней связи, въ это же время, является стремленіе установить эту связь, спаять отдѣльныя части и такимъ образомъ вмѣсто слабыхъ отрывковъ образовать крѣпкое, самостоятельное цѣлое. Эта идея и ея осуществленіе принадлежитъ Миндовгу, личности въ высшей степени замѣчательной. Весь проникнутый стремленіемъ къ единовластію и основанію могущественнаго государства, Миндовгъ считалъ себя въ правѣ не разбирать средствъ, которые могли бы привести къ его высокой цѣли. Считая прочихъ князей главною себѣ помѣхой, онъ однихъ изгонялъ, другихъ

²⁰) Костомаровъ. Литовскіе внородцы. (Рус. Слово V).

убивалъ и владѣнія ихъ подчинялъ своей власти; впрочемъ на этомъ пути онъ встрѣтилъ преграду, которая надѣлала ему много хлопотъ. Между прочими Миндовгъ желалъ отдѣлаться и отъ своихъ родственниковъ, князей Тевтивила, Эдивида и ихъ дяди Викинта; онъ послалъ ихъ воевать Русь, сказавъ: «кто что возьметъ, то пусть и держитъ при себѣ». Названные князья завладѣли Смоленскомъ, Полоцкомъ и Витебскомъ и не зная, изъ за того ли, что Миндовгъ хотѣлъ убить ихъ, какъ говоритъ ипатьевская лѣтопись, или требовалъ отъ нихъ покорности и подчиненія, только они бѣжали къ Даниилу, который былъ женатъ на сестрѣ Тевтивила и Эдивида, и просили его помощи противъ Миндовга. Мы не знаемъ прежнихъ отношеній галицкаго князя къ литовскому; въ описаніи сраженія 1249 года, упоминается Литва, пришедшая на помощь Даниилу. Можетъ быть это было войско Миндовга, что указываетъ на дружбу его съ галицкимъ княземъ, а можетъ быть эта помощь пришла отъ другихъ литовскихъ князей, напримеръ Тевтивила или Эдивида. Но какія бы ни были ихъ отношенія, Даниилъ съ удовольствіемъ принялъ просьбу шурьевъ и согласился помогать имъ; согласіе это, вытекая отчасти изъ воинственнаго характера Даниила, вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывалось и политическими соображеніями: неблагоразумно было бы пропустить случай и не воспользоваться враждою, которая начиналась въ народѣ храбромъ, воинственномъ, грозившемъ образовать изъ себя крѣпкое государство; на этомъ основаніи Даниилъ задумалъ нападеніе на Литву въ широкихъ размѣрахъ, «время хрестіаномъ на поганые, яко

сами имѣютъ рать межи собою» писалъ онъ къ польскимъ князьямъ, надѣясь возбудить и ихъ къ войнѣ съ Миндовгомъ. Поляки согласились только на словахъ и не приняли въ войнѣ никакого участія. Между тѣмъ Викинтъ поднялъ на Миндовга Жмудь, Ятвяговъ, а Тевтивилъ принятіемъ католицизма, привлекъ на свою сторону рижскихъ Нѣмцевъ. И такъ серьезная опасность угрожала Миндовгу; желая отклонить ее, онъ объявилъ, что хочетъ креститься и вслѣдствіе того получилъ и королевскій вѣнцъ и помощь Ордена. Оградивъ себя, такимъ образомъ, отъ нападенія рыцарей, Миндовгъ обратился на Тевтивила, который съ Жмудью, Ятвягами и войскомъ Данила, далъ ему битву, близъ неизвѣстнаго города Вороты, въ то время, какъ Данилъ опустошалъ новгородскую область. Миндовгъ увидалъ, что и безъ Нѣмцевъ, враги его достаточно сильны и потому рѣшилъ мириться; помирившись съ Даниломъ онъ для скрѣпленія дружбы выдалъ дочь свою за Шварна, при чемъ важную роль въ дѣлахъ русскихъ начинаетъ играть новый родственникъ русскихъ князей, сынъ Миндовга, Войшелкъ или Войсылко. Этотъ Войшелкъ личность, въ такой же степени замѣчательная, какъ и отецъ его; отличаясь необыкновенною жестокостью, онъ радовался пролитію крови и впадалъ въ глубокую печаль, когда не было случая убить кого нибудь; и этотъ человекъ, язычникъ съ головы до ногъ, вдругъ страстно привязывается къ Христіанству и даже принимаетъ иноческій санъ. Оставивъ міръ, онъ не нуждался болѣе въ своемъ княжествѣ и отдалъ его, т. е. Новогородъ, Слонимъ и Волковыйскъ, Роману. Послѣ того

онъ тщетно пытался пройти на Св. Гору; возникшія, въ то время, безпокойства въ византійской имперіи сдѣлали пути небезопасными и потому Войшелкъ возвратился и самъ построилъ себѣ монастырь на берегу Нѣмана, близъ Новогрудка.

Естественно, что Миндовгъ съ величайшимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на уступки, которыя онъ долженъ былъ сдѣлать Даніилу и ждалъ только случая для начала новой борьбы. Справедливость требуетъ сказать, что Романовичи первые начали непріязненныя дѣйствія, хотя и противъ воли. Въ 1260 г. явился Бурундай и звалъ ихъ на войну съ Литвою; Даніиль, какъ намъ извѣстно, не поѣхалъ къ баскаку, а послалъ Василькз, который, желая понравиться Бурундаю, по пути напалъ на небольшой отрядъ Литовцевъ, разбилъ его и привелъ плѣнниковъ къ татарскому предводителю. Это нарушеніе мира Романовичами вызвало жестокую месть со стороны Войшелка: онъ захватилъ Романа и этотъ сынъ Даніила исчезъ съ тѣхъ поръ навсегда; мы знаемъ только, что онъ похороненъ въ соборной Богородичной церкви въ Холмѣ. Тщетно Даніиль и Василько, долго и въ разныхъ направленіяхъ, воевали Литву, они только вызвали, со стороны Литовцевъ, такое же опустошеніе своихъ областей; рядъ обоюдныхъ набѣговъ окончился въ 1262 г. битвою при городѣ Неблѣ, гдѣ Василько такъ поразилъ Литовцевъ, что ни одинъ изъ нихъ не остался въ живыхъ. Далѣе лѣтописи не упоминаютъ о столкновеніяхъ Даніила съ Миндовгомъ, оно и понятно: и тотъ, и другой были заняты дома, первый Татарами, второй отношеніями къ Папѣ и Ордену. Принявъ кре-

щеніе по необходимости, по требованію обстоятельствъ, Миндовгъ, по прежнему оставался язычникомъ, втайнѣ приносилъ жертвы идоламъ и держался тѣхъ суевѣрій и предрасудковъ, которые были порожденіемъ язычества; при такихъ убѣжденіяхъ онъ не могъ долго оставаться Христіаниномъ, даже по наружности, тѣмъ болѣе, что крещеніе не принесло ему никакой пользы: орденъ соглашался помогать ему только за вознагражденіе извѣстною частью его владѣній. Приготовивъ втайнѣ средства для борьбы съ нѣмцами, помирившись съ родственникомъ своимъ Тройнатомъ, заклятымъ врагомъ Ордена, Миндовгъ въ 1259 началъ дѣйствовать наступательно; въ Курляндіи, на берегахъ р. Дурбы, Литоцвы одержали блистательную побѣду надъ рыцарями и вслѣдъ за тѣмъ Миндовгъ, произведя возстаніе въ Пруссіи, торжественно отрекся отъ Христіанства и королевской короны. Орденъ не имѣлъ силъ наказать его. Устроивъ такимъ образомъ свои внѣшнія отношенія, Миндовгъ продолжалъ внутри отдѣляться отъ родичей и, не находя себѣ сильныхъ соперниковъ, вознесся, по словамъ летописи, славою и гордостью великою; это самолюбіе и неуваженіе правъ другихъ довело его до гибели. Въ 1262 г. умерла жена его; Миндовгъ, много печалась о покойницѣ, призвалъ ея сестру, супругу нальщанскаго князя Даумонда, чтобы вмѣстѣ оплакать ихъ общую утрату; когда сестра покойницы пріѣхала, Миндовгъ женился на ней, ссылаясь на такое желаніе умершей. Этотъ насильственный бракъ раздражилъ Даумонда, который, съ этого времени, сталъ искать случая убить Миндовга и исполнилъ свое намѣреніе въ 1263 г., ког-

да Миндовгъ выступилъ въ походъ на Романа Брянскаго. Войшелкъ, узнавъ объ убіеніи отца, испугался и убѣжалъ въ Пинскъ, а Литвою и Жмудью сталъ управлять сообщникъ Даумонда, Тройнате, вскорѣ убитый тремя конюхами Миндовга. Какъ видно въ Литвѣ существовала партія, которая желала имѣть княземъ Войшелка, потому что послѣдній, извѣстившись о смерти Тройнаты, пошелъ къ Новогородку, а оттуда, получивъ вспомогательное войско отъ Шварна и Василька, въ Литву, гдѣ съ радостію былъ признанъ наслѣдникомъ Миндовга. Власть не привлекала его, но смерть отца требовала мести; недавно принятое Христіанство не измѣнило еще языческаго образа мыслей и чувствъ, который былъ воспринятъ Войшелкомъ съ самаго ранняго дѣтства. Съ прежнею свирѣпостію избивалъ онъ всѣхъ, кого хоть немного можно было подозрѣвать въ ненависти къ Миндовгу, и когда уже некому было мстить, ушелъ обратно въ свой монастырь замаливать новыя грѣхи. Помощь, оказанная ему русскими князьями, совершенно измѣнила отношенія Руси къ Литвѣ, но это измѣненіе случилось уже по смерти Данила и потому мы расскажемъ о немъ въ своемъ мѣстѣ ²¹⁾).

²¹⁾ Мы не считаемъ нужнымъ распространяться объ отношеніяхъ Галича къ Ятвягамъ; этотъ народъ, до нелзя дикій и воинственный, дѣлалъ безпрестанныя нападенія на волынскую область, за что ему платили тою же монетою, и конечно Русскіе имѣли всегда перевѣсъ надъ Ятвягами; они были и сильнѣе и искуснѣе, имѣли лучшее вооруженіе и дѣйствовали правильнѣе. Не разъ повторившееся отустошеніе ятвяжской земли

Въ 1264 г. умеръ король Даниилъ, 63 лѣтъ отъ роду. Вотъ что говорить объ немъ лѣтописецъ: «се же Король Даниилъ, Князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда города многи, и церкви постави, и украси ѣ разнообразными красотами; бяшетъ бо братолюбиемъ свѣтѣся, со братомъ своимъ Василькомъ; сей же Данило бяшетъ второй по Саломонѣ». Отзывъ необыкновенно вѣрный и полный, обнимающій всю дѣятельность и всѣ характеристическія черты Даниїла. Его воинственность и храбрость дѣлаются понятны изъ обстоятельствъ его жизни; съ четырехлѣтняго возраста онъ былъ уже окруженъ врагами, добивавшимися его наслѣдства, и лицемерными друзьями, которые, впрочемъ скоро, сбросивъ маску покровительства, также начали добиваться Галича. Возмужавъ, Даниилъ отбилъ всѣхъ претендентовъ, и Венгровъ, и Поляковъ, и русскихъ князей Ольговичей; въ этомъ дѣлѣ онъ является тѣмъ болѣе великимъ, что внутри государства, въ его высшемъ сословіи, онъ находилъ слишкомъ слабую поддержку, и чаще открытое противодѣйствіе; приходилось дѣйстви-

имѣло важные результаты: въ 1256 г. Ятвяги, разоренные въ конецъ, прислали просить мира, обѣщаясь платить дань и строить города въ своей землѣ, въ удостовѣреніе чего прислали дѣтей своихъ въ заложники; такъ первые начатки цивилизаціи были внесены къ Ятвягамъ Русскими при Даниилѣ. Въ 1257 г. къ нимъ ѣздила галицкій бояринъ для сбора дани черными куницами, бѣлками и серебромъ. Часть дани послали въ подарокъ пограничному польскому начальнику, чтобы, такимъ образомъ, похвастаться передъ сосѣдами.

вать то оружіемъ, то переговорами, и Даниилъ имѣлъ одинаковый успѣхъ въ обоихъ родахъ дѣйствія. Завладѣвъ Галичемъ, Даниилъ успѣлъ совершенно измѣнить его вѣдшія отношенія; вліяніе русскаго короля было, какъ мы видѣли, сильно и въ Венгріи, и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, и Ятвяхахъ. Татары, хотя и стѣснили его независимость, нанесли ей ущербъ, но иго ихъ вовсе не было такъ сильно въ югозападной Руси, какъ въ сѣверовосточной. Другая замѣчательная черта Даниила, рекомендуемая его умъ и сердце, есть его братолюбіе, прекрасныя отношенія къ Васильку, столь рѣдкія между князьями братьями того времени; вотъ почему Галичъ и Волынь составляли тогда одно государство, которое дружно двигало свои силы для достиженія общихъ цѣлей. Наконецъ внутренняя дѣятельность Даниила, построеніе городовъ, церквей, приведеніе страны въ цвѣтущее положеніе послѣ татарскихъ опустошеній, была до такой степени благотворна, что даже Длугошъ, не любившій распространяться о могуществѣ русскихъ князей и расточать имъ похвалы, говоритъ о Даниилѣ, что онъ былъ «*divitūs, terris, gentibus, factivitate et industria pollens*».

Что же касается до связи Галича съ остальною Русью, то, какъ мы видѣли, связь эта окончательно порвалась въ началѣ сороковыхъ годовъ XIII столѣтія. Съ этого времени Русь югозападная составляетъ особую государственную систему, которая примыкаетъ къ Западу, а не къ Востоку, которая имѣетъ несравненно большее значеніе въ дѣлахъ Венгріи, Польши, Чехіи, австрійскаго герцогства, Литвы и земли ятвяжской, нежели въ событіяхъ княже-

ство суздальскаго, владимірскаго и вообще Руси сѣверовосточной. Эта отдѣльность, оторванность отъ роднаго племени, конечно, не могла сулить ей ничего хорошаго въ будущемъ. Но слѣдуетъ ли обвинять въ этомъ Данила? Конечно нѣтъ: Татары, наводнивъ весь Югъ Россіи, совершенно обезсиливъ его, отдѣлили древнюю, кievскую Русь отъ новаго Сѣвера; но подлѣ этой старой, парализованной Руси, въ ея западномъ уголкѣ, сохранилась частица русскихъ силъ, которыя, развившись въ особую, крѣпкую державу, требовали себѣ дѣятельности, искали исхода; онѣ не могли прилить къ родному Сѣверу, отъ котораго отдѣлялись, съ одной стороны, Литовцами, съ другой Татарами и потому весьма естественно, что онѣ обратились на дѣла, чуждыя Руси и, мало по малу, произвели упомянутую связь Галича съ прилежащими къ нему государствами западной Европы.

Въ концѣ царствованія Данила, мы упомянули о перемѣнѣ въ литовскихъ отношеніяхъ; она произошла слѣдующимъ образомъ: Войшелкъ, совершивъ свою кровавую месть съ помощію Василька и Шварна, «нарекъ перваго, аки отца себѣ и господина», а второму, по удаленіи своемъ въ монастырь, отдалъ свое княжество.

Навсегда уже отказавшись отъ княжескаго достоинства, Войшелкъ поселился въ даниловскомъ монастырѣ, близъ Угровска; туда же пріѣхалъ къ нему Григорій Полонинскій, его старый наставникъ въ иноческомъ житіи, вблизи жили Шварно и Василько, такимъ образомъ около князя-монаха собрались всѣ любимые имъ люди; «се ми здѣ, близъ мене сымъ мой Шварнео, а другой господинъ мой отецъ князь Василько, а тѣма ся иму

утѣшивати», говорилъ Войшелкъ, не подозрѣвая близкой смерти отъ руки русскаго князя. Отдача Литвы Шварну произвела весьма непріятное впечатлѣніе на Льва, челоуѣка, въ высшей степени завистливаго и стяжательнаго, и между нимъ и Войшелкомъ поселилось неудовольствіе; въ 1268 г. прислалъ Левъ къ Васильку, прося устроить ему свиданіе съ Войшелкомъ; Василько, согласившись, послалъ зовъ, но Войшелкъ боялся Льва, не хотѣлъ ѣхать и если, наконецъ, рѣшился, то отдавшись, какъ говоритъ лѣтописъ, на Васильковы руки. Князья весело праздновали свое свиданіе у Нѣмца Маркольта и казались въ дружескихъ между собою отношеніяхъ. Послѣ обѣда когда всѣ разѣхались по домамъ, Левъ отправился въ монастырь св. Михаила, гдѣ остановился Войшелкъ, и постучался въ его келью съ словами: «куме, напьемся» ²²⁾ начался новый пиръ, въ продолженіе котораго князья поссорились и Левъ, разгоряченный виномъ, кромѣ того и прежде нерасположенный къ Войшелку, убилъ его. Вскорѣ послѣ того умеръ и Шварно, и Литва снова отдѣлилась отъ Руси; очень можетъ быть, что поступокъ Льва раздражилъ Литовцевъ противъ русскихъ князей и въ Литвѣ сталъ княжить туземецъ Тройденъ, язычникъ, о которомъ наша лѣтописъ отзывается очень неблагоклонно, придавая ему эпитеты окаяннаго, беззаконнаго, проклятаго и т. д.

Изъ дальнѣйшихъ отношеній сыновей Данила къ Литвѣ, замѣчательнъ фактъ, записанный въ лѣтописи подъ

²²⁾ Войшелкъ крестилъ у Льва, сына Юрія.

1289 г. Лѣтописецъ сообщаетъ, что литовскіе князья Будикидъ и Будивидъ дали Мстиславу владимірскому Волковыйскъ, «абы съ ними миръ держалъ». Это извѣстіе, по всей вѣроятности, объясняется возникшими тогда въ Литвѣ смутами, которыя заставляли князей ея стараться обезопасить себя извнѣ, хотя бы то стоило извѣстныхъ пожертвованій. Эти смуты были послѣднимъ актомъ броженія, изъ котораго родилось могущественное литовское государство и русскій князь, заставляя Литовцевъ покупать у себя миръ цѣною городовъ, ни какъ не думалъ, что его собственное княжество скоро подпадетъ ихъ власти.

Отношенія къ Польшѣ отличаются тѣмъ же характеромъ, какой имѣли при Даніилѣ. Естественно, что постоянныя междоусобія въ Польшѣ усиливали вліяніе русскихъ князей. Въ лѣтописи записанъ фактъ, что одинъ изъ князей Мазовецкихъ (Кондрать Семовитовичъ) сталъ подъ руку Владиміра Васильковича и потомъ Мстислава Даніиловича. Намъ кажется, впрочемъ, что не слѣдуетъ придавать особенное значеніе этому подручничеству: оно было только номинальное.

Для лучшаго пониманія татарскихъ отношеній приведемъ разсказъ лѣтописи о походѣ Русскихъ и Монголовъ на Польшу въ 1283 г. Два непріязненныхъ между собою хана, Телебуга и Ногай, забывъ на время вражду свою, рѣшили идти на Ляховъ и первый приказалъ всѣмъ русскимъ князьямъ идти вмѣстѣ съ нимъ въ Польшу. Изъявляя свою покорность, одинъ за другимъ являлись русскіе князья къ Телебугѣ, во время похода его чрезъ русскія земли, съ питьемъ и дарами; такъ на

Горыни встрѣтилъ его Мстиславъ, у Перемиля Владиміръ, а на Бужковомъ полѣ, Левъ. На этомъ полѣ ханъ сдѣлалъ смотръ своему войску; оно было такъ огромно, что князья испугались и ждали себѣ или насильственной смерти, или отобранія городовъ; отсюда Татары двинулись къ Владиміру, города не брали, но, пограбивъ множество товара и коней, потянулись въ Польшу. Часть ихъ, однакожъ, осталась подъ Владиміромъ, для того, чтобы пасти любимыхъ коней; эти пастухи дѣлали величайшія насилія, никому не позволяли выходить изъ города, однихъ грабили, другихъ убивали и довели городъ до крайняго изнеможенія. Между тѣмъ Телебуга воевалъ Польшу, приступалъ, но безъ успѣха, къ Сендомиру и хотѣлъ было идти къ Кракову, но, узнавъ, что Ногай опередилъ его, повернулъ въ землю Льва. Двѣ недѣли оставался онъ подъ Львовомъ, кормя коней, и едвали не болѣе сдѣлалъ зла русской землѣ, чѣмъ Польшѣ: всѣ выходившіе изъ города, или были убиваемы, или, сохранивъ жизнь, теряли все до сорочки и гибли потомъ отъ холода, который былъ особенно силенъ въ ту зиму. Отъ скопленія людей въ городѣ появилась зараза, въ опустошенныхъ селахъ — голодъ, такъ что народъ умиралъ тысячами; всего, по счету Льва, погибло 12500 человекъ.

Вотъ образчикъ татарскихъ отношеній; Телебуга, какъ видно, подобно Бурундаю, считалъ необходимымъ, отъ времени до времени, напоминать Русскимъ о своей силѣ, чтобы тѣмъ крѣпче утвердить власть свою между ними. Кромѣ даровъ, которые подносились ханамъ при извѣстныхъ случаяхъ, платилась, въ разсматриваемый періодъ,

и постоянная, определенная дань: въ завѣщаніи Владиміра Васильковича встрѣчается упоминаніе о поборѣ, подъ названіемъ Татарщины; это есть, по всей вѣроятности, налогъ, съ помощію котораго уплачивался ордынской выходъ. Въ это же время князья югозападные, подобно сѣверовосточнымъ, привыкли обращаться къ ханскому авторитету и имъ закрѣплять, дѣлать твердыми свои распоряженія; такъ лѣтописецъ рассказываетъ подъ 1287 г., что князь Владиміръ, чувствуя приближеніе смерти и желая передать свое княжество Мстиславу, объявилъ свою волю при ханѣ: «а се даю ти при Царѣхъ и при его рядьцахъ». Мстиславъ, принимая даръ, спрашивалъ Льва, не будетъ ли онъ искать части его по смерти Владиміра, и не лучше ли теперь же высказать свои притязанія, «а се царь, а се азъ, молви со мною, что восхощешь». Изъ этихъ словъ видно, что царь долженъ былъ бы разрѣшить недоумѣніе и споръ, которые произошли бы, еслибъ Левъ высказалъ свои виды на Владимірово наслѣдство. Въ дополненіе представленнаго очерка татарскихъ отношеній, скажемъ, что въ означенное время встрѣчаются извѣстія о поѣздкахъ князей въ орду; такъ на одной рукописной кормчей, читаемъ надпись слѣдующаго содержанія: «Въ лѣто 1286 списанъ бысть сей Номоканопъ боголюбивымъ княземъ Владиміромъ, сыномъ Васильковымъ, боголюбивой княгиней его Ольгой Романовной. Пишущимъ же намъ сія книги, поѣхалъ господь нашъ къ Ногаеву и госпожа наша осталась у Владиміру, зане быше немощію

угонила люта збѣло, того ради не мощно ей бысть про-
водити его» ²³⁾).

Изъ сказаннаго видно, что татарское вліяніе на Русь югозападную сдѣлалось несравненно тяжелѣе при сыновьяхъ Даниіла: уже платится дань, князья ѣздятъ въ орду и въ своихъ распоряженіяхъ ссылаются на хана, какъ на лице, рѣшеніе котораго безапелляціонно. Но сравнивая это вліяніе съ тѣмъ гнетомъ, который падалъ на сѣверовосточную Русь, мы все таки видимъ большую разницу; она велика уже потому, что въ Галичѣ не было переписи, не было баскаковъ и страшной язвы народа сѣвернаго, откупщиковъ данн, которые тянули изъ него послѣднія жизненныя силы.

По смерти сыновей Даниіла и Василька изъ потомковъ Романа Великаго намъ извѣстны Юрій Львовичъ и Даниилъ Мстиславичъ, который, по причинѣ своего малолѣтства, не имѣлъ особеннаго удѣла и Юрій соединилъ подъ своею властію и Галицію и владимірское княжество. Въ 1316 г. правятъ уже сыновья Юрія, Андрей и Левъ, они употребляютъ титулъ: «*duces totius terrae Russiae, Galiciae et Lodomeriae*» ²⁴⁾. О смерти ихъ, случившейся около 1324 года, извѣстно изъ письма короля польскаго Владислава Локетка къ Папѣ Іоанну XXII, въ которомъ Владиславъ извѣщаетъ, что со смерти этихъ князей (послѣднихъ?) «*de gente schismatica*», Польша лишилась непреодолимаго щита отъ Татаръ («*quos pro scuto inextrugnabili habebamus*») и потому просить у Папы

²³⁾ Востокъ: О. Р. М. стр. 312.

²⁴⁾ Карамз. И. Г. Р. примѣч. 268.

помощи ²⁵⁾. Есть нѣкоторое основаніе думать, что при этихъ князьяхъ, Даниль Мстиславичъ, достигнувъ совершеннолѣтія, получилъ въ удѣлъ Белзь, а сынъ его Юрій присоединилъ къ нему Холмъ ²⁶⁾ съ согласія короля Казимира въ 1366 г. (см. Анонима Гнезнен. подъ 1366 г.).

По смерти Андрея и Льва (1324) на престолъ галицкій и владимірскій вступилъ Юрій II Андреевичъ, (+ 1335) которымъ и заканчивается рядъ князей русскихъ, самостоятельно правившихъ Галиціею.

²⁵⁾ Карамз. II. Г. Р. IV, 275 прим.

²⁶⁾ Въ Описаніи Рукѡписей Румянцовскаго Музея, Востокова, на 174 стр. при описаніи одного Харатеямаго Евангелія, читаемъ слѣдующую вкладную запись 1376: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се я князь юрія холмскни, сынъ данила холмскаго, по смерти сына моего князя семена придали іесмо къ церкви Божой, пречистой Богоматери на Богомоле вечистоіе село стрижово слепче Космово пучнево зовомо обаполъ бугу въ лето 6884 к столцу ієпископни холмскоіе при боголюбезномъ калисти ієпископи холмьскомъ и белзькомъ да пребудуть же непорушно подъ анаеемою за што здѣ даи Господи намъ побыть и здравііе а по семъ и детемъ нашимъ вечную память аминь».

Эта вкладная занись очевидно доказываетъ, что Юрій, князь холмскій и белзскій, который правилъ до 1378 года и который такъ мужественно боролся съ Поляками, не Наримунтовичъ, какъ полагали, а Даниловичъ и есть сынъ Данила Мстиславича, слѣдственно русскаго, а не литовскаго княжескаго рода. Какъ видно изъ записи, у него были дѣти, изъ нихъ мы знаемъ только одного: «Ioannes Georgii Belzensis filius, dux Bussiae» Stadnicki. Synovie Gedymina. T. I. 24 и Зубриц. II. Гал. Кн. III; 266.)

Вотъ все, что мы знаемъ объ исторіи Галича подѣ властью князей—Рюриковичей; Карамзину обязаны мы тѣми краткими свѣдѣніями, которыя имѣемъ отъ 1292 г. т. е. по прекращеніи ипатьевской лѣтописи: поиски его въ кенигсбергскомъ и торнскомъ архивахъ увѣнчались открытіемъ нѣсколькихъ грамотъ ²⁷⁾, которыя, по крайней мѣрѣ, даютъ намъ возможность составить вѣрную генеалогію князей, потомковъ Романа Великаго. Сообщаютъ ли онѣ намъ достаточно, чтобы составить понятіе о тогдашнемъ положеніи княжествъ галицкаго и владимірскаго?

Слѣдуя точному смыслу этихъ грамотъ, мы узнаемъ, что князья Галича и Владиміра въ XIV столѣтіи были до такой степени сильны, что обѣщали нѣмецкому ордену защиту отъ Татаръ и другихъ какихъ бы то ни было непріятелей (*et ab hostili quolibet invasore*); тоже подтверждается извѣстнымъ уже намъ письмомъ Локетка къ Папѣ, гдѣ русскіе князья, Андрей и Левъ называются непреодолимымъ щитомъ Польши отъ Татаръ; изъ этихъ свѣдѣтельствъ естественно вытекаетъ заключеніе, если не о совершенномъ уничтоженіи монгольскаго ига въ юго-западной Руси, то о рѣшительномъ его ослабленіи. Далѣе узнаемъ, что князья заботились объ усиленіи торговли своего государства, для чего позволяли иностраннымъ купцамъ свободный въѣздъ и безпошлинную торговлю; наконецъ то обстоятельство, что грамоты при Юріѣ II писались не отъ имени князя только, но и

²⁷⁾ Кар. И. Г. Р. прим. 268 и 276.

отъ лица бояръ, даетъ намъ право предположить, что власть князя во второй четверти XIV столѣтія ослабѣла и, напротивъ, возвысилось значеніе боярское. Впрочемъ это обстоятельство можетъ объясняться еще малолѣтствомъ Юрія.

Вотъ все, что можно добыть изъ скудныхъ источниковъ для исторіи Галича въ первой половинѣ XIV вѣка; но эти отрывочныя извѣстія никакъ не подтверждаютъ общепринятаго у насъ мнѣнія, что Русь югозападная въ это время слабѣла болѣе и болѣе и сдѣлалась, наконецъ, добычею иноземцевъ. На чемъ опирается это мнѣніе? если на отсутствіи источниковъ, то оно не основательно: лѣтописцы наши обращали почти исключительное вниманіе на внѣшнія событія, какъ болѣе громкія, болѣе поражающія, внутренняя же жизнь нашихъ предковъ была такъ однообразна, такъ бѣдна содержаніемъ, что не могла возбудить писателя взяться за перо съ цѣлью ее только передать на память и поученіе потомкамъ; такимъ образомъ молчаніе или даже отсутствіе источниковъ для извѣстнаго періода, можетъ, иной разъ, свидѣтельствовать только о мирныхъ, внѣшнихъ отношеніяхъ государства и о неизмѣнившемся, внутреннемъ его состояніи. При этомъ не забудемъ, что кое-какіе письменныя, отрывочныя извѣстія о Галичѣ въ первой половинѣ XIV вѣка, которыя дошли до нашего времени, именно говорятъ о мирныхъ отношеніяхъ его къ сѣверамъ. Наконецъ, можетъ быть и существуютъ галицкія лѣтописи изъ XIV вѣка, но онѣ еще не извѣстны и будущему только предстоитъ слава ихъ открытія и болѣе подробной исторіи послѣднихъ лѣтъ самостоятельности

Галича; а до тѣхъ поръ удержимся отъ произнесенія рѣшительнаго приговора о крайнемъ упадкѣ югозападной Руси при послѣднихъ потомкахъ Романа Великаго, тѣмъ болѣе, что всѣ существующія указанія на то время говорятъ противное. Въ подкрѣпленіе нашихъ предположеній можемъ привести еще мѣсто изъ житія св. митрополита Петра, написаннаго Кипріаномъ, гдѣ говорится о времени Юрія Львовича: «тогда бо бяше въ своей чести и времени земля Волынская, всякимъ обиліемъ и славою преимуца» ²⁸⁾).

²⁸⁾ Кар. И. Г. Р. IV, 243 прим:

II.

ГАЛИЧЪ, ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ИНОЗЕМНЫМЪ.

По смерти Юрія II, Галичане, привыкшіе въ теченіе 350 лѣтъ находиться подъ управленіемъ князя, имѣть надъ собою верховную власть, вдругъ остались безъ главы и вождя; они не доросли еще до способности самоуправления и не могли согласиться между собою на счетъ устройства своей участи. Здѣсь оказался вредъ отдѣленія Галиціи отъ русскаго міра, который могъ бы дать ей князей и такимъ образомъ продолжить ея самостоятельное существованіе; но русскій міръ забылъ Галицію, такъ точно, какъ Галиція забыла его и теперь Галичанамъ не могло прійти въ голову обратиться къ родному Сѣверу. Напротивъ связь, которая существовала между Галичемъ и его западными сосѣдами, была уже такъ сильна, что Галичане не задумались обратиться къ нимъ и отъ нихъ принять государя. Открывшаяся такимъ образомъ возможность завладѣнія Галичемъ раздражила корыстолюбіе его сосѣдей; между ними начинается борьба, которая продолжалась около 50 лѣтъ и кончилась присоединеніемъ Галиціи къ Польшѣ въ 1387 г.

Разскажемъ главные моменты этой борьбы сосѣдей, т. е. Поляковъ, Литовцевъ и Венгровъ изъ за Галиціи.

Мы можемъ сказать утвердительно, что по смерти Юрія II оставались еще въ югозападной Руси его родственники, князья Рюриковичи болѣе или менѣе отделенныхъ линій; такимъ можно считать кн. Данила Мстиславича или сына его Юрія, князей холмскихъ, родъ князя Льва, записанный въ помянникъ одного изъ львовскихъ монастырей, содержать въ себѣ до 32 мужескихъ именъ, наконецъ Длугошъ подъ 1340 годомъ говоритъ: «*plures enim (duces Rnsiae) ea tempestate exstant*» и т. д. Не знаемъ, въ какомъ положеніи находились эти Рюриковичи, молчаніе о нихъ или только упоминаніе вскользь, мимоходомъ, ничего не говоритъ за ихъ силу и значеніе; оно и понятно, потому что еще въ XIII столѣтіи начался переходъ мелкихъ, удѣльныхъ князей въ боярство, на что есть указаніе въ лѣтописи (напр. князь слонимскій, воевода Владиміра Васильковича, князья поросскіе, служившіе Мстиславу и т. д.), а тѣ изъ нихъ, которые еще сохранили самостоятельныя владѣнія, были такъ безсильны, что не оказывали на ходъ дѣлъ ни малѣйшаго вліянія. Подлѣ этихъ слабыхъ, незначительныхъ родственниковъ, у Юрія II были родственники по женской линіи—государи самостоятельные. Такимъ былъ Болеславъ, кн. мазовецкій, сынъ Тройдена и Маріи, сестры Юрія II и слѣдственно, по своему происхожденію, имѣвшій нѣкоторое право на его наслѣдство; какъ родственникъ покойнаго князя, онъ могъ быть извѣстенъ Галичанамъ, быть къ нимъ ближе другихъ и въ этомъ то заключалось его право, потому что, по свидѣтельству

современнаго дѣтописца, Русскіе единогласно избради его своимъ княземъ ²⁹⁾.

²⁹⁾ Давнѣйшее свидѣтельство о Болеславѣ, князѣ русскомъ, находится въ хроникѣ Анонима Гнезненскаго, который какъ догадываются новѣйшіе польскіе ученые, былъ Юаннъ изъ Чарикова, Архидіаконъ Гнезненскій и подканцлеръ королей Казимира Великаго и Людовика Венгерскаго, такимъ образомъ его свидѣтельство, какъ современника, имѣетъ особенную важность: въ хроникѣ его, изданной Соммерсбергомъ въ «*Silesicarum rerum scriptores*» находится слѣдующее мѣсто, рассказывающее и объ избраніи Болеслава и объ его смерти: «*post hoc praefata domina Anna, Regina (жена Казимира Великаго и дочь Гедимина), anno 1339 defuncta et sequenti anno Boleslao, filio Troyden, ducis Mazoviae, quem Rutheni unanimiter sibi in ducem et dominum susceperunt, per toxicum interrempto, qui legem et fidem eorum immutare nitebatur.*» Приведемъ еще мѣста, свидѣтельствующія о родствѣ Болеслава съ Юріемъ II: «(anno 1333) et post non multo tempore, mortuo magnifico Principe Kazimiro, dicto Georgio, totius Russiae regni duce, Troyden, dux Mazoviae (очевидно ошибка; по соображенію съ вышеприведеннымъ отрывкомъ слѣдуетъ читать: «*Boleslaus Troydeni, ducis Mazoviae, filius*), qui Kazimiro, avunculo suo in ducatu Russiae successerat, veneno per Ruthenos intoxicatus interierat»; что мать Болеслава была дѣйствительно Русская, свидѣлствуетъ Длугошъ: «*ducisse Czirnensis Maria moritur uxor Troydeni Mazoviae et Czirnensis ducis, natione Ruthena*» (подъ 1341 г.) И такъ очевидно, что Болеславъ былъ племянникомъ Юрія II по матери, родомъ Русской, которая, такимъ образомъ, должна быть родною или двоюродною сестрою послѣдняго галицкаго князя. Есть извѣстіе, что Болеславъ не тотчасъ по смерти Юрія II. сдѣлался галицкимъ княземъ, а что до него были два намѣстника хана; въ хроникѣ швейцарскаго монаха, Іоанна Витодурана (*Eccardus, corpus scriptorum medii aevi*)

Давъ обѣщаніе ничего не измѣнять безъ народной воли, Болеславъ скоро нарушилъ самый дорогой народу законъ,—религіозный; самъ католикъ, онъ захотѣлъ распространить католицизмъ въ Галиціи и стѣснялъ православіе; неудовольствіе народа, возбужденное этимъ насиліемъ отечественной вѣрѣ, расло еще болѣе вслѣдствіе угнетеній и развратной жизни его придворныхъ, которые преимущественно состояли изъ Поляковъ, Чеховъ и Нѣмцевъ. Въ 1340 г. неудовольствіе это было причиною смерти Болеслава; онъ былъ отравленъ.

Въ Мартѣ 1340 года погибъ Болеславъ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Львовъ былъ уже занятъ Казиміромъ, который, какъ родственникъ, явился мстителемъ за отравленіе; въ этомъ случаѣ Казиміръ дѣйствовалъ съ вели-

читаемъ слѣдующее: «Imperator Tartarorum duos paganos breviter ante ista tempora, reges satis idoneos Ruthenis praefererat, quibus successive ab eis veneno extinctis, procuravit eis Christianum Latinum etc.» (Кар. И. Г. Р. IV, 339 прим.) Это свидѣтельство слишкомъ неправоподобно и мы только мимоходомъ объ немъ упоминаемъ. Относительно избранія Болеслава важно свидѣтельство Бартоломея Зиморовича въ его «Triplex Leopoldis», онъ очень правдоподобно утверждаетъ, что жители города Львова тогда только отворили ворота Болеславу, когда онъ согласился на предложенныя ему условія; «ut Boleslaus, titulo ducis Russiae in se sumpto, urbanam multitudinem indenmem ac immunem suis legibus ei ritibus vivere promittet, a Cimeliarcho ducali, velut re sacra, manus cohibuit, nihilque in publicum sine comitibus conturialis ageret.» Весьма естественно, что народъ, принимая иноземнаго государя, выговаривалъ напередъ неприкосновенность законовъ, обычаевъ и образа жизни.

чайшею поспѣшностію: лишь только услышалъ онъ о смерти Болеслава, какъ тотчасъ же собравъ небольшое, сколько тогда при немъ было, войско и неожиданно явился подъ Львовымъ. Львовяне, не приготовленные къ отпору, безъ главы и руководителя, не могли долго сопротивляться и покорились королю, обезпечивъ договоромъ неприкосновенность своей религіи, которая, еще такъ недавно, подвергалась опасности со стороны Болеслава. Забравъ множество драгоценностей, принадлежавшихъ русскимъ князьямъ (изъ нихъ замѣчательны два золотые креста съ частицею древа отъ креста Господня, двѣ драгоценныя короны, царскій престолъ, мантии и т. д.), которые находились въ завоеванномъ городѣ, король, оставивъ въ немъ стражу изъ нѣмцевъ, отправился въ обратный путь ³⁰⁾.

Трудно согласиться съ Длугошемъ, который, вѣщая этотъ наскоро предпринятый походъ въ 69 дней (между 15 апрѣля и 24 июня 1340), рассказываетъ о покореніи не только Галиціи, но и владимірской области; этого времени едва было достаточно, чтобъ справиться съ Львовымъ и его округомъ и возвратиться домой съ большою добычею. О второмъ походѣ Казимира, про который рассказываетъ Длугошъ подъ тѣмъ же годомъ, мы ничего

³⁰⁾ О нѣмецкой стражѣ, оставленной Казиміромъ въ Львовѣ, можно читать въ «*Topografia civitatis Leopolis a Joanne Alnrech, consule civitatis Leopoliensis*» рукопись XVII в., хранящаяся въ архивѣ города Львова; выписки изъ нея напечатаны въ сочиненіи Стадницкаго (графа): «*Synovie Gedymina*», Lwow 1853 г. II, 14.

не находимъ у болѣе достовѣрнаго писателя-современника, Анонима, но готовы вѣрить ему, потому что иначе не можемъ объяснить себѣ, когда и какимъ образомъ завладѣлъ онъ Галиціей, ея остальною частью, кромѣ львовскаго округа. Что же касается до завоеванія владимірской области, то, какъ увидимъ впослѣдствіи, это совершенно ложно ³¹⁾.

Владычество Поляковъ было тягостно для Русскихъ; недавнія гоненія вѣры, быть можетъ притѣсненія оставленной Казиміромъ стражи, а еще болѣе воспоминаніе о прежней независимости, заставляло русскихъ бояръ думать о сверженіи ига. Лѣтописцы польскіе называютъ намъ двухъ изъ нихъ: Датко, воеводу перемышльскаго, и Даніила изъ Острога (de Ostrovdam), которые были главными дѣйствующими лицами при изгнаніи Поляковъ; планъ ихъ опирался на татарскія силы; напоминая хану, что земля русская составляетъ его собственность, хотя это было не совсѣмъ справедливо, но тѣмъ не менѣе очень лестно для самолюбія татаръ, упомянутые вельможи говорили, что Казиміръ запретилъ русскимъ платить, какъ водилось, ежегодную дань хану и что они прибѣгаютъ къ его помощи и покровительству для сверженія ненавистной имъ власти короля.

Понятно, что ханъ съ величайшимъ удовольствіемъ

³¹⁾ О завоеваніи Львова Казиміромъ см. у Длугоша подъ 1340 г. и у Анонима Гнезненскаго подъ 1333 и 1349 г., хотя и онъ завоеваніе Львова относитъ также къ 1340 году. Обращаемъ вниманіе читателей на весьма обстоятельное сочиненіе г. Зубрицкаго: «Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ». Львовъ 1855 г.

согласился освободить русскую землю отъ Поляковъ и снова подчинить ее своей власти ³²⁾; съ огромнымъ войскомъ двинулся онъ къ границамъ краковской области, и, опустошивъ часть ея, заставилъ Каэмира просить помощи у Венгровъ и у тевтонскихъ рыцарей ³³⁾. Не знаемъ, получилъ ли онъ эту помощь, знаемъ только, что ханъ, дойдя до Вислы и удержанный отъ переправы польскими войсками возвратился домой, довольствуясь разореніемъ польскихъ областей. Изъ этого отрывочнаго извѣстія видно, что Татары, предпринявшіе походъ съ цѣлью освобожденія русской земли отъ Поляковъ и сражавшіеся съ ними на берегахъ Вислы, конечно не оставили въ ихъ власти Львова и Галиціи; слѣдственно, если относить этотъ походъ къ 1341 г., то владычество Поляковъ въ галицкой Руси, продолжалось не болѣе года. Татары воротились въ свои кочевья и, надѣясь на полученіе ежегодной дани отъ Русскихъ, по своему обычаю, не хотѣли мѣшаться въ ихъ внутреннія дѣла. Что же случилось теперь съ Галиціей? Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что Датко, виновникъ освобожденія своей родины, сталъ во главѣ ея управленія, хотя на весьма непродолжительное время ³⁴⁾, человекъ, весьма старій, бывшій

³²⁾ См. Длугоша подъ 1344 г.

³³⁾ См. Лѣтописца Леобенскаго, напечат. въ Собраніи А встрийскихъ Лѣтописей Иеронима Пеца; т. I, выписки помѣщены у Стадницкаго въ упомянутомъ сочиненіи II. 12 и въ сочиненіи Зубрицкаго: «Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ», стр. 11.

³⁴⁾ Въ собраніи Фохта (*Codex diplomaticus prussicus*) напечатана слѣдующая грамота: «Famosis viris, fide dignis, Pro-

дядькою еще при Юрій II, онъ умеръ въ томъ же 1341 г., такъ что современный польскій лѣтописецъ, Анонимъ Гнезненскій, совсѣмъ объ немъ не упоминаетъ, а говорить, что по смерти Болеслава его княжествомъ завла-

consulibus, Consulibus, Mercatoribus, totique communitati in Thorun, Demetrius Dedko, Provisor seu Capitaneus terrae Russiae, salutem in dno sempiternam. Viri pacifici, quoniam ipsi possidebunt terram, hujus sacri eloquiū grande ministerium attendentes, discordiam diabolica suggestionē seminātam inter Dnum Cazimirum Regem Poloniae et nos, ex inspiratione almi pneumatis postergantes temptatorem humanum concordiae inivimus unionem. Eatenus scire volumus universas terras Russiae visitare cupientibus, quod secundum jura nostrorum praedecessorum, cum mercimoniis neminem pertemescentes Lemburgam seccure poterint subintrare. Qui vero ad commansionem ibidem venire proposuerint, haereditatem liberam concedimus, donamus prout pristini exactionem nobis annuatam nec non allia jura solum sint tribuentes. Dampna vero post obitum domini nostri felicitis memoriae ducis Russiae quicumque Lemburgensei intulerunt, duntaxat excipimus litteris in aliis et ini stis. Datum in Lemburga». Означенія времени нѣтъ на этомъ документѣ, но по всѣмъ соображеніямъ его слѣдуетъ отнести къ 1341 г.; данъ онъ отъ лица Дмитрія Детка, подъ которымъ именемъ, должно полагать, скрывается тотъ самый перемышльскій староста, о которомъ мы выше говорили и котораго Другошъ называетъ Dachko, а Анонимъ Datco, что весьма близко къ Дедко. Дедко, какъ мы полагаемъ, не есть имя, а названіе должности, по русски дядька, пестунъ, кормилецъ. Такимъ образомъ лицо, давшее грамоту былъ Дмитрій дядька, а изъ грамоты Юрія II видно, что у него былъ дядька съ такимъ именемъ, который постоянно называется «Demetrius Detco poster» и который, при исчисленіи бояръ, занимаетъ первое мѣсто. Времи

дѣлъ Любартъ, сынъ Гедимиина ³⁵⁾. Имѣлъ ли онъ какое нибудь право на владѣніе галицкой Русью? Чтобы яснѣе отвѣчать на этотъ вопросъ, мы должны обратиться къ исторіи Литвы и показать, какъ пришла она въ столкновеніе съ югозападною Русью.

Въ Литвѣ въ началѣ XIV столѣтія, послѣ князей, мало извѣстныхъ и мало замѣчательныхъ, каковы Тройденъ и Витенесъ, является знаменитая личность Гедимиина; проихожденіе его темно. Польскіе лѣтописцы говорятъ, что онъ былъ конюшимъ Витенеса и убилъ его въ заговорѣ съ его молодою женою; литовскіе, напротивъ, утверждаютъ, что онъ былъ сыномъ Витенеса и слѣдственно законнымъ его наслѣдникомъ; послѣднее, кажется, вѣрнѣе. Къ его времени относятъ особенное усиленіе Литвы на счетъ Руси; для насъ наиболѣе важны отношенія ея къ Руси югозападной, завоеваніе Волыни и потому мы рассмотримъ ихъ съ нѣкоторою подробностію.

Литовская лѣтопись, изданная Нарбуттомъ въ 1846 г.,

нисколько не мѣшаетъ принять эти два лица за одно. Предположеніе о томъ, что Димитрій былъ верховнымъ правителемъ Галиціи въ 1341 г.; доказывается тономъ его грамоты; называя себя «*provisor seu capitaneus terrae Russiae*», онъ увѣдомляетъ о враждѣ между нимъ и королемъ (*inter nos et Regem*), подъ чѣмъ можно разумѣть войну 1340 г., которая наконецъ кончилась (*concordiae invimus unionem*), конечно съ помощію татарскихъ опустошеній, наконецъ онъ приглашаетъ во Львовъ купцовъ и обѣщаетъ имъ полную безопасность. Изъ всего этого видѣнъ самостоятельный владѣтель, а не подданный.

³⁵⁾ Lubardus, filius Gedimini eundem ducatum possidebat, годъ 1349 г. стр. 98.

говорить слѣдующее о завоеваніи Волини: великій князь Гедиминъ, обезопасивъ жмудскую землю отъ Нѣмцевъ, пошелъ на русскихъ князей и сталъ, прежде всего, у города Владиміра, гдѣ князь Владимірскій Владиміръ, собравъ всѣ свои силы, далъ ему битву. И помогъ Богъ в. к. Гедимину, потому что самого кн. Владиміра убилъ, войско его разсѣялъ, а городъ занялъ. И потомъ пошелъ на кн. Льва луцкаго, который, услыхавъ объ убіеніи кн. Владиміра и занятіи его города, не хотѣлъ биться съ Литвою, и убѣждалъ въ Брянскъ, къ зятю своему кн. Роману. Бояре же волинскіе били челомъ Гедимину, прося его быть ихъ государемъ, а земли не пустошить. Гедиминъ, принявъ отъ нихъ присягу и оставивъ тамъ своихъ намѣстниковъ, двинулся къ Берестю на зимнія квартиры и войско свое распустилъ. Послѣ Свѣтлаго Воскресенія, собравъ всѣ силы литовскія, жмудскія и русскія, пошелъ онъ на Станислава, кн. Кіевскаго и занялъ города Овручъ и Житомиръ. И кн. Станиславъ кіевскій, соединясь съ кн. Олегомъ переяславскимъ, Романомъ брянскимъ, Львомъ волинскимъ, котораго Гедиминъ выгналъ изъ Луцка и собравъ, такимъ образомъ, множество войска, встрѣтилъ Литовцевъ на берегахъ р. Ирпени, подъ Бѣлымъ городомъ, въ разстояніи 6 миль отъ Кіева и былъ тутъ бой великій. Богъ же помогъ в. кн. Гедимину. Войско русское было побито на голову, Левъ луцкій и Олегъ переяславскій полегли въ битвѣ, а Станиславъ кіевскій съ малою дружиною и кн. Романомъ бѣжалъ въ Брянскъ. Затѣмъ Кіевъ, послѣ недолгаго, по мужественнаго сопротивленія, отворилъ ворота побѣди-

телю ³⁶⁾. Такимъ образомъ, по свидѣтельству этой лѣтописи, добылъ Гедиминъ землю кievско-волинскую. Лѣтописецъ не опредѣляетъ года этого событія, но упоминаетъ обстоятельство, по которому можно приблизительно назначить время завоеванія Волыни; именно походъ Гедимины, по словамъ лѣтописи, случился послѣ того, какъ князь обезопасилъ Жмудъ отъ Нѣмцевъ; слѣдственно походъ этотъ должно отнести къ первымъ годамъ княженія Гедимины, когда онъ не только выгналъ Нѣмцевъ изъ Жмуди и край этотъ присоединилъ къ Литвѣ, но и вторгся въ ихъ собственную землю и послѣ нѣсколькихъ побѣдъ захватилъ два ихъ замка. Согласно съ этимъ Стрыйковскій, который представляетъ только распространенія цитированнаго нами лѣтописца, полагаетъ завоеваніе Волыни въ 1320 г.; онъ даже указываетъ на поводъ, по которому Гедиминъ двинулся на Русь, именно въ отмщеніе русскимъ князьямъ Льву и Владиміру, которые, пользуясь отвлеченіемъ литовскихъ силъ къ ордену, воевали литовскую землю: Владиміръ опустошилъ берега Вилии, а Левъ взялъ Берестье и Дрогичинъ, уже принадлежавшіе (по мнѣнію Стрыйковскаго) Гедимину. Это объясненіе Гедиминова похода весьма правдоподобно: изъ грамотъ послѣднихъ русскихъ князей Галича и Волыни, мы знаемъ о союзѣ ихъ съ орденомъ и объ обѣщаніи защищать его отъ татаръ и другихъ непріятелей; въ 1319 году они исполняютъ свое обѣщаніе. Такимъ образомъ отношеніе русскихъ князей къ ордену есте-

³⁶⁾ Pommiki de dzieiow li tewskich. str 15.

ственно дѣлали ихъ врагами Гедимины и походъ послѣд-
няго съ его причинами для насъ совершенно ясенъ, но
въ разсказѣ о немъ есть столько анахронизмовъ, по-
грѣшностей, столько ложнаго, что трудно принять это
извѣстiе и на немъ основать разрѣшенiе вопроса объ
участи Волыни. Князь Романъ брянскiй, упомянутый въ
лѣтописи, умеръ еще въ XIII ст. и изъ потомковъ его,
около этого времени, мы не знаемъ ни одного кн. Ро-
мана, князьями Галича и Владимiра въ 1320 г. были
Левъ и Андрей, которые умерли около 1324 г., какъ
удостоверяетъ насъ посланiе Владислава Локетка къ Папѣ;
завладѣнiе Волынью есть совершенная басня, такъ какъ
намъ точно извѣстно, что въ югозападной Руси, по
крайней мѣрѣ до 1395 г. господствовалъ князь русскiй
или малорусскiй (*Russiae Minoris*) Юрiй II Андреевичъ
и жилъ по большей части во Владимiрѣ, наконецъ за-
воеванiе Кiева въ 1321 г. точно также баснословно,
потому что Кiевъ и въ 1331 году управлялся русскимъ
княземъ Оедоромъ, находившимся въ зависимости отъ
Татаръ ³⁷⁾. Трудно, конечно, отвергнуть совсѣмъ извѣ-
стiе о походѣ Гедимины на Русь въ 1320 г., тѣмъ бо-
лѣе, что онъ такъ хорошо объясняется изъ отношенiй
галицкихъ князей къ ордену, а чрезъ него къ Литвѣ;
точно также трудно сказать что нибудь положительное о
результатѣ его; можетъ быть къ этому времени относится
завоеванiе Пинска, который былъ отданъ Гедиминомъ
сыну его Наримунту и Берестя, который находился, впо-
слѣдствiи, подъ властiю Кейстута.

³⁷⁾ 1-я Новгор. лѣт. стр. 76.

Тѣмъ менѣе можемъ мы вѣрить лѣтописцу, изд. Нарбутомъ и Стрыйковскому, который только разбавилъ его цвѣтами краснорѣчія, что другой литовскій лѣтописецъ (изд. Даниловичемъ 1827 г.) совершенно молчитъ объ этомъ походѣ и иначе объясняетъ соединеніе Волыни съ Литвою; разсказывая о раздѣлѣ государства Гедиминова между его сыновьями, говорить о Любартѣ: «а Любарта принялъ володимірскій князь къ дочкѣ, во Владимірѣ и и въ Луцкѣ, и во всю землю волинскую³⁸⁾. Этотъ владимірскій князь долженъ быть Андрей Юрьевичъ, сынъ котораго Юрій II умеръ въ 1335 г., и тогда Любартъ занялъ Владимірѣ, Луцкѣ и всю землю волинскую, а при жизни Юрія, какъ можно догадываться, владѣлъ однимъ Луцкомъ. Тоже самое о Любартѣ и Волыни сообщаетъ Длугошъ, по его словамъ: «*Lubardus septimus et ultimus (i. e. filius) sortem inter fratres non accepit, matrimonium filiae unicae ducis Vladimiriensis sortitus, cum qua illi ducatus Leopoliensis et Vladimiriensis obveniebant*» (sub a. 1382). Ошибка только въ томъ, что Любартъ не владѣлъ львовскимъ княжествомъ, гдѣ, какъ мы видѣли, избранъ былъ Болеславъ мазовецкій. Чтоже касается до Кіева и южной Руси вообще, то относительно времени ея завоеванія мы получаемъ драгоцѣнное свѣдѣніе изъ одной, недавно открытой рукописи XVI вѣка, извѣстной подъ названіемъ Кіево-печерской; въ ней читаемъ слѣдующее мѣсто: «Въ лѣто 6841 (1333) Гедиминъ, кн. литовскій, повсталъ на кн. кіевского Станислава и побѣдилъ его съ русскимъ и татарскимъ войскомъ, надъ р.

³⁸⁾ Лѣтописецъ литовскій, изд. Даниловича, стр. 27.

Ирпещю, и, прогнавши Татаръ, Кіевъ въ свою власть взяли» ³⁹⁾; слѣдственно Гедимицъ завоевалъ Кіевъ не въ 1321, а въ 1333 году, а потому и кн. кіевскій Θεодоръ, упоминаемый подъ 1330 годомъ, не можетъ уже возбуждать сомнѣнія въ своемъ русскомъ происхожденіи.

Какое же заключеніе можно вывести теперь о судьбѣ югозападной Руси, по смерти Юрія II?

Со смертію послѣдняго русскаго князя, государство его раздѣлилось на двѣ половины: Галиція избрала себѣ княземъ Болеслава мазовецкаго, который, приходясь племянникомъ Юрію II, имѣлъ нѣкоторое право на его наслѣдство; Волынь, между тѣмъ, должна была выдержать столкновение съ Гедиминомъ, который въ 1320 г. двинулъ на нее свои войска, въ отмщеніе за содѣйствіе, оказанное ей княземъ ордену, во время войны послѣдняго съ Литвою. Захвативъ Пинскъ и Берестье, Литовскій князь двинулся къ Владиміру, гдѣ русскіе князья, Андрей и Левъ, дали ему битву; битва была нерѣшительна и Гедимицъ, заключивъ договоръ, по которому пріобрѣлъ Пинскъ и Берестье, возвратился домой. Въ то же время сынъ его Любартъ женился на дочери кн. Андрея и въ приданое за нею получилъ Луцкъ, а когда, со смертію Юрія II, прекратилась линія князей русскихъ, онъ, какъ родственникъ покойнаго князя, захватилъ Во-

³⁹⁾ Рукопись эта, составлявшая, нѣкогда, собственность львовскихъ базилиановъ, находится теперь въ рукахъ г. Августа Бѣлевскаго, директора библіотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ. Приведенная изъ нея выписка напечатана въ «Synowie Gedymina Stadnickiego, II, 26.

лымъ по тому же праву, по которому Болеславъ завладѣлъ Галичемъ. По смерти же Болеслава и по изгнаніи Поляковъ, владѣвшихъ послѣ него Галичемъ, Любартъ, по свидѣтельству современнаго лѣтописца, распространилъ (въ 1341 или 1342 г.) власть свою и на Галицію.

Съ этого времени начинается борьба между Литвою и Польшею за югозападную Русь, и та и другая выражаютъ притязанія на обѣ ея половины, т. е. и на Галицію и на Владимірію.

Казиміръ, не успѣвшій осуществить своихъ притязаній на русскую землю и видя ее въ обладаніи Литовцевъ, конечно, долженъ былъ стать къ послѣднимъ во враждебныя отношенія; онъ не имѣлъ достаточныхъ средствъ тотчасъ же начать войну съ Любартомъ, потому что Любартъ, опираясь на своихъ братьевъ, могъ располагать силами цѣлаго литовскаго государства, а силы его были велики: Гедиминовичи занимали все пространство отъ Двины и Днѣпра до Буга и Нѣмана; слѣдственно Казиміру оставалось только выжидать благопріятнаго случая, выжидать хотя временнаго ихъ ослабленія, пользуясь которымъ можно было надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ ними. Случай представился въ 1349 г.; уже съ половины XIII столѣтія Литовцы вели упорную, кровопролитную борьбу съ Крестоносцами, которая въ описываемое время достигла крайняго ожесточенія съ обѣихъ сторонъ. Знаменитый магистръ, Виррихъ де-Книпроде успѣлъ возбудить сочувствіе къ своему дѣлу въ западномъ рыцарствѣ; въ началѣ 1349 г. къ нему собралось до 40000 Французовъ и Англичанъ, и съ этимъ многочисленнымъ и искуснымъ войскомъ началъ магистръ на

Литовцевъ въ Январѣ 1349 г.; 24-го числа произошла кровопролитная битва, въ которой пало со стороны орденна до 50 рыцарей и 4000 простыхъ воиновъ, а Литва потеряла до 18,000 человекъ. Потеря эта конечно должна была потрясти могущество Гедиминовичей и отвлечь ихъ вниманіе отъ Волыни, тѣмъ болѣе, что Крестоносцы грозили новымъ нападеніемъ. Казиміръ, который зорко слѣдилъ за своими сосѣдями и который, при своей проныцательности, легко оцѣнилъ затруднительность ихъ положенія, не могъ не воспользоваться удобнымъ случаемъ для осуществленія своихъ притязаній на югозападную Русь. Съ сильнымъ войскомъ устремился онъ въ томъ же 1349 году на русскія владѣнія Любарта и завоевалъ ихъ, Любарту же великодушно предложилъ только Луцкъ и то подъ условіемъ признанія его верховной власти ⁴⁰. Съ великимъ триумфомъ воротился король въ Краковъ, но не успѣлъ еще отдохнуть отъ своего похода, какъ услышалъ, что Литовцы уже нападаютъ на завоеванную имъ Русь.

Дѣйствительно, Литовцы, отдохнувъ отъ пораженія, нанесеннаго имъ рыцарями, сосредоточили большую часть своихъ силъ для возвращенія ихъ русскихъ владѣній. Въ 1349 году они разорили окрестности Львова, Владиміра, а потомъ завладѣли и крѣпостями владимірскою, белзскою и берестейскою и даже вторглись въ самую Польшу, гдѣ повоевали земли люблинскую, сендомірскую и радомскую (1350). Тщетно король высылалъ противъ нихъ свои войска; Поляки, по свидѣтельству польскихъ

⁴⁰) Анон. Гнев. и Длугошъ подъ 1349 г.

же лѣтописцевъ, были побуждаемы постоянно во всѣхъ своихъ столкновѣніяхъ съ Литовцами. Анонимъ и Длугошъ объясняютъ это гнѣвомъ Божиимъ за утопленіе краковскаго викарія, Мартина Барижки; но мы полагаемъ, что распри короля съ духовенствомъ и дворянствомъ скорѣе сдѣлаютъ понятными эти неудачи Поляковъ. Весьма естественно, что оба эти сословія, раздраженные на короля за стѣсненіе ихъ правъ и вольностей, были слишкомъ нерадивыми помощниками ему въ войнѣ съ Литовцами и потому Казиміръ, все болѣе и болѣе озабочиваемый внутренними дѣлами государства, нашелся вынужденнымъ заключить миръ. Написанная по этому поводу договорная грамота ⁴⁷⁾ сохранилась до нашего времени; на ней нѣтъ означенія года и потому одни ученые относятъ ее къ 1341 году, другіе къ 1341—45 г.; но, во первыхъ, связь событій, во вторыхъ свидѣтельство современнаго и достовѣрнаго лѣтописца (Анонима Гнезненскаго) доказываютъ намъ, что она относится къ 1350 году. Подъ однимъ годомъ, именно 1349 г., описываетъ Анонимъ и побѣдоносный походъ короля и успѣхи Литовцевъ послѣ возвращенія его въ Польшу; намъ кажется, что, несмотря на быстроту дѣйствій, отличавшую Литовцевъ, слишкомъ ужъ много событій отнесено къ одному году. Это предположеніе тѣмъ сильнѣе, что,

⁴⁷⁾ Акты, относящ. до И. З. Руси. I, № 1-й. Грамота эта написана отъ лица князей Евнутія, Кейстута, Любарта, Юрія Наримунтовича и Юрія Коріатовича, которые, заключая миръ, ручаются и за прочихъ князей литовскихъ, именно за великаго, Ольгерда, за Коріата, Патрикія и сыновей ихъ.

по свидѣтельству самой грамоты, миръ былъ заключенъ уже въ концѣ Сентября, слѣдственно все разсказанное совершилось въ 8 мѣсяцевъ, такъ какъ пораженіе Дмитовцевъ крестоносцами относится къ 24 Января 1349 г., а Казиміръ уже послѣ этого пораженія отправился въ русскій походъ. И такъ война длилась въ 1349 и 50 годахъ, съ чѣмъ согласенъ и Длугошъ, и кончилась миромъ, котораго условія, по упомянутой договорной грамотѣ, такъ же какъ и по свидѣтельству Анонима, слѣдующія:

Главное условіе о раздѣлѣ русской земли между договаривающимися есть только распространіе извѣстія Анонима; онъ говоритъ, что король взялъ себѣ землю львовскую, а Литвѣ отдалъ владимірскую; грамота же, выражаясь подробнѣе, высчитываетъ слѣдующія приобрѣтенія Литвы: земля владимірская, луцкая, холмская, белзская, берестейская, а королю предоставляет только львовскую. Изъ этого мѣста видно, что подъ именемъ львовской земли слѣдуетъ разумѣть цѣлую Галицію, въ которой Львовъ сдѣлался главнымъ городомъ со времени Льва и сообщилъ свое имя цѣлой странѣ, которая прежде называлась по имени Галича. Изъ дальнѣйшихъ условій должно заключить, что обѣ стороны не могли согласиться въ томъ, кому долженъ принадлежать Кременецъ и рѣшили, чтобы его держалъ Юрій Наримунтовичъ, въ зависимости и отъ Литвы, и отъ Польши, въ продолженіе двухъ лѣтъ; если же миръ устоитъ долѣе, то «Юрю князю города лишитися». И такъ это не была грамота мирная, а только перемирная; срокъ перемирія определяется такимъ образомъ: «а миръ отъ Пожрова Богоро-

днѣ до Ивана дне до кучалъ, а отъ Ивана дне за двѣ лѣтъ», т. е. до 24 Іюня 1353 г. Въ теченіе этихъ 2 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ (съ 1-го Октября 1350 до 24 Іюня 1353) ни Поляки, ни Литовцы не должны строить городовъ въ Руси, ни поправлять старыхъ, разоренныхъ въ послѣднюю войну. Далѣе опредѣляется поведеніе обѣихъ сторонъ въ случаѣ нападенія Венгерцевъ или Татаръ: «аже поидеть оугорскій король на Литву, польскому королеви помогати, аже поидеть на Русь, что Литвѣ слушаетъ, королеви не помогати; а поидеть ли царь на ляхи, а любо князи темніи, княземъ литовскимъ помогати, аже поидуть на Русь, что королю слушаетъ, литовскимъ княземъ не помогати». Такъ Литовцы и Поляки, согласились охранять неприкосновенность югозападной Руси; король можетъ соединиться съ Венграми, если послѣдніе будутъ воевать Литву, но ни въ какомъ случаѣ не долженъ помогать имъ, если они пойдутъ на Русь, подвластную Литовцамъ, т. е. владимірскую область. Точно также и Литовцы могутъ содѣйствовать хану въ его нападеніяхъ на Польшу и обязываются не помогать ему въ его походахъ на львовскую землю. Довольно темно и сбивчиво условіе, опредѣляющее поведеніе Русскихъ въ подобныхъ случаяхъ: «аже придуть татарове на Львовскую землю, тогда Руси на Львовцѣ не помогати, аже поидутъ татарове на ляхы, тогда Руси неволя помти и съ татары». Какъ будто Татары, которые все еще считали себя повелителями Руси, не одинаково должны были требовать повиновенія и въ походахъ на Польшу и на львовскую землю. Изъ другихъ статей любопытна о плѣнѣ Любарта; Другошъ подъ 1350 г. рассказываетъ о

плѣненіи Кейстута; конечно нѣтъ ничего невѣроятнаго въ этомъ извѣстіи, но такъ какъ въ грамотѣ говорится только о плѣнѣ Любарта, то весьма естественно предположить у Длугоша ошибку, тѣмъ болѣе, что онъ самъ годъ 1366 г. говоритъ, что Любартъ прежде «*superioribus bellis*» былъ взятъ въ плѣнъ Поляками. На счетъ этого обстоятельства договаривающіяся стороны рѣшили обратиться къ королю венгерскому, избравъ его третьей-скимъ судьей въ этомъ спорномъ дѣлѣ: «будетъ ли ялъ его король по кривдѣ, Любартъ будетъ правъ, и я князь кистютій буду правъ передъ оугорскимъ королемъ, будетъ ли король правъ, намъ своего брата Любарта дати оугорскому королеви оу ятьство». Изъ этихъ словъ видно, во 1) что Любартъ взятъ, по мнѣнію Литвы, не въ бою, а вслѣдствіе какой нибудь хитрости, «кривды», что, конечно, оправдывало Любарта въ случаѣ бѣгства, обмана и неисполненія данныхъ обѣщаній, во 2) что король венгерскій дѣйствительно участвовалъ въ походѣ 1350 г. и былъ при заключеніи договора, почему обращеніе къ нему естественно.

Вотъ главное содержаніе перемирнаго договора, которымъ закончилась война 1349 — 50 годовъ; намъ кажется, что главнѣйшая причина, содѣйствовавшая ея окончанію, было соединеніе Казимира съ Людовикомъ. Литовцы, видя подобное усиленіе короля, угрожаемые Крестоносцами, также не желали продолженія войны, и такимъ образомъ, при обоюдномъ желаніи мира, онъ скоро былъ заключенъ.

Но весьма понятно, что перемиріе не могло быть продолжительно; обѣ враждовавшія стороны выказали слиш-

комъ сильное желаніе обладать всею югозападною Русью и не могли довольствоваться только одною половиною ея.

Не успѣлъ еще истечь срокъ перемирія, какъ Любартъ началъ уже на Галичъ, сжегъ его, какъ собственность крага и съ большою добычею возвратился въ Владиміръ ⁴²⁾; не довольствуясь этимъ набѣгомъ онъ съ большимъ войскомъ вторгнулся въ самую Польшу и опустошилъ окрестности Завихоста; король, какъ видно, не былъ въ состояніи отмстить дерзкому Литовцу и, опасаясь вторичнаго нападенія, приказалъ укрѣпить городъ Плоцкъ, лежащій почти въ самой серединѣ польскаго государства; такъ великъ былъ страхъ, наведенный Литовцами. Не надѣясь силою оружія удержать за собою Галицію, Казиміръ обратился къ другимъ, нравственнымъ средствамъ. Различіе въ религіи поставило неодолимую преграду между Русью и Поляками и произвело въ первой несравненно большее сочувствіе къ литовскому владычеству, потому что литовскіе князья исповѣдывали православную вѣру. Чтобы обратить это сочувствіе къ Полякамъ и произвести слитіе обѣихъ націй, король рѣшился мало по малу уничтожить православіе. Католическая пропаганда, уже давно вошедшая въ Галицію, должна была получить твердую опору и несравненно большія средства; Казиміръ захотѣлъ учредить во Львовѣ латинскую архіе-

⁴²⁾ Набѣгъ Любарта 8 Іюля 1353 г. былъ нарушеніемъ перемирія, и. ч. въ грамотѣ сазано, что войну можно начать только мѣсяцъ спустя послѣ назначеннаго срока, т. е. послѣ 24 Іюля 1353 г.

пископію, просилъ объ этомъ папу и только обстоятельства не позволили ему осуществить это намѣреніе.

Такъ шли дѣла до 1366 г.; къ этому времени Казиміръ собрался съ силами и рѣшился отнять у Литовцевъ земли, которыя уже 15 лѣтъ, по словамъ Длугоша, ⁴³⁾ были въ ихъ обладаніи; съ большимъ войскомъ вторгнулся онъ, послѣ праздника Св. Іоанна Крестителя, въ волынскую область и прежде всего напалъ на Белзъ; князь белзскій, Юрій Даниловичъ, видя невозможность противиться, изъявилъ притворную покорность, призналъ себя вассаломъ Казимира и, получивъ обратно Белзъ съ придачею Холма, сталъ управлять имъ на ленномъ правѣ. Не подозрѣвая его лицемерія, король двинулся далѣе къ владѣніямъ Любарта и приказалъ опустошить ихъ за недавнія нападенія ихъ князя на Польшу. Завоеванные замки луцкій и владимірскій были поручены управленію двухъ польскихъ бароновъ, всю же остальную Волынь король отдалъ

⁴³⁾ Этими словами Длугошъ самъ себя изобличаетъ; между 1350—66 годомъ онъ два раза подъ 1350 и 53 годами упоминаетъ о томъ, что земля владимірская и луцкая находились во власти Казимира, а подъ 1366 г. говорить, что онъ ужъ цѣлыхъ 15 лѣтъ составляли собственность Любарта. Вообще извѣстія Длугоша между 1350—66 год. не имѣютъ ни малѣйшаго вѣроятія, тѣмъ болѣе, что Анонимъ ни слова не говоритъ въ эти годы о югозападной Руси. Мы не придаемъ особеннаго значенія походу Любарта 1353 г., извѣстіе о которомъ мы нашли у Длугоша, и если выписали его, то только п. ч. подобный образъ дѣйствій, быстрыхъ и внезапныхъ нападеній, сопровождаемыхъ опустошеніемъ, всегда отличали Литовцевъ.

Александру, сыну Коріата, который, какъ младшій въ родѣ, при жизни дядей Ольгерда, Патрикія, Любарта, не получалъ отъ нихъ удѣла и переданъ на сторону короля. Онъ получилъ прекрасное вознагражденіе, цѣлую Волынь, которою владѣлъ до самой смерти Казимира, т. е. до 1370 г.

Такой успѣхъ короля весьма удовлетворительно объясняется затруднительнымъ положеніемъ Литвы, вслѣдствіе войны ея съ орденомъ: три раза въ этомъ году (1366) вторгался Винрихъ де Книпроде въ литовско—русскія области, производя страшныя опустошенія, и тогда какъ литовскіе князья должны были направить всѣ силы къ отпору нѣмцамъ, Казиміръ явился въ Волыни и успѣлъ подчинить ее своей власти. Онъ, какъ мы видали, не обратилъ ее въ польскую провинцію, но довольствуясь верховною властью, отдалъ Белзъ и Холмъ князю Юрію Даниловичу, а остальное Александру Коріатовичу; кромѣ того въ Луцкѣ и Владимірѣ посадилъ своихъ бароновъ, которые должны были наблюдать его интересы.

Упорно стремясь къ осуществленію своей цѣли, т. е. къ завладѣнію югозападной Русью, литовскіе князья не упали духомъ; въ 1370 г., пользуясь смертію Казимира и отсутствіемъ Александра Коріатовича (онъ былъ въ Краковѣ, на погребеніи короля), Любартъ и Кейстутій напали на владимірскій замокъ, укрѣпленный уже кирпичною стѣной и защищаемый польскимъ старостомъ, Петрашемъ Турскимъ; малодушію послѣдняго обязаны были они скорымъ взятіемъ города, который снабдили сильнымъ гарнизономъ на случай нападенія

Поляковъ; затѣмъ они вторглись въ самую Польшу, опустошили люблинскую и сендомирскую земли, переправились черезъ Вислу и распространили огонь и мечъ до самаго монастыря на лысой горѣ ⁴⁴⁾. Королева Елисавета, мать новаго польскаго и вмѣстѣ венгерскаго короля Людовика ⁴⁵⁾ отправила пословъ къ литовскимъ князьямъ съ просьбою прекратить опустошенія, этимъ она еще увеличила ихъ дерзость и въ 1379 г. набѣгъ повторился и опять была разорена сендомирская область, какъ бы въ отвѣтъ на просьбу королевы.

Прежде чѣмъ будемъ продолжать описаніе этой борьбы между Польшей и Литвою, скажемъ нѣсколько словъ о восшествіи Людовика на тронъ польскій.

Людовикъ съ давняго времени былъ предназначенъ къ занятію краковскаго престола; еще въ 1339 г. былъ заключенъ, по этому случаю, договоръ съ отцемъ его королемъ Карломъ, главное условіе котораго было подтверждено другимъ договоромъ съ самимъ Людовикомъ въ 1355 г. (въ Будѣ). Въ этихъ договорахъ участвовалъ съ Казиміромъ цѣлый народъ, потому что, по словамъ Длугоша, постановленіе о передачѣ короны Людовику было сдѣлано на «*omnium terrarum regni conventu generali*». И такъ восшествіе его совершилось на основаніи договоровъ и народной воли. Считая Людовика своимъ наслѣдникомъ, Казиміръ обращался къ нему, въ случаѣ надобности, за помощію; между прочимъ, какъ

⁴⁴⁾ Близъ города Божентина, въ 10 миляхъ отъ Сендомира.

⁴⁵⁾ Она временно управляла Польшей за отсутствіемъ сына.

мы уже замѣтили, Людовикъ помогалъ дядѣ (Казиміръ былъ братъ его матери, королевы Елисаветы) противъ Литовцевъ, желавшихъ завладѣть Русью. Но въ этомъ случаѣ, Людовикъ входилъ въ странныя отношенія къ Казиміру; онъ помогалъ ему закрѣплять за собою Галицію, между тѣмъ самъ носилъ титулъ «Regis Haliciae et Lodomeriae». Въ этомъ титулѣ выражались притязанія венгерскихъ королей на Русь, которыхъ предки еще въ XII столѣтіи сидѣли на галицкомъ престолѣ. Необходимо было обоимъ королямъ согласиться между собою во взглядѣ на это обстоятельство; кажется въ 1352 г., а можетъ быть и ранѣе, былъ заключенъ новый договоръ, опредѣлявшій отношенія Казиміра и Людовика къ Руси ⁴⁶⁾:

⁴⁶⁾ Мы выпиcываемъ здѣсь этотъ интересный документъ, такъ какъ онъ вполнѣ напечатанъ только въ соч. Стадницкаго: «*Synovie Gedymina*», по списку, хранящемуся въ сборѣ рукописей библиотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ (MS. in folio L. 184 стр. 378, 379); а у другихъ писателей, какъ напр. у Нарушевича и Кромера, есть только выписки изъ него.

«*Nos Ludovicus, Dei gratia Hungariae etc. etc. Galiciae et Lodomeriae Rex, tenore praesentium significamus, quod nos regnum Russiae, quod praedecessorum nostrorum regnum Hungariae fore dinoscebatur, et per consequens ejusdem regni Hungariae regimine et trono regalae dignitatis ad nos jure successorio devolutis, nostrum fore dinoscitur, principi Dno, Casimiro, Regi Poloniae, avunculo nostro, de consensu principis Stephani, fratris nostri dedimus et donavimus, in his scriptis, moderamine et parte interpositis, quod si praedicto regi divina gratia filium condonabit, filio suo, aut suis haeredibus sexus masculini, non tamen a dicto Dno Casimiro rege usque vitam suam, nos, vel dictus dominus dux Stephanus, frater noster, aut utrorumque haeredes, dictum regnum pro centum millibus florenorum redimere*

Людвигъ уступалъ Русь, отказывался отъ правъ своихъ на нее въ пользу Казимира, но русскія земли останутся за Польшей только въ томъ случаѣ, если Казимиръ умретъ безъ мужскаго потомства и корона Польши перейдетъ на голову Людвига, въ противномъ же случаѣ венгерскій король будетъ въ правѣ выкупить русскія земли за 100,000 флориновъ. При этомъ замѣтимъ, что въ силу договоровъ, корона Польши должна была перейти къ Людовику только въ томъ случаѣ, когда у Казимира не будетъ сыновей, слѣдственно Людвигъ, не

possimus atque valeamus, filius vero dicti domini regis aut sui haeredes nobis aut dicto domino Stephano aut haeredibus nostris, occasione qualibet ad conditionem semota, reddere et restituere tenebuntur regnum praeactatum, si vero regem Casimirum Poloniae, sine haerede sexus masculini, quod absit, decedere contigerit, ex tunc dictum regnum Russiae, tamquam jus nostrum proprietarium eodem modo, sicut regnum Poloniae, ad nostras manus devolvetur, juxta principalem conventionem de regno Poloniae factam pleno jure. Subsidium autem et auxilium contra Cruciferos de Prussia, et alios quoslibet suprafatos duntaxat praedicti regni Russiae, dum et quando expedicius et opportunius foret, juxta modum et formam prioris compositionis inter dominum Carolum regem, genitorem nostrum et per consequens nos ac ipsum domium regem Poloniae habitae nosvel idem dominus Stephanus compraestabimus domino regi praenotato. Datum Budae infra octavam festi Paschae. Ao 1352 (MCCCLII). (Adnotatio in Margine ex thesauro)». Собираемъ рукописей, изъ котораго выписана эта грамота, пользовался Коммербергеръ, но напечаталъ только выписки изъ приведеннаго документа (см. Mantissa diplomatum caput V. Vol. II. Silesicarum rerum scriptores. (Synovie Gedymina II, 232).

имѣя возможности навѣрное рассчитывать на тронъ въ Польшѣ долженъ былъ позаботиться о русскихъ земляхъ, удержатъ ихъ за Венгріей. Трактатомъ 1352 г. онъ вполне достигнулъ своей цѣли и теперь могъ спокойно дожидаться осуществленія своихъ надеждъ на Польшу. Въ 1370 г. умеръ король Казиміръ, не оставивъ наследниковъ и какъ Польша, такъ и Русь, вѣсть съ Венгріей, соединились подъ скипетромъ Людовика.

Въ 1372 г. Людовикъ отдалъ Русь въ управленіе Владиславу Опольскому, Пясту, сыну дочери сестры Казиміровой ⁴⁷⁾; затруднительно опредѣлить причины, которыми руководился онъ въ этомъ случаѣ; весьма можетъ быть, что Людовикъ, не принадлежавшій къ дому Пястовъ, чужеземецъ въ Польшѣ, нѣсколько опасался Владислава, имѣвшаго болѣе правъ на польскій престолъ, и хотѣлъ задобрить его уступкою Руси; это мнѣніе, весьма вѣроятное, теряетъ, однакожъ, свою силу, если вспомнимъ о тѣсной дружбѣ, которая соединяла Людовика съ Владиславомъ, и заставляла послѣдняго всегда заботиться объ интересахъ короля своего друга; скорѣе уступку Руси Владиславу можно объяснять цѣлями религиозными: Людовикъ, особенно ревностный въ дѣлахъ вѣры, горячо сочувствовалъ мысли Казиміра о распространеніи католицизма въ Галиціи и надѣялся осуществить эту мысль съ помощію Владислава, вполне

⁴⁷⁾ На похоронахъ Казиміра, между прочими, участвовалъ, по словамъ Анонима, «*Illustriſ Princeps Vladislaus, Dux Oppole, ex filia sororis praefati regis natus*» (sub anno 1370).

преданнаго римскому престолу». Это объясненіе тѣмъ болѣе правдоподобно, что Владиславъ, во время своего управленія Галиціей, постоянно былъ ревностнымъ поборникомъ католицизма, который получилъ тамъ твердое основаніе, вслѣдствіе дѣятельности этого князя.

Какъ бы то ни было, Владиславъ принялъ управленіе Русью въ 1372 г., послѣ обнародованія грамоты, которою Людовикъ извѣщалъ всѣхъ вѣрныхъ ему въ Венгріи и Польшѣ, что онъ далъ Владиславу царство русское на постоянное управленіе и сохраненіе ⁴⁸⁾, слѣдственно Владиславъ былъ чѣмъ то въ родѣ намѣстника или зависимаго, леннаго владѣльца, а никакъ не отдѣльнымъ, самостоятельнымъ княземъ русскимъ, какъ то хотять доказать нѣкоторые историки ⁴⁹⁾. Странно было бы, еслибъ Людовикъ, давшій, при восшествіи на престолъ, обѣщаніе ввести Польшу въ ея прежнія границы ⁵⁰⁾, тотчасъ же нарушилъ его съ такимъ неуваже-

⁴⁸⁾ Cum nos (Ludovicus), cognita virtute, industriosa peritia et prudentia principis Ladislai, ducis Oppoliensis, Vielunensis, nostri consanguinei, consilarii et secretarii, regnum nostrum Russiae eidem duci perpetue contulerimus gubernandum et conservandum», et caet. Эта грамота Людовика хранится въ архивѣ городъ Львова; напечатана она у Стадницкаго въ «Synovie Gedymina» II, 61.

⁴⁹⁾ Зубрицкій. «Анонимъ Гнѣзненскій и Іоаннъ Длугошъ». 28.

⁵⁰⁾ Это обѣщаніе дано было еще отцомъ Людовика, Карломъ, при заключеніи договора съ Казиміромъ въ 1339 г., какъ свидѣтельствуешь Анонимъ Гнѣзненскій: Promittebat Carolus, quod filius suus Ludovicus omnia spectantia ad regnum Poloniae, per quoscumque fuerit occupata, et praecipue Pomeraniam, a

ніемъ къ своему слову и націи, которой оно было дано. Еще лучше видно это значеніе Владислава изъ папской буллы, гдѣ о немъ говорится: «pro parte dilecti filii, nobilis viri Ladislai, ducis Opoliensis, sub cujus «temporali» dominio dictae (i. e. Russia) partes consistere et caet» ⁶⁸). При всемъ томъ Владиславъ, какъ членъ дома Пястовъ, какъ родственникъ Казимира, завоевавшего Галицію, считалъ себя въ правѣ именоваться «terrae Russiae dominus, haeres».

Въ его управленіе произошли разсказанныя нападенія Литовцевъ; истителемъ выступаетъ не Владиславъ, а Людовикъ, который, въ 1376 и 1377 годахъ, съ сильнымъ войскомъ вторглся въ волынскую область. Результатомъ его походовъ было завоеваніе всей Владиміріи, съ которою онъ поступилъ почти также, какъ Казимиръ въ 1366 г.; замки Белзъ и Холмъ Людовикъ возвратилъ ихъ прежнему князю, Юрію Даниловичу, придавъ ему, кромѣ того, Любачевъ и назначивъ ежегодно 100 гривенъ дохода отъ соляной копи въ Бохніи; Любарту, который, видя невозможность сопротивляться, подобно

cruciferis vellet recuperare et evincere propriis sumptibus et expensis. Rex autem Casimirus tam suorum consiliariorum suasionibus, quam regis praefati et sororis suae promissionibus animum acclinans, Ludovicum praefatum sibi in successorem elegit certis pactionibus juramento roboratis, in quibus tres condiciones precipuae inter ceteras habebantur, primo rex Hungariae omnes metas regni Poloniae seu terminos et praecipue Pomeraniam, velle solus cum sua gente dampnis et expensis propriis se recuperare adstrinxit (Anonym de Gnesnen. in collect. Sommersbergiana II, 101.)

Юрію Белзскому, была отдана Вольтъ, съ условіемъ признанія верховной власти короля польскаго и венгерскаго.

Постоянная опасность отъ Литовцевъ, которые, конечно, на время только прекратили свои набѣги, послѣ похода 1377 года, не правилась Владиславу, правителю Галиціи; болѣе склонный къ мирной дѣятельности, избѣгавшій военныхъ безпокойствъ, онъ не хотѣлъ управлять страной, которая безпрестанно подвергалась нападеніямъ врага и отдавъ ее опять Людовику, получивъ въ обмѣнъ нѣсколько земель въ Польшѣ (княжество добринское, гнѣвковское и Бидгощу) ⁵¹⁾. Грамотою 1379 г. уволилъ онъ всѣхъ живущихъ въ землѣ русской отъ повиновенія ему и объявилъ о томъ, что они снова поступаютъ во владѣніе Людовика ⁵²⁾. Въ этомъ случаѣ Длугошъ противорѣчитъ Анониму; по его мнѣнію не мирныя наклонности, не отвращеніе отъ войны были причиною удаленія Владислава изъ Галиціи, но что это произошло по желанію короля, который въ 1377 г. собственными глазами, убѣдившись въ богатствѣ Руси, я прекрасной природѣ, плодородіи земли и т. д. рѣшился присоединить ее къ Венгріи. Длугошъ сильно подкрѣпляетъ свое мнѣніе тѣмъ, что Галиція, тотчасъ по удаленіи Владислава, была отдана въ управленіе Венграмъ, которые въ видѣ гарнизоновъ были разведены по многимъ городамъ и, кромѣ того, получили значительную часть ея въ собст-

⁵¹⁾ Anon. de Gnes. sub anno 1377.

⁵²⁾ Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ. Зубрицкаго. 28 стр.

военное, частное владѣніе. Изъ сказанія двухъ этихъ лѣтописцевъ мы можемъ вывести такое заключеніе о Галиціи: Владиславъ не хотѣлъ оставаться ея правителемъ, по причинѣ частыхъ нападеній литовцевъ, а Людовикъ радъ былъ его удаленію, потому что задумалъ присоединеніе Руси къ Венгріи. Последняя цѣль, конечно могла явиться у Людовика, потому что Польша легко могла выйти изъ его рода, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ сыновей и тогда соединеніе Руси съ Польшею было бы нарушеніемъ правъ Венгріи, которой государи уже полтора вѣка носили титулъ королей Галиціи и Владиміріи. Но допуская эту цѣль, мы въ то же время, замѣчаемъ что король имѣлъ болѣе широкіе планы, для поиманія которыхъ мы должны съ нѣкоторою подробностію рассмотреть дѣятельность Людовика въ видахъ утвержденія Польши въ своемъ родѣ.

Около 1374 г. Людовикъ имѣлъ 3-хъ дочерей: Катерину, Марію, Ядвигу; старшая была предназначена на венгерскій престолъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла права на польскій, по точному смыслу условій, подписанныхъ Людовикомъ въ 1355 г. и врученныхъ депутаціи отъ дворянства, которая ѣздила къ нему въ Венгрію ²³).

Подписывая эти условія, король, какъ можно думать, рассчитывалъ на племянника своего Іоанна, но Іоаннъ скоро умеръ безъ наслѣдниковъ и потомство Людовика должно было лишиться польской короны. Желая удержать ее въ своемъ родѣ и не имѣя еще возможности

²³) См. Длугоша годъ 1355 г.

выполни́ть рассчиты́вать на исполне́нiе своего́ жела́нiя, Людо́викъ первоначально позаботи́лся объ участи Руси, за́нял ее венгерскимъ войско́мъ и послѣ того уже напра́вилъ всѣ средства свои къ уничтоже́нiю той статьи до́говора 1355 г., по которой дочери его не могли занять польскаго престола.

Въ этомъ случаѣ король дѣйствовалъ на корыстолю́бiе своихъ подданныхъ; золотомъ и обѣщанiемъ доходныхъ мѣстъ привле́къ онъ на свою сторону магнатовъ, духовныхъ и свѣтскихъ ⁵⁴⁾; онъ даже нашелъ между ними человѣка, который, зная и одобряя его планы, дѣятельно заботи́лся объ ихъ осуществленiи: это былъ подканцлеръ Зави́ша, который за обѣщанное ему краковское еписко́пство сдѣлался ревностнымъ помощникомъ Людо́вика.

Тѣмъ же средствомъ подѣйствовалъ Людо́викъ и на остальное дворянство: съ давняго времени существовала въ польшѣ подать, извѣстная подъ названiемъ Кролевщи́зны, которая до времени короля Локетка платилась въ количествѣ двухъ грошей отъ лану, при Владиславѣ Локеткѣ и Казимирѣ, она, постепенно возрастая, дошла до шести грошей; такое чрезвычайное усиленiе налога произвело всеобщее неудовольствие и только энергiя

⁵⁴⁾ Aliis vero proceribus regni pecunias juxta magnificentiam regis fuit elargitus. Et hoc modo layci nobiles super dignitatibus temporalibus similiter litteras impetrabant, factumque est, quod proceres regni, sanguine, pecunia et promissionibus attracti, ad confractionem priorum litterarum consenserunt. (Anon. Arch. Gnes. pag 132, 133 apud Somersberg).

Казимира съумѣла заставить платить увеличенную подать. Депутация отъ дворянства, явившаяся въ 1355 г. въ Венгрію, между прочими условіями предложила Людовику уничтоженіе чрезвычайныхъ налоговъ и получила его согласіе. Между тѣмъ умеръ Казимиръ, безпорядки, начавшіеся послѣ его смерти, слабое правленіе матери Людовика, королевы Елисаветы, были причиною того, что не только новая шестигрошная, но и старая подать въ два гроша платилась очень несправно и шляхта мало по малу забыла о тяжелой Крелевщицѣ Казимира.

Понятно теперь, какъ непріятно была она поражена въ 1374 г., когда королевскіе чиновники, именемъ Людовика, стали требовать шестигрошовой подати; неготовые къ тому землевладѣльцы рѣшительно не были въ силахъ исполнить королевское приказаніе; имъ предстояло дѣлать займы, разстроивать свое хозяйство и потому они съ радостію схватились за то средство, которое имъ предложилъ король, и которое должно было понизить крелевщизну. Въ томъ же году король объявилъ, что онъ будетъ довольствоваться двумя грошами отъ лану, если Поляки признаютъ за дочерью его право на польскую корону ⁵⁶⁾. Тотчасъ же была послана къ королю депутация, которая и заключила съ нимъ договоръ въ Кошицахъ, уничтоживъ имъ ту статью условій 1355 г., по которой только мужское потомство Людовика могло занимать престолъ польскій; угодливость депутатовъ шла

⁵⁶⁾ См. Длугоша подъ 1374 г.

еще дальне; они согласились признать польской королевой ту из дочерей Людовика, которую назначить онъ самъ или его супруга ⁵⁷⁾. Король выбралъ старшую, Екатерину, и депутаты, тутъ же, въ Кошицахъ, принесли ей присягу на подданство. Такимъ образомъ на головѣ ея должны были соединиться обѣ короны: и польская и венгерская. Но Екатерина не пошла ни одной изъ нихъ; она скоро умерла и отецъ, желая передать ея права другой дочери, Маріи, снова сзываетъ депутатовъ и требуетъ отъ нихъ вторичной присяги. Совершенная неадаптованность этой присяги, поспѣшность, съ которою дѣйствовалъ король, возбудили подозрѣніе депутатовъ; они раздѣлились на партіи; одна, состоявшая изъ представителей мажоритаріи, подъ предводительствомъ Яна, архіепископа гнѣзненскаго, противилась желанію короля, другая изъ великопольянъ, руководимыхъ Завишею, была за него, и такъ какъ послѣдняя была многочисленнѣе, то король, имѣя за собою большинство, не побоялся приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ: онъ приказалъ запереть городскія ворота (въ Кошицахъ) и не выпустить ни одного изъ членовъ депутации. Это распоряженіе имѣло полный успѣхъ: обѣ партіи слились въ одну и присягнули Маріи въ то время, какъ присягали ей

⁵⁷⁾ Tamen in eo casu, quo filium vel filias habuerimus unum ex eisdem, masculis deficientibus, unam ex nostris filiabus, nunc natis et extantibus, ac in futurum nascituris, quem vel quam nos vel regina mater et consors nostra ipsis assignabimus, illum vel illam habeant pro haerede et successore nostro. (см. Volumina legum, I, sub anno 1374).

въ Венгріи. Въ 1280 г. десятилѣтняя Марія была обручена съ тринадцатилѣтнимъ Сигизмундомъ, маркграфомъ бренденбургскимъ, сыномъ императора Карла IV; по этому поводу Людовикъ снова созвалъ венгерскихъ и польскихъ депутатовъ въ Зволинъ и потребовалъ отъ нихъ присяги Сигизмунду, какъ будущему королю Польши и Венгріи. Это было послѣднимъ распоряженіемъ Людовика въ интересахъ его фамиліи; въ 1282 г. онъ умираетъ и со смертію его обстоятельства совершенно измѣняются.

Какое же заключеніе можно вывести изъ приведеннаго разсказа о дѣятельности Людовика?

Совершенно соглашаясь съ Длугошемъ, мы утверждаемъ, что Людовикъ хотѣлъ присоединить Русь къ Венгріи, сдѣлавъ ее венгерскою провинціей; но въ то же время ясно видимъ, что онъ мечталъ о соединеніи самой Польши съ своимъ наследственнымъ государствомъ; въ этомъ въ особенности убѣждаетъ насъ статья коницкаго договора, которая самому королю предоставила выборъ преемницы себѣ на польскомъ тронѣ; или паны были слишкомъ близорукіи и не могли сообразить, что король выберетъ ту изъ своихъ дочерей, которая въ то же время будетъ королевой венгерской, или, и проникая намеренія короля, они не хотѣли ему противиться и были не прочь отъ соединенія обоихъ государствъ; послѣднему мы вѣримъ болѣе; особенно если вспомнимъ разсказъ Анонима, архидіакона гнѣзненскаго, о подаркахъ, которые король такъ щедро расточалъ своимъ вельможамъ. Но подкупить цѣлую націю или даже цѣлое сословіе, было невозможно, и потому, когда умеръ Людовикъ, ходъ дѣ-

ла совершенно измѣнился: явилось сомнѣніе, подозрѣніе, промелькнула ужасная мысль о возможности присоединенія Польши къ Венгріи, въ качествѣ провинціи, — все это произвело страшную безурядицу. Сигизмундъ, въ то время пріѣхавшій въ Польшу и принявшій титулъ «*Domini Russiae*» былъ встрѣченъ очень неблагосклонно. Поляки не дали ему присяги, самой Маріи, уже признанной королевой, предлагали условія, среди которыхъ особенно настоятельно выражалось общее желаніе, чтобы она съ мужемъ жила постоянно въ Польшѣ. Упорство Сигизмунда, большая привязанность Маріи къ Венгріи, гдѣ она родилась и была воспитана, еще болѣе усилили волненіе; явились даже претенденты, какъ Семовитъ, князь мазовецкій, а съ ними междоусобія, которыя, впрочемъ, скоро кончились согласіемъ всѣхъ сторонъ, всѣхъ партій въ необходимости свергнуть Марію съ престола, на который она еще и не всходила. На серадскомъ сѣздѣ, въ Мартѣ 1383 г., Марія объявлена низложенною и съ тѣхъ поръ Польша была потеряна для нея⁵⁸⁾; ея мѣсто, какъ увидимъ, заступила младшая сестра ея Ядвига. Всѣ попытки Сигизмунда поправить дѣло были тщетны; ни вооруженное вмѣшательство, ни мирный пріѣздъ въ качествѣ губернатора, не имѣли ни малѣйшаго успѣха; Поляки прямо объявили, что не хотятъ имѣть его ни королемъ, ни губернаторомъ и силою оружія заставить его выйти изъ Польши.

Такимъ образомъ серадскій сѣздъ опрокинулъ всѣ

⁵⁸⁾ Anonym. Archid. de Gnes. sub anno 1383.

надежды Людовика, все то хитрое здание, которое строил онъ для соединенія Польши съ Венгріей. Потерявъ польскую корону, Марія, которая, какъ королева венгерская, носила титулъ «Reginae Haliciae et Lodomeriae», рѣшилась дать этому титулу существенное значеніе и вознаградить себя за потерю Польши присоединеніемъ къ Венгріи, русской земли. Земля эта, завоеванная Казиміромъ, составляла собственную Галицію, но въ описываемое время границы ея были значительно стѣснены, потому что Любартъ, по смерти Людовика, не только сдѣлался самостоятельнымъ княземъ Владиміра, но даже приобрѣлъ многія укрѣпленныя мѣста въ польско-русскихъ владѣніяхъ. Венгерскіе начальники продали ему за деньги не только Кременецъ, Ломатинъ и Олеско, которые относились къ волинской области, но и Снятинъ, Перемышль надъ р. Саномъ, куда не однажды еще не простирались завоеванія Литовцевъ ⁵⁹⁾. За всѣмъ тѣмъ еще значительныя пространства, именно земли саноцкая, самборская, часть перемышльской, львовская, галицкая, съ главнѣйшими крѣпостями Львовымъ и Галичемъ, составляли еще собственность короны польской; этио земли Марія вознамѣрилась присоединить къ Венгріи. Дѣло казалось легкимъ и дѣйствительно было такимъ, потому что Людовикъ, какъ намъ извѣстно, поручилъ Галицію управленію Венгровъ, и въ важнѣйшихъ укрѣпленіяхъ

⁵⁹⁾ Post mortem vero Ludovici castra fortissima in Russia, per Cazimirum..... acquisita....., videlicet Krzemieniec, Olesco, Przemyśl, Horodło, Lopatyn et alias; pecuniis receptis, Lubardo, Lithuano duci praesentabant. Anonym. II, 138.

поставилъ венгерскіе гарнизоны; слѣдственно власть Польши была только номинальною. Завладѣвъ, безъ всякихъ затрудненій, Галиціей, Марія въ томъ же году какъ лишилась польской короны, т. е. въ 1383, выдаетъ, въ качествѣ королевы Венгріи, Галиціи и Лодоміріи, грамоту одному изъ своихъ воиновъ на владѣніе селомъ въ саноцкой землѣ; въ слѣдующемъ, 1384 году, кромѣ подобныхъ документовъ, встрѣчаемъ актъ несоразненно болѣе важности: король Людовикъ, основавъ латинское епископство въ Перемышлѣ, не назначилъ ему никакого содержанія; Марія исполняетъ мысль отца и уступаетъ епископу значительныя поземельныя владѣнія изъ коронныхъ имѣній въ областяхъ самоцвой и перемышльской ⁶⁰⁾. Такъ скоро завладѣла Марія Галиціей, пользуясь средствами, приготовленными еще отцомъ ея, и если это соединеніе не утвѣдилось, было кратковременнымъ, то причины этого заключаются во внутренней исторіи Венгріи того времени.

Несчастная Марія съ своимъ молодымъ мужемъ и, еще болѣе, мать ея, Елисавета, возбудили противъ себя неудовольствіе своихъ подданныхъ, нежелавшихъ жить подъ управленіемъ женщины, а еще болѣе возмущеннымъ образомъ дѣйствій новѣреннаго Елисаветы, Николы Горы. Слѣдствіемъ непопулярности новаго правительства было появленіе претендента. Карлъ, тогдашній король неаполитанскій, близкій родственникъ Лю-

⁶⁰⁾ Всѣ грамоты Маріи, относящіяся къ Галиціи, напечатаны въ прибавленіяхъ ко II т. соч. Стадницкаго.

довика, давно уже имѣлъ виды на корону Венгрии; старался составить тамъ партію и потому тотчасъ же принималъ приглашеніе, которое прислали къ нему недовольные Елисаветой. Въ отсутствіе Сигизмунда, который уѣхалъ въ Чехію собирать войска противъ недовольныхъ, Карлъ былъ коронованъ и какъ венгерскій король поселился въ Будахъ въ королевскомъ замкѣ, гдѣ оставались и обѣ королевы; мать и дочь, сохранивъ свой дворъ и пользуясь всѣми почестями, которыя принадлежать коронованнымъ особамъ. Считая себя вполне безопаснымъ съ ихъ стороны, Карлъ безъ всякой осторожности, одинъ, или въ сопровожденіи двухъ, трехъ придворныхъ, приходилъ въ ихъ комнаты, бесѣдовалъ съ ними и постигъ жертвою излишняго довѣрія. Въ одно изъ такихъ посѣщеній на него было сдѣлано покушеніе. Карлъ защищался съ величайшимъ мужествомъ и, получивъ тяжелую рану, кое-какъ дотопалился до своихъ покоевъ, гдѣ думалъ возбудить свою стражу къ отищенію убійцамъ, но стража его, состоявшая изъ Итальянцевъ, вмѣсто того, чтобы помочь своему государю, разбѣжалась, увидя его въ такомъ состояніи и первая разнесла вѣсть о несчастной участи короля. Народъ принялъ это извѣстіе съ величайшимъ хладнокровіемъ, точно также, какъ извѣщеніе о новомъ правленіи королевы Маріи и матери ея, Елисаветы, — явный знакъ, что введеніе на престолъ Карла было дѣломъ партій. Теперь эта партія, униженная, павшая въ лицѣ своего вождя, бѣжала въ южныя провинціи государства, въ Кроацію и Далмачію, гдѣ собиравшись всѣ недовольные новымъ правительствомъ. Обѣ королевы полагали, что ихъ присутствіе въ этихъ

провинціяхъ заставитьъ недовольныхъ расстаться и такимъ образомъ предупредить бунтъ, который замыслили сторонники Карла. Въ Іюль 1386 г. они отправились, но на дорогѣ въ Сиржін, близъ города Дяковара, подверглись нападенію, были схвачены и отвезены въ Дакмацію въ замокъ Новиградъ; здѣсь, послѣ шестимѣсячнаго плѣна, Елисавета была задушена на глазахъ дочерей. Ея смерть, плѣнъ Маріи, несовершившееся еще признаніе Сигизмунда королемъ, — все это произвело въ Венгріи анархію и волненіе и дало возможность Польшѣ опять присоединить къ себѣ Галицію.

Между тѣмъ въ Польшѣ былъ заключенъ знаменитый бракъ Ягейла съ Ядвигагою; литовскій князь, надевая польскую корону, далъ обѣщаніе соединить всѣ свои земли, литовскія и русскія, съ польскимъ государствомъ; въ то же время онъ обѣщалъ обратить Литовцевъ въ католицизмъ. Исполненіе перваго обѣщанія было нетрудно по характеру державы, основанной Гедиминномъ; для исполненія втораго король скоро, послѣ коронаціи отправился въ Литву и въ то время, какъ онъ достигалъ своей религіозной цѣли, совершилось присоединеніе Галиціи.

Обѣщаніе львовскихъ гражданъ отъ Марта 1386 г., которымъ Ядвига завѣряетъ ихъ въ сохраненіи всѣхъ нравъ, привилегій и вольностей города, обѣщаніе, выданное во Львовѣ, хотя королева, въ это время, вовсе не была на Руси, показываетъ намъ, что было намѣреніе уже въ этомъ году идти на Русь, и были приготовлены документы, подобные которымъ всегда предшествуютъ занятію края; разныя обстоятельства помѣша-

ли этому походу: во первыхъ, большая часть Руси Казимировой была въ рукахъ Венгровъ, а Ядвига не хотѣла начинать своей политической дѣятельности враждою къ сестрѣ и матери; съ другой стороны польскими чинамъ хотѣлось, чтобы сама Ядвига и единственно польскими силами возвратила Русь Польскѣ и чтобы, мужъ ея въ этомъ дѣлѣ не имѣлъ никакого участія. Это желаніе легко объясняется: кромѣ земли самборской, саноцкой, части перемышльской, львовской и галицкой, всѣ русскія земли, какъ-то Украина, Волынь, Подолія, Подлясье, часть такъ называемой червонной Руси, принадлежали литовскому княжеству, и Ягейло, старшій изъ князей его, носилъ титулъ «*dominus et haeres Russiae*». Въ этомъ титулѣ невольно слышится эпитетъ къ «*Russiae*», «*totius*», что совершенно соответствуетъ притязаніямъ Литовцевъ, которые, на время только, оставили Казимира обладателемъ Галиціи, и объясняетъ постоянныя нападенія Любарта при Казимирѣ, Людовикѣ и во время междоусобицы. Правда, что Ягейло, при восшествіи на тронъ, обѣщалъ соединить всѣ свои земли, русскія и литовскія, съ короной польской, но, во первыхъ, ему не довѣряли и, вслѣдствіе этого недовѣрія, требовали, чтобы онъ далъ поручителей въ обезпеченіе своихъ обѣщаній; поручились родной его братъ Скиргайло, двоюродные Витовтъ, сынъ Кейстута, Михаилъ Явнута, Федоръ Любарта; во вторыхъ, чины польскіе понимали, что Волынь, Подолія, Подлясье и т. д. присоединяются къ Польскѣ въ качествѣ собственности Литвы, Русь галицко-львовскую, по крайней мѣрѣ, они хотѣли считать исключительно польскою собственностью, но здѣсь вхо-

диди въ противорѣчіе съ убѣжденіями короля, съ его семейными преданіями, изъ противорѣчія рождалось недоверіе, которое заставило Поляковъ стараться одними собственными средствами возвратить Галицію.

Пока два эти обстоятельства: нежеланіе Ядвиги владѣть сестрѣ и матери и недоверію Поляковъ къ Ягеллу, удерживали походъ на русскую землю, получено было, въ началѣ 1387 года, извѣстіе о смерти Елисаветы; о Маріи не знали ничего достовѣрнаго, слышали, что она была схвачена и увезена, и молагали, что она подверглась участи, одинаковой съ Елисаветой; вмѣстѣ съ тѣмъ Поляки узнали, что анархія въ Венгріи близится къ концу, что чины признали королемъ Сигизмунда, и что коронація его должна скоро совершиться. Естественнo, что Сигизмундъ, послѣ коронованія, двинетъ свои войска на помощь гарнизонамъ Галиціи и тогда возвращеніе послѣдней будетъ дѣломъ весьма труднымъ. Вотъ почему, не обращая вниманія на печаль Ядвиги по сестрѣ и на суровое время года, Поляки посадили свою молодую королеву на коня, какъ предводительницу войска, и въ Февраль 1387 г. двинулись на Русь. 2-го Марта остановилась королева въ мѣстечкѣ Городкѣ, въ 3 миляхъ отъ Львова и начала переговоры съ гражданами о немедленной и добровольной сдачѣ. Львовяне, уже 50 лѣтъ находившіеся подъ иноземнымъ владычествомъ, должны были совершенно безразлично смотрѣть на господство Венгрии и Польши; они даже склонялись на сторону послѣдней, потому что соединеніе съ нею обѣщало поддержку и развитіе ихъ торговли, уже важной въ то время. Великая торговая дорога, соединявшая Западъ съ

Востокомъ, на которой стоялъ Львовъ, проходила чрезъ Литву и Польшу, соединенныя тогда подъ однимъ скипетромъ въ одно государство; понятно, что добрыя отношенія къ этому государству должны были имѣть выгодныя послѣдствія для торговли и на оборотъ, слѣдственно граждане львовскіе, въ силу своихъ коммерческихъ интересовъ, должны были, безъ всякаго отвращенія, смотрѣть на подчиненіе Польшѣ. Съ другой стороны венгерскій гарнизонъ, немногочисленный, не надѣясь на скорую помощь, не зная даже кого признавать своимъ государемъ, также не сопротивлялся, и такимъ образомъ важнѣйшій городъ Галиціи былъ взятъ безъ кровопролитія, 9 Марта. Королева обнародовала манифестъ ⁶¹⁾, которымъ подтверждала гражданамъ всѣ ихъ права и привилегіи. Примѣру Львова послѣдовали Перемышль, Тереховъ, Санокъ, Ярославль; одинъ только Галичъ требовалъ рѣшенія дѣла силою оружія. Поляки не могли его взять собственными средствами и обратились за помощію къ Литовцу Витовту, который въ то время былъ въ Луцкѣ. Витовтъ, соединивъ войска многихъ литовскихъ князей, своихъ родственниковъ (кн. Юрія белзскаго, Федора Любартовича владимірскаго, Василя пинскаго, Симеона степанскаго, Федора рогатинскаго, Юрія слуцкаго), подступилъ къ Галичу и заставилъ венгерскаго воеводу Бенедикта сдаться. Храбрый Венгерецъ сдался только подъ условіемъ, что бы король не только не преслѣдовалъ его, но даже

⁶¹⁾ См. Supplem. ad. H. R. M. N XLV.

оказалъ бы ему любовь и уваженіе и далъ бы средства къ жизни. Условіе было выполнено и Веледитъ въ томъ же году получилъ значительныя помѣстья на Руси ⁶²⁾. Правителемъ Галиціи былъ назначенъ Полякъ, Янъ изъ Тарнова, воевода сендомирскій.

Такъ, въ 1387 году, совершилось окончательное присоединеніе Галиціи къ Польшѣ; съ этого времени до XVIII столѣтія она составляла собственность короны польской, была одною изъ провинцій польскаго государства; прочія же русскія земли, въ томъ числѣ и Волинь, судьбы которой насъ также занимали, присоединились къ Польшѣ въ качествѣ собственности литовской и были управляемы литовскими князьями, подручниками Владислава Ягелла, в. кн. литовскаго и короля польскаго.

⁶²⁾ Извѣстіе это почерпнуто изъ документа, — грамоты всѣхъ литовскихъ князей, участвовавшихъ въ походѣ. Документъ этотъ хранится въ библіотекѣ Пулавской, а напечатанъ у Стадниц. II, 128.

III.

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

Мы наложили внѣшнюю исторію Галича, на сколько это было возможно по существующимъ источникамъ; мы видѣли, что многіе періоды ея остаются темными, неясными, такъ какъ отдаленное прошедшее не оставило намъ точнаго и основательнаго о себѣ извѣстія. Если же внѣшняя, фактическая исторія, въ нѣкоторыхъ своихъ эпохахъ, отличается отсутствіемъ или крайнею скудностію матерьяловъ, то что же скажемъ относительно исторіи внутренней, бытовой, которая представляетъ интересъ несравненно большій и знаніе которой такъ просвѣтляетъ взглядъ на событія внѣшнія? Мы имѣли случай сказать, что лѣтописцы наши съ большимъ стараніемъ и подробностію описывали междоусобія князей, ихъ войны съ сосѣдями, нападенія послѣднихъ на Русь и т. д. и обращали слишкомъ слабое вниманіе на бытъ народа, складъ его ума, образъ мыслей, степень развитія умственнаго и нравственнаго. Оно и понятно: лѣтописецъ проникался интересами своего времени, отношеніями къ ближайшимъ государствамъ, успѣхомъ

или неуспѣхомъ одного князя въ борьбѣ съ другимъ, и при этихъ занимавшихъ его обстоятельствахъ онъ не имѣлъ времени, да и не считалъ полезнымъ и нужнымъ распространяться о своихъ современникахъ, объ образѣ ихъ жизни, ихъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ; въ его время это было такъ обыкновенно, такъ всеобще, что онъ никакъ не думалъ угодить потомству передачею ему подобныхъ свѣдѣній. Отсюда понятно, что если лѣтописцы галицкіе оказываются недостаточными, неполными въ извѣстіяхъ своихъ о походахъ, сраженіяхъ, междоусобіяхъ и тому подобномъ, то тѣмъ менѣе можно ждать отъ нихъ матерьяловъ для объясненія внутренней жизни Галичанъ. Мы собрали отрывочныя сказанія подобнаго рода, разбросанныя, тамъ и сямъ, въ лѣтописяхъ, грамотахъ и другихъ источникахъ и, предлагая изложеніе внутренней исторіи Галича въ разсматриваемый періодъ, заранѣе говоримъ, что оно отличается крайнею неполнотою и неточностію.

Всматриваясь во внутренній бытъ страны, мы, прежде всего, поражаемся особеннымъ положеніемъ галицкаго князя, его отношеніями къ высшему, боярскому сословію. Вотъ нѣкоторыя мѣста лѣтописи, важныя въ этомъ случаѣ: въ 1188 г. волынской князь Романъ Мстиславичъ, узнавъ о всеобщемъ неудовольствіи, которое возбудилъ противъ себя Владиміръ галицкій, писалъ къ боярамъ, побуждая ихъ возстать на князя, свергнуть его и призвать его, Романа: «мужи же галичкыи, пріимше совѣтъ Романовъ, совокупивше полкы своя и возсташа на князь свой, и не смѣша его изымати, ни убити, зане не вси бяхуть въ думѣ той»; дѣло,

какъ известно, кончилось добровольнымъ отъѣздомъ Владиміра, который не захотѣлъ разстаться съ своей любовницей, помянутой, а ей-то и грозила опасность отъ бояръ. Подъ 1206 г.: «и приведоша Галичане Мстислава (Пересопницкаго) на Бенедикта и прииде къ Галичю; и не успѣвши ему нитоске, Щенановичъ Илія возведе и на Галичину могилу, ослабився, рече ему: «Книже, уже еси на Галичѣ могилѣ посѣдѣлъ, такъ и въ Галичи княжилъ еси; смѣяху бо ся ему.» Подъ 1208 г.: «ятимъ же бывшимъ княземъ Роману, Святославу, Ростиславу, Угромъ же хотящимъ ѣ вести королеви, Галичаномъ же молящимся имъ, да быша и повѣсили, мсты ради, убіеніи же бывше Угре великими дарии, предани быша на повѣшеніе мѣсяца Септіября. Данилу же княжашю въ Галичи, тако младу сущу, яко и матери своей же позна; минувши же времени, Галичане же изгнанія Данилову мать изъ Галича.» Подъ 1310 г.: «Владиславъ же воѣха въ Галичъ, воцѣлжися и сѣде на столѣ.» Подъ 1230: «крамолѣ же бывши въ безбожныхъ боярѣхъ Галичскихъ, съвѣтъ створише со братучадцемъ его (Данила) Олександромъ, на убіеніе его и преданіе земли его;» заговоръ былъ открытъ и, посланный Даниломъ съдѣльничій его Иванъ схватилъ 28 заговорщиковъ «и ти смерти не пріятна, но милость получиша. И ꙗкогда ему изъ пиру веселяишуся, одинъ отъ тѣхъ безбожныхъ бояръ лице ему вали чашей, и то ему старѣишину; илюгда же да Богъ имъ возмездия.» Въ 1240 г. изъ неустройства, произведенному Монголами, присоединились непоминовомъ и китежский духъ бояръ: «бояре же галичстїи Данила княземъ себе на-

зымаху, а сами всю землю держаху, Доброславъ же
векнажилася бѣ и Судычъ, поховъ внукъ и грабниа
всю землю и въшедъ во Бяготу, все Понизье прія,
безъ княжа. повелѣнія, Григоріи же Васильевичъ се-
бѣ Горнюю страну Перемышельску мысляше одержати,
и бысть мятежъ великъ въ землѣ и грабежъ отъ
нихъ. Данило же увѣдавъ, посла Якова, столпника своего,
съ великою жалостью ко Доброславу, глаголя къ нимъ:
князь вашъ азъ есмь, повелѣнія моего не творите,
землю грабите, Черниговскихъ бояръ не велѣхъ ти,
Доброславе, приимати, нѣ дати волости Галицкимъ, ни
Коломыйскую соль отлучити на мя;» оному же рекшу:
«да будетъ тако.» Въ тѣ же часъ, Якову сѣдѣщу у
него, приидоста Лазоръ Домажирѣчъ и Иворъ Моли-
божичъ, два беззаконника отъ племени смерды и
поклонистася ему до земли, Якову же удивившуся
прешавшу вины, про что поклонистася; Доброславу же
рекшу: «вдахъ има Коломыю», Якову же рекшу ему:
«како можеши безъ повелѣнія княжа отдати ю сима,
яко великіи князи держать сію Коломыю на роздаванію
оружьникомъ, си бо еста недостойна ни Вотѣйна дер-
жати»; онъ же усмѣявся, рече, «то, что могу же гла-
голати.» Яковъ же, пріѣхавъ, вся си сказа князю Да-
нилови, Данило же скорбяше и моляшеся Богу о
отчиихъ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и
обладати ею. И малу же времени минувши, присла
Доброславъ на Григорія, река: яко невірень ти есть,
противлящеся ему, а самъ хотяше всю землю одержа-
ти, свадившеся сами и пріѣхаша съ великою горды-
нею, їдучю Доброславу во одной сорочѣхъ, гордящу,

ни на землю смотрящу, Галичаномъ же текущимъ устремени его, Давыдовъ же видящу и Васильковъ гордость его, болшую вражду нанъ воздвигнуста. Доброславу же и Григорью, обоимъ лемившимъ на ея, слышавъ же Данило рѣчи ихъ, яко полны суть лъсти и не хотятъ по волѣ его ходити и власть его иному предати, сомысливъ же со братомъ, по нужи, не видя беззаконія ихъ, и повелѣ его изомати.»

Полагаемъ, что этихъ выписокъ достаточно для объясненія отношеній, въ которыхъ бояре находились къ князьямъ; произволъ первыхъ и стѣсненное положеніе послѣднихъ рѣзко выступаютъ изъ приведенныхъ мѣстъ лѣтописи; въ особенности рельефенъ въ этомъ отношеніи рассказъ объ умыслѣніи на жизнь Данила; князь, перекрѣпавъ заговорщиковъ, простилъ ихъ и одинъ изъ прощенныхъ, вскорѣ послѣ того, нанесъ ему новое оскорбленіе: влѣснулъ виномъ изъ чаши прямо въ лице своему государю, который только что его помиловалъ и опять не былъ наказанъ. Но, оставаясь вообще кроткими и снисходительными къ боярамъ, князья не разъ выходили изъ терпѣнія, и тогда прибѣгали къ варварскимъ, кровавымъ мѣрамъ: Романъ, по свидѣтельству Кадлубка, задумалъ всеобщее истребленіе бояръ и губилъ ихъ всѣми возможными средствами; Игоревичи, по словамъ Лѣтописи, поступили точно также: «Въ лѣто 6716 (1208) съзвѣтъ же сътвориша Игоревичи на бояре галичскыи, да избьютъ и, по прилучаю избіеніи быша; и убіенъ же бысть Юрій Витановичъ, Илья Щемановичъ, и иніи велиции бояре, убіено же бысть ихъ, числомъ 500, а

нии разбѣгашася.» Мы уже видѣли, какъ отмстили бояре за это побѣненіе; никогда небывавое на Руси событіе совершилось: князья Рюриковичи умерли поносною смертію на висѣлицѣхъ и, къ довершенію зла, бояринъ сѣлъ на галицкомъ престолѣ. Если, прочитывая приведенныя мѣста лѣтописи, вспомнимъ тѣ безчисленныя крамолы, которыя были возбуждаемы боярами, то противъ Романовичей, то противъ венгерскихъ королевичей, противъ Игоревичей и т. д., то мы ясно увидимъ, что этого не было ни въ одномъ русскомъ княжествѣ. Мы знаемъ, что подобныя отношенія существовали въ Венгріи и Польшѣ, знаемъ также, что Галичъ находился въ постоянныхъ связяхъ съ тою и другою страной; поэтому, естественно, приходимъ къ мысли, что боярство галицкое, въ дѣятельности своей, приняло за образецъ боярство венгерское и польское. Допуская это внѣшнее вліяніе, мы должны согласиться, что однимъ имъ еще нельзя объяснить исторію Галича; нужно показать, почему это вліяніе было такъ сильно и живо воспринято, почему оно не нашло никакого противодѣйствія, никакого отпора; слѣдственно должно обратиться къ самой странѣ и ея устройству и тамъ поискать разрѣшенія этого вопроса.

Безспорно, что галицкіе бояре находились въ иныхъ обстоятельствахъ, нежели бояре другихъ русскихъ княжествъ. Галиція, вслѣдствіе счастливаго стеченія обстоятельствъ, вслѣдствіе энергической дѣятельности Владимѣрка, почти не раздроблялась на удѣлы до самой смерти Данила; тамъ не было быстрой смѣны князей, переходовъ ихъ съ одного стола на другой, какъ

то замѣчаемъ въ Руси кievской, столько страдавшей отъ подобнаго кочеванія князей. Эта нераздѣльность государства, конечно, вела къ его усиленію и укрѣпленію, и вмѣстѣ сообщала силу и значеніе тому сословію, которое было главнымъ помощникомъ князей въ ихъ дѣятельности, именно сословію боярскому. Не имѣя причинъ оставлять княжество галицкое, свою родину, бояре какъ покупкою, такъ и пожалованіемъ приобрѣтали значительныя помѣстья, и такимъ образомъ, въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ, приобрѣтали важное вліяніе. Это вліяніе еще болѣе увеличивалось вслѣдствіе того, что всѣ важнѣйшія должности были замѣщаемы боярами; должность тысячскаго, напримѣръ, который имѣлъ такое вліяніе на народонаселеніе, или дворскаго, котораго встрѣчаемъ и держателемъ Галича, въ отсутствіе князя, и предводителемъ войска,—эти должности должны были давать огромное значеніе боярамъ, ихъ занимавшимъ; здѣсь нужно вспомнить и то обстоятельство, что родъ князей галицкихъ не отличался многочисленностію, поэтому въ Руси червоиной не было того, что замѣчаемъ въ Руси кievской, именно, что каждый небольшой городъ имѣлъ своего князя и управлялся этимъ княземъ; въ Галичѣ, напротивъ, города находились въ управленіи бояръ; такъ Звенигородъ, въ 1219 г., былъ отданъ Судиславу; всѣ прочіе города имѣли тысяцскихъ (что, кажется, совершенно, что и держатели города), такъ въ 1213 г. въ Перемышлѣ держалъ тысячу Ярунъ или Яронъ. Изъ этихъ примѣровъ легко можемъ видѣть, что положеніе бояръ галицкихъ было нѣсколько тверже предше-

нія бояръ кievской Руси. Богатые землевладѣльцы, вліятельные чиновники они имѣли свои собственные полки ⁶²⁾, соединивъ ко́торые могли съ успѣхомъ дѣйствовать противъ князя, лишь только отношенія его къ нимъ дѣлались недоброжелательными или враждебными. Положеніе князя было далеко не твердо; онъ могъ дѣйствовать противъ бояръ, опираясь только на свою дружину, и потому если полки бояръ, соединенные вмѣстѣ, превзойдутъ въ силѣ дружину княжескую, то князь долженъ былъ отказываться отъ своихъ плановъ, долженъ былъ дѣлать уступки боярамъ; здѣсь невольно приходитъ въ голову сравненіе отношеній князя галицкаго къ боярамъ съ отношеніями князя кievскаго или великаго къ младшимъ членамъ Рюрикова дома. И тотъ и другой держались тѣмъ, что единодушное дѣйствованіе было невозможно какъ для младшихъ Рюриковичей, такъ и для бояръ Галича; они постоянно враждовали другъ къ другу. Доброславъ и Григорій, захватившіе почти всю землю, послѣ татарскаго погрома, въ свое управленіе, были въ такой степени сильны, что позволяли себѣ открыто, предъ княжескимъ посломъ, смѣяться надъ распоряженіями и упреками князя, и Даніилъ не могъ ничего предпринять противъ нихъ; онъ только скорбѣлъ и молился Богу о своей отчинѣ; нѣсколько времени спустя, между Доброславомъ и Григоріемъ встала распря, тогда Даніилъ безъ страха приказалъ обоихъ схватить, какъ против-

⁶²⁾ П. С. Р. Л. II, 137.

никовъ княжеской власти. Ясно, что только совокупнаго ихъ дѣйствія боялся Даниилъ, а лишь толькоони раздѣлились, то не могли уже быть опасными князю. Точно также и раньше Даниила, когда бояре, подучаемые Романомъ, востали на Владимира Ярославича, они не смѣли ни схватить его, ни убить, «за не вси бяхуть въ думѣ той». Все таки, оставаясь сильными и понимая свое значеніе, бояре, естественно, стремились къ расширенію своихъ правъ, къ устройству болѣе выгодныхъ отношеній къ верховной власти и въ этомъ случаѣ они имѣли удобство предварительнаго соглашенія съ княземъ, если можно такъ выразиться предварительнаго торго съ нимъ, потому что князей, желавшихъ пріобрѣсти галицкое княжество, было очень много и бояре могли выбирать изъ нихъ. Это обстоятельство, т. е. многочисленныя притязанія на Галичъ, было, по нашему мнѣнію, главною причиною, живнѣйшимъ побужденіемъ, хорошо объясняющимъ всѣ волненія и крамолы бояръ. Если обратимъ вниманіе на древнѣйшую исторію Галиціи, то увидимъ полное согласіе боярства и верховной власти; вотъ мѣсто изъ лѣтописи, представляющее образчикъ подобныхъ отношеній. Бояре говорятъ Ярославу Осмомыслу въ одномъ сраженіи (съ Изяславомъ Мстиславичемъ при Тереховѣ, въ 1153 г.): «ты еси молодъ, а поѣди прочь и насъ позоруй, како ны будетъ отецъ твой кормилъ и любилъ, а хотимъ за отца твоего честь и за твою голову своя сложити, ты еси у насъ князь одинъ, оже ся тобѣ што учинить, то што намъ дѣяти? а поѣди княже къ городу» и пр. ⁶⁴⁾ Возстанія бояръ начинаются

⁶⁴⁾ П. С. Р. Л. II, 73.

только тогда, когда имъ является возможность опереться на кого нибудь въ своихъ дѣйствіяхъ противъ князя; такъ они встали противъ Осмомысла, когда въ его семействѣ произошла распря и бояре могли принять сторону его княгини Ольги и сына Владимира и подъ ихъ знаменемъ дѣйствовать противъ Ярославъ. За тѣмъ они поднялись на Владимира, потому что опирались на Романа, находились въ сношеніяхъ съ нимъ и дѣйствовали по его побужденію. Въ этомъ случаѣ Романъ подалъ дурной примѣръ и былъ нѣкоторою причиною, конечно внѣшнюю, послѣдующихъ волненій въ Галичѣ, самъ онъ только крайне жестокими мѣрами удержалъ бояръ въ повиновеніи, а по смерти его, когда явилось столько претендентовъ, галицкому вельможеству настало самое благоприятное время; оно могло прочно устроить свое положеніе, еслибъ дѣйствовало единодушно, еслибъ ясно сознавало свою цѣль и неуклонно къ ней стремилось. Но ни одного изъ этихъ условій не было; бояре тянули въ разныя стороны, одни къ Ольговичамъ, другіе къ Венграмъ, третьи къ Романовичамъ и т. д. Они даже не знали хорошо, къ чему слѣдуетъ стремиться, чего достигать и дѣйствовали часто съ величайшею непостѣдовательностію. Княжеская власть, попираемая боярами, должна была замѣтить отсутствіе системы въ ихъ дѣятельности и употребила его для своего утвержденія и укрѣпленія; лучше всего воспользовался этимъ Даниилъ Романовичъ и, одолѣвъ до 1249 г. всѣхъ претендентовъ на Галичъ, тѣмъ самымъ отнялъ у бояръ возможность крамолить и подчинилъ ихъ своей власти. Съ этого времени лѣтописи ничего не сообщаютъ о внутреннихъ сму-

тахъ въ Галиціи, только то обстоятельство, что при Юріѣ II грамоты писались не отъ лица одного князя, но и отъ имени боярь, даетъ намъ нѣкоторый поводъ предположить, что значеніе боярь опять начинается возрастать около половины XIV столѣтія, хотя, какъ мы уже замѣтили, это можетъ объясняться еще малолѣтствомъ Юрія II.

Читая лѣтописное повѣствованіе о мятежахъ боярскихъ, объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ князю высшимъ сословіемъ, невольно удивляемся, отчего князья не обратились къ городамъ, не усиливали ихъ значенія и не создали себѣ такимъ образомъ опоры противу боярства. Внимательно соображая всѣ событія, мы замѣчаемъ, что сила городовъ была парализирована боярами, граждане почти всегда являются только зрителями или играютъ роль пассивную, исполняютъ приказанія боярь. Нечего обращать вниманіе на то, что лѣтописецъ дѣйствующія лица постоянно называетъ Галичанами; подъ этимъ именемъ, въ большей части случаевъ, должно разумѣть боярь галицкихъ, а не массу гражданъ; доказательствъ можно много найти въ лѣтописи; какъ напр. согласить извѣстія лѣтописи, подъ 1208 г.: «Галичане же выгнаша Данилову мать изъ града»; подъ 1202 г.: «И еще же хотящу Володиміру (Игоревичу) искоренити племя Романово; посѣивающимъ же безбожнымъ Галичаномъ», или подъ 1234: «узрѣвъше же бояре Галичѣстїи Василька, отшедша съ полономъ воздвигоста крамолу; Судиславу же Ильичу рекшу: «Княже! лстивъ глаголь имѣють Галичане, не погубисе, пойди прочь»; и вообще всѣ тѣ мѣста, гдѣ говорится о враждебности Галичанъ къ Да-

міну, съ извѣстіемъ, записаннымъ подъ 1235 г.? Въ этомъ году, когда Данилъ, воспользовавшись удаленіемъ Ростислава изъ Галича, явился подъ стѣнами города, всѣ граждане сказали: «яко се естъ держатель нашъ, Богомъ данный, и пустишася яко дѣти ко отцю, яко пчелы къ матцѣ, яко жажжущи воды къ источнику». Въ однихъ извѣстіяхъ видимъ Галичанъ, которые замышляють крамолу противъ Данила, выгоняють его мать и сочувствуютъ мысли объ искорененіи цѣлаго племени Романа Великаго; въ другомъ Галичане изъясняютъ такую жаркую любовь, такую искреннюю преданность тому же Данилу. Очевидно, что Галичане первыхъ трехъ извѣстій и послѣднего—не одно и тоже; не трудно догадаться, что подъ первыми разумѣются бояре, а подъ послѣдними—масса гражданъ. Лѣтописецъ и не смѣшиваетъ ихъ; подъ 1235 г., рассказавъ о чувствахъ горожанъ къ Данилу, онъ тутъ же сообщаетъ и о боярахъ: «Пискупу же Артемью и Дворьскому Григорью възбраняющему, узрѣвшима же има, яко не можета удержати града, яко малодушна блюдышася о преданьи града, изыдоста слезными очима и ослабленомъ лицемъ; и лижуща уста своя, яко же имѣюща власти княженъя своего; рѣста же съ нужею: «пріиди, княже Данило, пріими градъ». И такъ во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ дѣйствателями являются бояре; они призываютъ князей, они составляютъ заговоры, захватываютъ управленіе земли въ свои руки и т. д., а граждане молчатъ или являются въ страдательной роли приверженцевъ высшаго сословія, исполнителей его предначертаній; то значеніе, которое сохраняло народонаселеніе въ Кіевѣ, гдѣ бояре казались пришельцами, пото-

му, что съ новымъ княземъ явились и новые бояре, это значеніе въ Галичѣ всецѣло перешло къ боярамъ, важнымъ по своему богатству и тому вліянію, которое они постоянно сохраняли надъ народомъ, благодаря своимъ должностямъ. Народъ, масса, предоставленная самой себѣ безъ средствъ, безъ вождя, конечно, долженъ былъ раздѣлиться на части и склониться на сторону того или другого боярина. Эта подчиненность ясно выражается въ разсказѣ лѣтописи о крамолѣ Доброслава, о его прѣздѣ къ Даниилу: «ѣдучю Доброславу, во одной сорочѣ, гордящу, ни на землю смотрящу, Галичаюмъ же текущимъ у стремени его». Ѣздить или ходить у стремени, въ древней Руси, означало покорность, подчиненныя отношенія. Наконецъ, если Галичане имѣли возможность дѣйствовать самостоятельно, могли противиться боярамъ, то какъ же терпѣли они, что любимымъ князь ихъ Даниилъ, въ теченіе слишкомъ 40 лѣтъ, долженъ былъ вести жизнь, исполненную опасностей и униженій? Не скорѣе ли было бы ожидать, предполагая въ нихъ независимый образъ дѣйствій, что они, подобно Кіевлянамъ, скажутъ: «не хотимъ Ольговичей, хотимъ племя Мономахово»? Ничего такого не было; ихъ дѣятельность, ихъ чувства проявлялись только тогда, когда вліяніе бояръ, почему бы то ни было, прекращалось; такъ въ 1229 г., когда Даниилъ, взявъ Галичъ, выгналъ извѣстнаго крамольника Судислава, граждане, до тѣхъ поръ покорные ему, стали бросать въ него камнями и кричали: «изыди изъ града, мятежниче земли!» Въ 1235 г. чувства Галичанъ къ Даниилу, постоянно сдерживаемыя боярами, вылились наружу въ то время,

когда онъ стоялъ подъ стѣнами города, а большая часть бояръ ушла съ Ростиславомъ въ походъ на Литву. Встрѣчаются въ лѣтописи рассказы о возстаніи городовъ противъ князя, но и эти рассказы только подтверждаютъ нашу мысль о пассивной роли гражданъ; подъ 1240 г. лѣтопись рассказываетъ о возвращеніи Даниіла изъ Польши послѣ татарскаго нашествія: «и приде ко граду Дорогычину и восхотѣ внити во градъ и вѣстьно бысть ему: «яко не внидеси во градъ», оному же рекшу: «яко се былъ градъ нашъ и отецъ нашихъ», «вы же не изволисте внити въ онъ», отъиде, и отъиде мысля си, иже Богъ послѣ же отмстые сотвори держателю града» и пр. И такъ Даниилъ, не говоря ни слова о гражданахъ, всю вину приписываетъ держателю града, значить боярину и надѣется, что Богъ, современемъ, поможетъ отомстить ему.

Опредѣливъ степень участія въ событіяхъ исторіи Галича бояръ и горожанъ, сообщимъ еще тѣ немногія свѣдѣнія объ ихъ жизни и занятіяхъ, которыя сохранила намъ лѣтопись.

Названіе «бояре», въ разсматриваемый періодъ, нельзя понимать въ смыслѣ отдѣльнаго, замкнутого сословія, которое не сообщалось бы съ другими общественными разрядами; доступъ къ боярству былъ открытъ всѣмъ и, кажется, бояриномъ назывался каждый, близкій къ князю и занимавшій какое нибудь важное мѣсто; слѣдственно мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если дадимъ боярамъ болѣе общее названіе сословія правительственнаго, только оговоримся, что бояре составляли, такъ сказать, верхній слой его, потому что исправляли главнѣйшія должности

тысяческаго, дворскаго, печатника, держателя града или градоначальника, стольника и воеводы, сперва въ смыслъ предводителя войска, а потомъ начальника цѣлой отдѣльной области. Въ тоже сословіе слѣдуетъ включить лица, занимавшія менѣе вліятельныя должности: слугъ дворныхъ, дѣтей боярскихъ, отроковъ, которые составляли постоянное окруженіе князя, потомъ тиуновъ, т. е. городскихъ чиновниковъ, поставленныхъ княземъ и чиновниковъ лично княжескихъ, какими были дьяки и писцы.

Все эти лица, кромѣ исправленія своихъ должностей, въ случаѣ войны дѣлались воинами, отсюда можно выключить только тиуна, дьяки же и писцы, которыхъ назначеніе, какъ видно изъ названія, было вполне мирное, тѣмъ не менѣе должны были сопровождать князя въ его походахъ и если, быть можетъ, не участвовали въ сраженіяхъ, не бились, какъ другіе воины, то подвергались всѣмъ опасностямъ войны и даже были ея жертвами.

Относительно способовъ веденія войны мы не знаемъ ничего характеристическаго; войско и въ Галичѣ, какъ въ остальной Руси, состояло изъ дружины князя и полковъ, въ которые набирались жители городовъ и селъ; во главѣ его становился князь, которому войны оказывали несравненно большее повновеніе, чѣмъ воеводамъ; обыкновенно онъ говорилъ рѣчи для возбужденія храбрости и самъ бился на ряду съ прочими; война сопровождалась опустошеніемъ, собраніемъ добычи; набѣги на сосѣдей, по большей части, этимъ и ограничивались; послѣ битвы князю приводили сайгаты, т. е. трофеи, состоявшіе изъ лошадей въ сѣдлахъ и оружія; войска юго-западной Руси отличались пылкою храбростію, но не

были стойки. Если что поражает насъ въ галицкомъ войсѣ, то это блестящій видъ его, который приводилъ въ изумленіе не только Прусовъ и Ятвяговъ, но и Венгерцевъ. Лѣтписецъ такъ описываетъ войско, бывшее въ походѣ на Ятвяговъ, въ 1251 г.: «щитъ же ихъ, яко зоря бѣ, шоломъ же ихъ, яко солицю восходящу, коніемъ же ихъ дръжащимъ въ рукахъ, яко трѣсти мнози, стрѣлцемъ же обоимъ идущимъ и держащимъ въ рукахъ рожаницы своѣ, и наложившимъ на нѣ стрѣлы своѣ противу ратнымъ. Данилови же на конѣ сѣдящу и всѣ рядящу и рѣша Прузи Ятвяземъ: «можете ли древо поддржати сулицами и на сію рать дерзънути» ⁸³⁾. Въ 1252 г. Данилъ, принявшій участіе въ дѣлахъ Венгріи и австрійскаго герцогства «пріиде къ нему (королю венгерскому) исполчи вся люди своѣ. Нѣмцы же, дивящися оружію татарскому: бѣша бо кони въ личиѣхъ и коярѣхъ кожаныхъ, и люди во ярыцѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающася. Самъ же ѣха подлѣ короля, по обычаю руску, бѣ бо конь подлѣ нимъ дивленію подобенъ и сѣдло отъ злата жъжена и стрѣлы и сабля златомъ украшена, иными хитростями, якоже дивитися, кожихъ же оловира Грецького и круживы златыми плоскими ошитъ и сапоги зеленого хѣза, шити золотомъ», и т. д. Король былъ такъ пораженъ прекрасною внѣшностію Данилова войска, что воскликнулъ: «не взяхъ быхъ тысящѣ серебра за то, оже еси пришелъ обычаемъ русскимъ отцовъ своихъ» ⁸⁵⁾.

Въ заключеніе скажемъ, что князья, во второй половинѣ XIII столѣтія, стараются ограничивать губительное

⁸⁵⁾ Н. С. Р. Л. II, 187.

влияніе войны на народонаселеніе, заключаютъ договоръ съ Поляками не воевать чужды, т. е. истреблять только войско, а не мирныхъ гражданъ; наконецъ они берутся за современныя намъ средства для избѣжанія и предупрежденія войны; устраиваютъ конгрессы, сѣзды съ сосѣдями, гдѣ обсужденіемъ дѣла и постановленіемъ общаго рѣшенія стараются обойтись безъ непріязненныхъ дѣйствій.

Относительно внутренняго быта городовъ, ихъ управленія и занятія гражданъ мы имѣемъ свѣдѣнія неполныя и неточныя.

Въ каждомъ городѣ находилась засада или гарнизонъ, ⁶⁶⁾ начальникъ котораго былъ правителемъ города и представителемъ интересовъ князя; эти правители въ лѣтописяхъ называются или боярами, или просто держателями града, въ иныхъ монадаются тысячекіе съ тѣмъ же значеніемъ и властью; наконецъ встрѣчаемъ города, въ которыхъ представителямъ княжеской власти былъ только тиунъ ⁶⁷⁾.

Вслѣдствіе пограничнаго положенія Галиціи, въ городахъ ея собирались самыя разнородныя національности; въ нихъ жили, кромѣ Русскихъ, еще Поляки, Нѣмцы, Евреи, Татары, Сурожане, Каранмы и Армяне. Нѣтъ сомнѣнія, что Поляки уже съ давняго времени жили въ Галиціи; это объясняется близостію ея къ Польшѣ и частыми сношеніями, которыя существовали между обѣими странами. Нѣмцы были призываемы на Русь, какъ искусные ремесленники и опытные торговцы; подъ 1233 годомъ, лѣтопись одни изъ воротъ Галича называ-

⁶⁶⁾ П. С. Р. Л. II, 194.

насть нѣмецкими, явное доказательство, что Нѣмцы еще прежде жили въ этомъ городѣ. Послѣ этого перваго признака нѣмецкихъ поселенцевъ, лѣтопись часто упоминаетъ объ нихъ въ разныхъ городахъ Галиции и Владиміріи: въ разсказѣ о постройкѣ Холма говорится, что Даниилъ «нача призывати прихожаѣ, нѣмцы и Русь»; подѣ 1268 г. встрѣчается Нѣмечинъ Маркольтъ, угощавшій у себя во Владимірѣ князей Василька, Льва и Войшелка; неизвѣстно, кто былъ этотъ Маркольтъ, бояринъ или купецъ. Наконецъ съ Болеславомъ Мазовецкимъ пришло на Русь много иноплемениковъ: придворные его состояли изъ Поляковъ и Нѣмцевъ; еще болѣе поселялось ихъ во Львовѣ при Казимірѣ Великомъ въ 1340 г. Рукопись изъ XVII вѣка, подѣ названіемъ: «Topografia civitatis Leopoldis a Ioane Albrecht, consule civitatis Leopoliensis», разскаываетъ, что Казиміръ, занявъ Львовъ, повѣрилъ его стражѣ нѣмцовъ, число которыхъ, по Зиморовичу (въ его «Triplex Leopoldis»), простиралось до 1200 ⁶⁸). Эти пришельцы, увлеченные богатствомъ страны, ея роскошною природою остались навсегда во Львовѣ, кажется при Казимірѣ уже, получили магдебургское право, разныя льготы, построили первую католическую церковь во имя Богородицы и они-то прозвали Львовъ Лембергомъ.

Со времени Казимира нѣмцы играютъ важную роль во Львовѣ, въ качествѣ землевладѣльцевъ ⁶⁹) и богатыхъ

⁶⁸) Хранится въ Архивѣ города Львова, выписки есть у Стадницкаго (въ Synowie Gedymina) и у Зубрицкаго (въ его «Повѣсти и въ Kronik'ъ miasta Lwowa)

⁶⁹) См. Kronika miasta Lwowa, przez Zubrzyckiego—стр. 51.

кушцовъ; какъ видно вся торговля Львова мало по малу сосредоточилась въ ихъ рукахъ, кн. волынскій Димитрій Любартъ, увѣдомляя гражданъ львовскихъ о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ своихъ по торговлѣ, пишетъ грамоту на нѣмецкомъ языкѣ ⁷⁰⁾; такимъ образомъ нѣмецкая народность во 2-й половинѣ XIV столѣтія, сдѣлалась наиболѣе вліятельною; тоже видно изъ дѣленія, которое далъ своему сочиненію писатель XVII вѣка Зиморовичъ, который видитъ въ жизни Галича (до присоединенія его къ Австріи) три періода: русскій до 1340, нѣмецкій до 1548 г. и потомъ уже польскій; хотя подобное дѣленіе и не совсѣмъ справедливо, тѣмъ не менѣе можно заключать изъ него о многочисленности нѣмцевъ и ихъ вліяніи въ Галиціи, особенно во Львовѣ.

Объ Евреяхъ мы находимъ мало извѣстій; зная о ихъ пребываніи въ Кіевѣ уже съ давняго времени, можно было бы предполагать ихъ присутствіе и въ Галиціи, но извѣстный путешественникъ Еврей, Веніаминъ Тудельскій (+1172), описывая еврейскія синагоги, ни слова не говоритъ объ нихъ въ югозападной Руси; это обстоятельство, доказывающее, что въ XII столѣтіи ихъ тамъ еще не было, заставляетъ соглашаться съ мнѣніемъ Зиморовича, что евреи пришли въ Галицію въ 40-хъ годахъ XIII столѣтія, привлеченные возможностью скупать у Татаръ награбленные ими вещи ⁷¹⁾.

⁷⁰⁾ Supplem. ad Hist. R. Monum. N XLI.

⁷¹⁾ Historia miasta Lwowa, przez Zimorowicza, въ польск. перев. Пивовкаго, стр. 73.

Ипатьевская летопись, описывая подъ 1288 г. кончину Владиміра Васильковича, говоритъ, что по немъ плакались «Жидове» изъ чего можно заключать, что число ихъ во Владимірѣ было уже значительно ⁷²⁾. Больше свѣдѣній имѣется о Евреяхъ Караимахъ, но принимать ихъ слѣдуетъ съ строгою критикою. Существуетъ документъ, на основаніи котораго поселеніе Караимовъ въ Галицію думали относить къ половинѣ XIII столѣтія: это есть выписка изъ какой-то древней пергаменной книги, сгорѣвшей въ 1830 г. вмѣстѣ съ моленной галицкаго караимскаго общества; въ ней разсказывается, что въ 1243 г. два короля, татарскій Батуханъ и хорватскій Данииль, имѣвшій столицу въ Галичѣ, заключили между собою миръ, въ числѣ условій котораго было обѣщаніе татарскаго хана позволить сотнѣ караимскихъ семействъ переселиться изъ Крыма въ Галичъ; главнымъ занятіемъ переселенцовъ должна быть торговля между востокомъ и землею русскою или Хорватіей. Каждое семейство получило отъ хорватскаго короля домъ, землю, по 100 гривенъ и право держать и продавать у себя всякіе напитки. Хотя совершенно справедливо, что русскіе князья, презывая къ себѣ изноземцовъ для развитія русской торговли и промышленности, обыкновенно давали имъ разныя льготы, но преимущества, обѣщанныя Караимамъ кажутся намъ ужъ слишкомъ преувеличенными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многія историческія погрѣшности, попадающіяся въ этомъ разсказѣ, заставляютъ

⁷²⁾ П. С. Р. Л. II, 220.

насъ сомнѣваться въ его справедливости; лица, подписавшія договоръ, были: король Данилъ, который въ 1243 г. не назывался королемъ, да и не входилъ еще ни въ какія сношенія съ Татарами, великій князь Левъ, который не могъ носить такого титула при жизни отца; наконецъ извѣстіе это само обнаруживаетъ свою невѣрность, говоря, что дома для принятія караимовъ, были построены съ сѣверной стороны королевскаго замка, въ русской улицѣ; это явное доказательство переселенія Караимовъ уже во время польскаго владѣнія, когда Русскіе тѣснились преимущественно въ одной улицѣ, названной, по ихъ имени, русскою. Цѣль составленія этого подложнаго документа легко можетъ быть понята: Караимы хотѣли доказать, что они уже издавна, со временъ русскихъ князей, владѣютъ землею и имѣютъ право вольнаго куренія и продажи вина. Отвергая документъ и сообщаемое имъ извѣстіе о переселеніи Караимовъ въ сороковыхъ годахъ XIII столѣтія, мы принимаемъ старое и справедливое мнѣніе, высказанное Чацкимъ, въ его сочиненіи о Евреяхъ, ⁷³⁾ что Витовтъ, князь литовскій, вывелъ Караимовъ (въ началѣ XV столѣтія) сначала въ Троки, а потомъ въ Галичъ и Луцкъ; это тѣмъ болѣе достовѣрно, что гинатьевская лѣтопись, говоря о всѣхъ народностяхъ, жившихъ въ Галиціи, нигдѣ не упоминаетъ о Караимахъ ⁷⁴⁾.

⁷³⁾ III, 271. Posen 1845.

⁷⁴⁾ См. критико-историч. Повѣсть Зубрицкаго. 153, прим. 51. и галицкій историч. сборникъ, изд. галицко-русской матицы II, 173—177 (1856).

Армяне поселились въ Галиціи, какъ должно предполагать, въ концѣ XIII столѣтія, т. е. по завоеваніи Арменіи Татарами; въ это время значительная часть ихъ перешла въ Тавриду, преимущественно въ Сулахатъ или Солхатъ, т. е. Старый Крымъ (эски-Крымъ) и оттуда въ червонную Русь, особенно въ г. Львовъ. Въ запискахъ, хранящихся въ архивѣ армянской капитулы во Львовѣ, говорится, что еще въ 1183 г. была въ этомъ городѣ деревянная армянская церковь; но это очевидно ошибка, потому что Львовъ еще не существовалъ въ 1183 г., да и выселенія Армянъ изъ отечества ихъ относятся уже ко второй половинѣ XIII столѣтія; вѣроятно число 1183 написано ошибкою вмѣсто 1283. Армяне судились своими выборными и имѣли во Львовѣ своего епископа ⁷⁵⁾).

Довольно трудно рѣшить, что такое «Saraceni», упоминаемые въ различныхъ сочиненіяхъ и актахъ, писанныхъ по латинѣ, какъ обитатели Львова; это не Турки, потому что послѣдніе только въ концѣ XII столѣтія начинаютъ пріобрѣтать въ Азіи нѣкоторое значеніе и то военное, а иноземцы призывались на Русь въ видахъ усиленія торговли и промышленности; это не Татары, какъ полагали нѣкоторые ⁷⁶⁾, потому что есть документъ, гдѣ между народностями, жившими во Львовѣ, упоми-

⁷⁵⁾ Зубрицкаго. Повѣсть о Червонной Руси. 156, прим. 52.

⁷⁶⁾ Между прочими и Зубрицкій. См. его Крон. м. Lwowa str 11., но отыскавъ упомянутый документъ (напечатанный въ его Повѣсти и пр. въ прибав. подъ буквою М), онъ отказался отъ своего мнѣнія.

живаются рядомъ: «Tartari et Saraceni»; чтоже это такое? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы рѣшаемся высказать наше предположеніе, для полнаго убѣжденія въ которомъ, признаемся, не имѣемъ достаточныхъ доказательствъ. Мы полагаемъ, что это Сурожане, т. е. жители города Судака (Sugdaia), а по древне-русски Сурожа, близъ Балаклавы. Городъ этотъ извѣстенъ обширною торговлею и съ Азіей, и съ Европой, а такъ какъ важнѣйшіе города Галиціи и Волыни, особенно Львовъ, Владиміръ и Луцкъ, были, какъ увидимъ ниже, мѣстами склада товаровъ, шедшихъ изъ Азіи въ Европу и наоборотъ, то весьма естественно предположить присутствіе Сурожанъ въ означенныхъ городахъ; это предположеніе дѣлается неоспоримымъ фактомъ послѣ нѣкоторыхъ мѣстъ ипатьевской лѣтописи, гдѣ объ нихъ упоминается, такъ подъ 1288 г., въ разсказѣ о смерти Владиміра Васильковича, говорится: «и тако плакашеся надъ нимъ все множество Володимерцевъ, нѣмцы и сурожьцы, и новгородьци и жидове» и т. д. Собственные имена у латинскихъ авторовъ часто переименовываются такъ, что ихъ трудно бываетъ узнать; если вспомнимъ при этомъ, что у восточныхъ писателей Судакъ называется Суракъ, то назвать по латинѣ жителей Сурака—Saraceni, еще небольшая ошибка и заключается только въ одной гласной буквѣ.

Что касается до Татаръ, то ихъ присутствіе въ городахъ галицкой Руси весьма естественно и не требуетъ доказательствъ; замѣтимъ мимоходомъ, что память о нихъ долго сохранялась въ названіи однихъ изъ воротъ Львова: «porta Tartarica», впоследствии крановскія и что су-

шествуетъ преданіе; будто бы они въ давнее уже время имѣли свою мечеть во Львовѣ ⁷⁷⁾.

Населеніе городовъ занималось преимущественно ремеслами и торговлею; о первомъ занятіи ясно говорится въ разсказѣ о построеніи Холма: на зовъ Даниїла въ строиый городъ стекались: «и уноты, и мастерѣ всяциѣ бѣжаху изъ Татаръ, сѣдельници, и лучници, и тульници, и кузницѣ желѣзу и мѣди и серебра» ⁷⁸⁾. Должно предполагать, что иноземцы, селившіеся въ городахъ, особенно содѣйствовали развитію промысловъ всякаго рода; это развитіе видно въ быстромъ возникновеніи городовъ, въ постройкѣ зданій и украшеніи ихъ различными красотами; вотъ на примѣръ описаніе церкви, которую Даниїль построилъ въ Холмѣ: «созда же церковь св. Ивана красну и лѣпу; зданье же еѣ сие бысть: комары 4, съ каждаго угла преводъ и стоянье ихъ на четырехъ головахъ -человѣцкихъ изваяно отъ нѣкоего хытреца; окна 3, украшены стеклы римскими; входящи во олтарь стояста два столпа отъ цѣла камени и на нею комара, и выспръ же верхъ украшенъ звѣздами златыми на лазурѣ; внутренніи же еи помость бѣ слить отъ мѣди и отъ олова чиста, яко блещатися, яко зеркалу; двери же еи двоя украшены каменьемъ галичкымъ бѣлымъ и зеленымъ Холмъскимъ, тесанымъ, узоры тѣ нѣкимъ хытрецемъ Авдьемъ, прилѣпны отъ всихъ шаровъ и злата, напредіи ихъ же бѣ издѣланъ Спасъ, а на полу-мощныхъ святыи Иванъ, яко же всимъ зрящимъ диви-

⁷⁷⁾ Зубриц. Критико-историч. Повѣсть стр. 168.

⁷⁸⁾ И. С. Р. Л. II, 196.

тися бѣ; украси же иконы, еже принесе изъ Кыева, каменѣмъ драгимъ и бисеромъ златымъ» и пр.⁷⁹⁾ Въ обзорѣ дѣятельности кн. Владиміра Васильковича говорится, что онъ срубилъ много городовъ, построилъ множество церквей и снабдилъ ихъ всѣми необходимыми утварями изъ золота, серебра и, рѣдко, изъ мѣди, великолѣпными бархатными и парчевыми покрывами, приказалъ написать для нихъ иконы, изъ которыхъ многія были рисованы на золотомъ полѣ, окованы серебромъ, украшены золотомъ, бисеромъ и драгоценными камнями; такія же украшенія находились на Евангеліяхъ и богослужебныхъ книгахъ. Укрѣпленія городовъ также говорятъ и въ пользу военнаго искусства, и въ пользу промысловъ; особенности этихъ укрѣпленій заключались въ построеніи высокихъ столбовъ или башенъ изъ тесаннаго камня, съ каменными на верху орлами; онѣ имѣли назначеніе сторожевыхъ постовъ и вмѣстѣ служили прекраснымъ средствомъ оборонительнымъ; стрѣльцы, обыкновенно ихъ занимавшіе, наносили много вреда непріятелю; такіе столбы встрѣчаемъ въ Холмѣ, построенъ Даниломъ, въ Каменцѣ—Владиміромъ, въ Чарторыйскѣ—Мстиславомъ и др. Точно также развитіе ремеселъ доказывается одеждою и вооруженіемъ войска; просимъ вспомнить, что говорить лѣтопись о войскахъ, съ которыми Данилъ ходилъ на помощь венгерскому королю въ 1252. Наконецъ общій видъ городовъ поражалъ пріятно, даже иноземцовъ; такъ въ 1231 г. король венгерскій говорилъ

⁷⁹⁾ ibidem.

о Владиміръ: «яко такіи градъ не избрѣтохъ ни въ нѣмецкихъ странахъ». Кто отличался большимъ искусствомъ въ разномъ рукодѣльи, сказать трудно; по всей вѣроятности иноземцы, Нѣмцы напримѣръ; хотя летопись, рассказывая о различныхъ постройкахъ, называетъ русскія имена: Авдій, живописецъ, Алекса, который срубилъ много городовъ; но можетъ быть подъ этими именами скрываются художники греческіе.

Другое занятіе горожанъ составляла торговля, относительно которой Галиція находилась въ весьма выгодномъ положеніи: чрезъ нее проходила большая торговая дорога, по которой товары шли изъ Азіи въ Европу и на оборотъ. Князья всячески старались оживить и развить торговые сношенія своего государства; для этого они призывали къ себѣ иноземцовъ, которые изъ собственныхъ выгодъ, съ большою охотою, переселялись; такъ напримѣръ Сурожане, богатѣйшіе купцы того времени, должны были имѣть своихъ повѣренныхъ въ Галиціи какъ для этой страны, такъ и для странъ, болѣе отдаленныхъ, лежащихъ за Галичемъ. Уже изъ XIV вѣка имѣемъ мы нѣсколько документовъ, которые доказываютъ какъ дорожили князья торговлею своею страной, такова грамота Андрея, князя владимірскаго и всей Руси къ торунскому магистрату о предоставленіи купцамъ города Торна, права свободной и безпошлинной торговли въ Галиціи и Владиміріи. Льготы, даруемыя этой грамотой, были не новыя, князь Андрей только подтверждалъ то, что уже существовало при отцѣ его; замѣчательно выраженіе, что если иностранный купецъ потерпитъ, несправедливо, вслѣдствіе противозаконнаго

насилія , убытокъ , то князь обязывается за каждый потерянный денарій заплатить вдвое ⁸⁰⁾).

Важнѣйшими торговыми пунктами были Львовъ въ Галиціи, Владиміръ и Луцкъ на Волыни; 9 мая 1379 г. король Людовикъ далъ Львову грамоту, подтверждающую всѣ прежнія права и привилегіи и сообщающую новое право складки товаровъ ⁸¹⁾ (*jus depositarii*), вслѣдствіе чего каждый купецъ, ведущій торговлю съ Востокомъ, долженъ былъ ѣхать черезъ Львовъ и такимъ образомъ сообщать ему всѣ выгоды транзитной торговли. Не обращая вниманія на эту привилегію Львова, иностранные купцы всячески старались войти въ прямые сношенія съ Татарами, торговля съ которыми была для нихъ особенно выгодна, тогда Львовцы, защищая свои права, обратились къ князю владимірскому и луцкому Димитрію-Любарту, съ просьбою не пропускать такихъ купцовъ черезъ свои владѣнія. Димитрій въ томъ же году выдалъ грамоту ⁸²⁾, которою завѣрялъ львов-

⁸⁰⁾ «Item si alicui hospiti, vel negotiatori, terram nostram ingredienti aliqua injuria, vel molestia aut violentia nata fuerit, per aliquos nostros, in terra nostra, quod ostendi potuerit, pro unoquoque denario, injuste ablato vel recepto, duos reddere obligamus». Supplem. ad Hist. Rus. Mon N XXXVIII.

⁸¹⁾ Suppl. ad. H. R. M. N XLII.; здѣсь право складки товаровъ смѣшано въ изложеніи съ другими, данными при Казиміръ и Елисаветѣ, мы назвали его новымъ, п. ч. нигдѣ прежде не встрѣчали о немъ упоминаніи.

⁸²⁾ Suppl. ad. H. R. M. N XLIII; мы приписываемъ эту грамоту Любарту, п. ч. во первыхъ, онъ въ это время княжилъ

цевъ, что не позволить ни одному купцу, ни изъ Германіи, ни изъ Польши, проходить чрезъ его владѣнія въ языческія земли (къ Татарамъ); если купецъ не захочетъ устроить склада товаровъ во Львовѣ, Луцкѣ и Владимірѣ. Эта грамота писана на нѣмецкомъ языкѣ и, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, доказываетъ, что большинство купцовъ во Львовѣ составляли нѣмцы. Въ 1380 г. король Людовикъ точнѣе опредѣляетъ «*jus depositarii*» для Львова: онъ требуетъ отъ каждаго купца, который ведетъ торговлю съ востокомъ, чтобы онъ направлялъ свой путь на Львовъ и тамъ выставялъ бы свои товары на продажу, въ продолженіе 14 дней, по истеченіи которыхъ, заплативъ опредѣленную пошлину за оставшіеся у него товары, могъ отправиться въ дальнѣйшій путь ⁸³⁾).

Развитіе городовъ довершилось дарованіемъ имъ магдебургскаго права; это право сообщено Львову Казиміромъ въ 1365 ⁸⁴⁾. Грамота, данная по этому случаю, возбуждала сомнѣнія историковъ въ достовѣрности ея содержанія, потому что подлинникъ ея утраченъ, а сохранилось только подтвержденіе его кор. Казиміромъ въ 1460 г. ⁸⁵⁾ Намъ кажется, что утрата подлинника не есть еще до-

во Владимірѣ, а во вторыхъ, онъ имѣлъ второе имя Димитрія, что доказывается письмомъ греческаго императора, гдѣ волынскій князь называется Димитріемъ-Любартомъ. Ж. М. Н. Пр. ч. 54, 139.

⁸³⁾ Zubrzyckiego. Kron. m. Lw, str 52.

⁸⁴⁾ Его же новѣсть и пр. въ прибавленіяхъ, подъ буквою М.

⁸⁵⁾ ibidem. 142, 39 прим.

статочное основаніе для недоверія, тѣмъ болѣе, что фактъ, сообщаемый грамотою, т. е. что Казиміръ далъ Львову магдебургское право, не содержитъ въ себѣ ничего невѣроятнаго или неправдоподобнаго. Другая причина, по которой отвергался упомянутый документъ, заключается въ письменномъ извѣстіи ⁸⁶⁾, что еще въ 1352 г. во Львовѣ были консулы и адвокаты или цѣлый магистратъ, но это извѣстіе можетъ относиться только къ нѣмецкому населенію Львова и доказывать вѣрность сообщенныхъ выше свѣдѣній о томъ, что нѣмецкіе колонисты во Львовѣ получили самоуправленіе еще въ 1340 г.

Кромѣ двухъ общественныхъ разрядовъ, о которыхъ мы сказали, что было можно, остается еще масса собственно народа, жившаго въ селахъ и деревняхъ и составлявшаго важнѣйшую, по количеству, часть народонаселенія. Смерды или черные люди, какъ обыкновенно называли сельчанъ, занимались земледѣліемъ и другими видами сельской промышленности; при этомъ замѣтимъ, что и въ Галиціи, какъ въ остальной Руси, существовало общинное владѣніе землею, которая дѣлилась между общинниками на мелкіе участки, смотря по степени плодородія земли, вліянію на нее лучей солнечныхъ и другихъ удобствъ или неудобствъ естественныхъ; это чисто русское, древнѣйшее дѣленіе (*secundum consuetudinem Ruthenorum*) противопоставляется дѣленію нѣмецкому (*secundum jus Theutonicum*) на длинныя полосы

⁸⁶⁾ *ibidem*.

безъ различія свойствъ почвы; это послѣднее дѣленіе явилось, конечно, не ранѣе XIV столѣтія, когда нѣмцы, уже въ значительномъ числѣ, жили на Руси. Встрѣчаемъ извѣстіе, что села находились въ частномъ владѣніи князей, бояръ, купцовъ и другихъ лицъ; право владѣнія распространялось только на землю, поселане были лично свободны и отношенія ихъ къ землевладѣльцу, кажется, устраивались по взаимному соглашенію; они могли платить работою за право пользованія землею; такъ князь Владиміръ, передавая въ завѣщаніи село въ частную собственность своей супруги, говоритъ: «а люди, како на мя страдалѣ, тако и на княгиню мою, по моемъ животѣ;» слѣдственно онъ не хочетъ, чтобы послѣ его смерти положеніе живущихъ на его землѣ измѣнилось, чтобы они заключали новыя условія съ княгинею. Въ другихъ актахъ, соотвѣствующихъ нашимъ купчимъ крѣпостямъ, говорится только о землѣ, ея пространствѣ, различныхъ угодьяхъ и т. д., а о поселанахъ нѣтъ ни одного слова ⁷⁸⁾, слѣдственно имъ самимъ предоставлялось право согласиться съ землевладѣльцемъ на счетъ ихъ взаимныхъ отношеній.

И горожане и сельчане выражали свою подчиненность князю платежемъ извѣстныхъ податей; относительно первыхъ, мы знаемъ, что они платили деньгами «татарщину» и «ловчье». Послѣднее означаетъ налогъ на поддержаніе княжеской охоты; такъ Мстиславъ Даниловичъ установилъ въ 1288 г. ловчье въ Берестыи, по 4 грив-

⁷⁸⁾ См. Повѣсть и пр. Зубриц.

ны кунъ ежегодно. Сельчане давали «поборъ», платили «ловчее», «татарщину» и развѣ только послѣдняя сбмралась съ нихъ деньгами, а первыя двѣ уплачивались естественными произведеніями; относительно ловчаго, которое вѣмалось съ Берестыи, лѣтѣмъ сохранила намъ число овецъ, куръ, количество льну, хлѣба, овса и т. д., которое приходилось на каждое сто; кромѣ того сельчане отбывали повинность натуральную; напрымѣръ рубили, т. е. строили города.

Что касается до участія сельчанъ въ политическихъ событіяхъ, то они, подобно горожанамъ, играли, въ этомъ случаѣ роль страдательную, были орудіемъ материальною силою, которая употреблялась по мысли и желанію другихъ: приходилъ отъ князя приказъ и поселянинъ оставлялъ свое мирное жилище, бросалъ плуги и бороны и на время замѣнялъ ихъ оружіемъ; его силами совершались важныя событія, княжескіе столы переходили отъ одного къ другому, а селянинъ, едѣлавъ свое дѣло, возвращался къ своему полю, нимало не помышляя о важныхъ результатахъ, добытыхъ его потомъ и кровью.

Исторія югозападной русской церкви, въ разсматриваемый періодъ, представляетъ много любопытнаго, вслѣдствіе возникшей въ то время борьбы католицизма съ православіемъ.

Начала христіанской вѣры проникли въ Галицію еще до Владиміра св. и распространялись въ ней постоянно и неуклонно, опираясь на епископскую кафедру, основанную этимъ государемъ во Владимірѣ волинскомъ въ 992 г. Долгое время существовала во всей югозападной

Руси только одна епископія волынская; уже въ началѣ XII столѣтія къ ней присоединилась епископія перемышльская. Извѣстіе о ней, сохраненное Татищевымъ, не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ всѣ главѣйшіе княжескіе города на Руси имѣли своихъ епископовъ; когда же княжества перемышльское и тербовльское соединилось въ одно подъ названіемъ галицкаго, то весьма естественно, что епископія была изъ Перемышля переведена въ Галичъ. Первое упоминаніе о галицкомъ епископѣ встрѣчаемъ въ ипатьевской лѣтописи подъ 1165 г. гдѣ читаемъ, что галицкій епископъ Кузьма, по порученію Осмомысла, провожалъ изъ Галича въ Грецію царевича Андроника Комнена; по словамъ Татищева этотъ Кузьма былъ поставленъ епископомъ 1156 г.; но есть нѣкоторое основаніе предполагать, что русскія лѣтописи пропустили одного галицкаго епископа, именно Алексѣя, который былъ первымъ, а Кузьма былъ уже его преемникомъ ⁸⁸). Въ XIII столѣтіи возникли епископіи въ Перемышлѣ и Холмѣ; послѣдняя была переведена изъ Угровска.

Всѣ эти епархіи находились подъ властью и управленіемъ митрополитовъ, жившихъ сперва въ Кіевѣ, а потомъ во Владимірѣ и Москвѣ. Могущество князей галицкихъ, ихъ отдаленіе отъ прочихъ русскихъ княжествъ,

⁸⁸) Рукопись XVIII вѣка на лат. и польск. языкахъ, хранящаяся въ библиотекѣ перемышльскаго собора (она описана въ «Перемышлянинахъ» на 1853) сообщаетъ слѣдующее извѣстіе: «*Episcopi vero Halicienses taliter memorantur: Alexius, Cosmas, Ionas*» и пр.

конечно, дѣлали для нихъ духовную зависимость отъ русскаго митрополита тягостною и внушали имъ желаніе достигнуть полной религіозной самостоятельности, что было возможно только при существованіи отдѣльной галицкой митрополіи. Досто вѣрные источники позволяютъ намъ доказать только то, что галицкіе князья, дѣйствительно, имѣли эту мысль. Въ житіи св. Петра, написанномъ митрополитомъ Кипріаномъ, ясно говорится о Юріѣ Львовичѣ, что онъ задумалъ галицкую епископію въ митрополію обратитъ ⁸⁹⁾; избранный Юріемъ св. Петръ отправился въ Константинополь для поставленія, но патріархъ Аванасій, храня цѣлость и единство всероссійской церкви, поставилъ Петра не для одного Галича, но для цѣлой Руси. Сыновья Юрія, если и возобновляли отцовскую просьбу, то безъ успѣха, потому что нѣтъ ни малѣйшаго слѣда галицкой митрополіи при князьяхъ династіи Романа Великаго; слѣды же основанія ея послѣ нихъ открываются въ письмѣ греческаго императора (Іоанна Палеолога) къ митрополиту Θεогносту объ уничтоженіи только что возникшей митрополіи въ Галичѣ. Подобное же извѣщеніе было сдѣлано тѣмъ же императоромъ Симеону, в. князю московскому и Дмитрію Любарту владимірскому въ 1347 г. ⁹⁰⁾. Не знаемъ кому приписать основаніе ея, вѣроятно же всего Казиміру, но, какъ видно изъ протоколовъ константинопольскаго патріархата, она существовала очень не долго, потому что

⁸⁹⁾ Степенная Книга I, 416 и Карамз. IV, прим. 243.

⁹⁰⁾ Ж. М. Нар. Пр. 1847 г. 54 ч. 138 и слѣд. стр.

въ 1347 г. состоялось соборное дѣяніе о подчиненіи жидой Россіи, по прежнему, митрополиту московскому ⁹¹⁾. Казиміръ однакожь не легко отказывался отъ своихъ цѣлей и уже въ концѣ жизни отправилъ письмо къ патріарху Филовею, требуя настоятельно особаго митрополита въ Галичъ и грозя, въ противномъ случаѣ, обратитъ Руссовъ въ латинство ⁹²⁾. Какъ видно, онъ не хотѣлъ терпѣть власти московскаго митрополита въ землѣ, которая уже составляла собственность Польши. Положеніе патріарха было довольно трудное; не желая раздѣлять русской митрополіи, онъ въ тоже время боялся подвергнуть православіе въ Галиціи опасности, о которой такъ утвердительно писалъ Казиміръ; долго думалъ патріархъ и уже по смерти Казиміра въ 1371 г. состоялось соборное дѣяніе, по которому въ митрополиты Галича возведенъ былъ епископъ Антоній съ подчиненіемъ ему четырехъ епископій Холма, Турова, Перемышля и Владиміра. Съ великимъ горемъ сообщилъ объ этомъ патріархъ митрополиту кievскому и всея Россіи, оправдывая себя невозможностію поступить иначе ⁹³⁾; впрочемъ то, что такъ печалило патріарха, скоро было уничтожено врагомъ православія. Мы полагаемъ, что Людовикъ, который такъ ревностно заботился о распространеніи католицизма въ русскихъ областяхъ, не могъ добрежелательно смотрѣть на учрежденіе, долженствующее

⁹¹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1847. ч. 54, стр. 139.

⁹²⁾ Ibidem стр. 145.

⁹³⁾ Ibidem стр. 134.

поддержать и укрѣпить православіе и, уничтоживъ галицкую митрополію, замѣнилъ ее, какъ увидимъ ниже, латинскимъ архіепископствомъ.

Такимъ образомъ, хотя несомнѣнные документы положительно свидѣтельствуютъ о двукратномъ основаніи галицкой митрополіи, но они не завѣряютъ насъ, что митрополія едва возникала, какъ тотчасъ же и уничтожалась, слѣдственно нисколько не измѣнила положенія православной церкви въ югозападной Руси. Вліяніе двухъ этихъ митрополитовъ было такъ мимолетно и нечувствительно, что ни народъ, ни лѣтописи его не сохранили о нихъ ни малѣйшаго воспоминанія. Въ челобитной галицко-русского и подольскаго православнаго духовенства и мірянъ, которая была отправлена изъ Львова 13 Декабря 1539 г. къ кіевскому митрополиту Макарію, съ жалобою на притѣсненія ихъ вѣры римско-католиками и съ просьбою посвятить епископомъ Галича намѣстника своего архимандрита Макарія, читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова: «преосвященный господине! маемъ то въ... .никахъ (вѣроятно въ хроникахъ) ажъ тому есть двѣтъ лѣтъ и одинъ рокъ отъ святаго..... минуло, якъ владыка на Галичи былъ» ⁹⁴⁾. Духовенство и міряне запомнили, когда былъ послѣдній епископъ въ Галичѣ, а о двухъ митрополитахъ, тамъ жившихъ и правившихъ, совершенно забыли.

Между тѣмъ митрополитъ, т. е. верховный и независимый пастырь, подчиненный только патріарку, былъ

⁹⁴⁾ Акты западной Россіи II, № 108.

необходимъ для югославянской русской церкви: латинская пропаганда, прорывавшаяся на Русь еще въ XIII столѣтіи, стала все болѣе и болѣе грозить православію въ XIV вѣкѣ, когда прекратилась династія Романа Великаго. Католическій Западъ уже съ давняго времени питалъ и старался осуществить свои замыслы относительно введенія своей религіи въ нашъ грекокаѳолическій Востокъ; еще въ 962 г. императоръ Оттонъ I основалъ въ Майнцѣ епископство *in partibus infidelium*, носившее названіе познанскаго и русскаго и замышлялъ покорить эти страны сначала своей духовной, а потомъ и свѣтской власти; первое изъ нихъ дѣйствительно состоялось въ 968 г., а второе было въ самомъ началѣ уничтожено изгнаніемъ изъ Руси Адальберта ⁹⁵).

Съ теченіемъ времени эти нападенія католицизма постепенно приближались къ границамъ Руси; венгерскіе королевичи, сидѣвшіе въ Галичѣ, приводили съ собою римскихъ епископовъ, папы прямо обращались къ русскимъ князьямъ, предлагая имъ соединеніе церквей, и наконецъ въ 1234 г. на самыхъ границахъ Руси возникло католическое епископство, подъ названіемъ русскаго. По свидѣтельству Богухвала, Генрихъ Брадатый, кн. силезскій, испросилъ въ 1234 г. разрѣшеніе на учрежденіе русскаго епископства въ Опатовѣ, близъ Люблина; впоследствии оно присоединилось къ епископіи Любуэской (*ad ecclesiam Lubucensem*). Кругъ дѣятельности этого епископства, его область послужили

⁹⁵) Шаффарикъ Слав. Древ. Т. II, Кн. II, стр. 157.

предметомъ спора между двумя известными учеными
Зубрицкимъ и Мацѣевскимъ; Богухвалъ говоритъ:
«*Henricus monasterium Opatoviense, cujus monasterii Abbas et
Ruthenorum Episcopus, pro catholicis, ibi degentibus, de novo
fecerat creatus, ad ecclesiam Lubucensem transtulit omnia bona
episcopatus Russiae, olim ad monasterium Opatoviense pertinentia
et daet.*» Г-нъ Зубрицкий такъ понимаетъ выражение «*pro
catholicis, ibi degentibus*» — для католиковъ, живущихъ тамъ,
близъ Опатова, а Мацѣевскій это «*ibi*» относитъ ко
всей югозападной Руси. Совершенно соглашаясь съ мнѣ-
ніемъ Г-на Зубрицкого, что люблинская область, какъ
видно изъ самаго названія ея, издавна была населена
русскими народомъ и что католики жили въ неболь-
шомъ числѣ между этими Русскими и потому нужда-
лись въ религіозной поддержкѣ, мы вместе съ тѣмъ
полагаемъ, что справедливѣе будетъ относить это епи-
скопство не только къ окрестностямъ Опатова, но и ко
всей югозападной Руси. Мы утверждаемъ это на осно-
ваніи того, что самъ епископъ любускій такъ думалъ
о разбѣрахъ своей власти; вотъ важный въ этомъ случаѣ
отрывокъ изъ буллы папы Григорія XI 1375 г.: «*Nan-
cienses, Lodomirienses, Premyslienses et Chelmensis ecclesiae,
quae in illis partibus (т. е. на Руси) consistebant, prout
consistunt, cathedrales erant et ante acquisitionem hujusmodi
(т. е. завоеванія Казимиромъ) per schismaticos et hereticos
antistes detinebantur, quodque aliqui praedecessores nostri,
Romani pontifices, ipsis ecclesiis de personis catholicis pro-
viderant, praeficiendo eas illis in episcopos et pastores, et
quod frater noster Episcopus Lubucensis, asserens, dictas eccle-
sias non cathedrales, sed dumtaxat parochiales ac sibi jure
dioecesano subjectas fore, consequenter esse in earum posse-*

azione, provisionibus hujusmodi se opposuerat» ⁹⁰⁾ и пр. Изъ этого мѣста ясно видно, что любускій епископъ считалъ въ своей власти не только окрестности Опатова, но и Галицію съ Лодомирією.

Само собою разумѣется, что, какъ первое, т. е. майницкое, такъ и второе, т. е. опатовское или любусское епископства дѣйствительнаго значенія въ предѣлахъ Руси не имѣли и оставались титулярными, существовавшими только по имени. Число такихъ титулярныхъ епископовъ быстро увеличилось, когда появились Франциска и Доминикане, направленные на Русь папою Григоріемъ IX, во второй четверти XIII столѣтія; изъ нихъ папа Инокентій IV въ 1252 составилъ русскую миссію назвавъ ее «societas peregrinantium» или просто «peregrinantes» и эти то странствующие монахи, бродя изъ города въ городъ, изъ села въ село, тайно проповѣдывали католицизмъ и положили основаніе ерекціямъ будущихъ епископствъ въ Галичѣ, Перемышлѣ, Луцкѣ и Холмѣ. Изъ этихъ титулярныхъ епископовъ около 1236 г. упоминается Bernhardus, Archiepiscopus Haliciensis, Tomasz de Sienna, избранный въ 1359 г. въ епископы холмскіе и др.

Съ прекращеніемъ династіи Романа Великаго, когда Русь перешла въ руки иноплеменниковъ, православіе подверглось страшной опасности: употребляли насиліе для искорененія его измѣны римскимъ католицизмомъ; но такъ еще сильна была вѣра въ народѣ, что на насиліе онъ

⁹⁰⁾ Дана въ Авиньонѣ, Idibus Februarii 1375, нач. «debitum pastoralis officii», выписки у Стодницкаго II, 66.

отвѣчать насиліемъ. и Болеславъ мазовецкій былъ отвѣщенъ главнымъ образомъ за то, что посягнулъ на православную вѣру. Казиміръ, пришедшій послѣ него, былъ принятъ на условіяхъ уваженія къ господствующей религіи, но на сторонѣ Казиміра была сила, въ немъ было самое искреннее убѣжденіе, что при различіи вѣры, никогда не произойдетъ смиртія Русскихъ съ Поляками и слѣдственно власть его въ Галичѣ будетъ непрочно; вотъ почему мы съ полнымъ довѣріемъ читаемъ въ *Kronik'a rusk'oi* (изд. Даниловичемъ): «въ лѣто 6857 (1249) придетъ король краковскій со многою силой и взя лѣстью землю Волинскую, и много зла христіаномъ створи, а церкви святыя претвори на латынскія, богомерзкое служеніе» ⁹⁷⁾. Тоже самое находимъ въ папской буллѣ 1275, гдѣ говорится, что послѣ завоеванія Руси Казиміромъ, стараніемъ его и римскаго духовенства многія лица были обращены въ латинство. Конечно не слѣдуетъ принимать того и другаго извѣстія въ большихъ размѣрахъ, «*kronika rusk'a*» изъ отчаянія, а папы, изъ особеннаго удовольствія, преувеличиваютъ усилія латинства на Руси. Вѣрное опредѣленіе усилій католицизма въ Галиціи и Владиміріи, можно найти въ папской буллѣ 1272 ⁹⁸⁾: «*tanta multitudo infidelium et schismaticorum*

⁹⁷⁾ Лѣтописецъ изд. Даниловича, стр. 170.

⁹⁸⁾ Булла папы Григорія XI «*ad theologos et doctores ad requisitionem Bartholomei de Alverna Vicarii fratrum minorum*»; тутъ же читаемъ: «*non erant ecclesiae cathedrales et parochiales in Russia, nec rectores earum*». Эта булла нанесъ чат. въ «*Vite Archiep. Halic. Скорбишевскаго*».

(erat in Russia), говоритъ папа, иъ раннее реченіе *peragatur fideles*, дѣйствительно только «*речеся речемае*» были совращены, вслѣдствіе дѣятельности Казимира, но иже протія оставались вѣрными религій отцовъ.

Для быстраго распространенія католицизма на Руси, необходимо было дать дѣйствительное значеніе архіепископству (Галицкому) и епископствамъ (въ Черемынцѣ; Владиміръ, Луцкѣ, Холмѣ), которыя до сихъ поръ существовали только по имени, были титулярными. Замѣчательно, что современный лѣтописецъ, Анонимъ, архидіаконъ гнѣзненскій ни слова не говоритъ объ этомъ важномъ и интересномъ для него событіи, напротивъ того Длугошъ рассказываетъ слѣдующее подъ 1361 г.: «желая умноженія христіанской вѣры въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, Казиміръ, король польскій, испросилъ у папы Урбана V разрѣшеніе на основаніе лавинской митрополіи во Львовѣ, обѣщаясь доставить ей достаточныя для ея содержанія средства; папа благосклонно принявъ королевскую прозьбу и предписалъ гнѣзненскому архіепископу, Якову Свинкѣ возвысить приходскую львовскую церковь на степенъ митрополіи, что и было исполнено въ присутствіи короля. Первымъ архіепископомъ во Львовѣ былъ поставленъ Христіанъ, мужъ благороднаго происхожденія».

Въ этомъ разсказѣ ложно все, исключая желанія Казимира учредить на Руси латинское архіепископство; уже въ XVII столѣтіи были замѣчены ошибки Длугоша: въ 1361 г. былъ папою Иннокентій VI, а Урбанъ V. вступилъ въ 1362 г., архіепископъ Яковъ Свинка умеръ еще въ 1312 г. и напонецъ Львовъ до 1414 г. не выжидалъ

въ себѣ ни епископіи, ни архіепископіи, а постоянно оставалъ въ діоцезѣ галицкомъ («*Lemberg in diocesi haliciensi*», такъ значится во всѣхъ современныхъ документахъ). Для окончательнаго опроверженія Длугоша и разясненія самого дѣла, укажемъ еще на буллу папы Урбана V, 1363-го года къ архіепископу гнезненскому, въ которой папа говоритъ о желаніи Казимира учредить архіепископство въ Львовѣ, о его просьбѣ по этому случаю и вмѣстѣ предписываетъ архіепископу справиться о всѣхъ обстоятельствахъ, которые могутъ благоприятствовать или на оборотъ замышляемой каведрѣ. Видно римскій первосвященникъ не вполне довѣрялъ Казимиру и самъ хотѣлъ удостовѣриться, представляетъ ли Львовъ достаточно данныхъ для счастливой будущности архіепископства. Изъ всего этого ясно, что Казимиръ дѣйствительно думалъ объ учрежденіи во Львовѣ архіепископской каведры, но что мысль его не осуществилась, отъ недовѣрія ли папы, или оттого, что самъ Казимиръ, занятый внутри не дружелюбными отношеніями къ духовенству и дворянству, извнѣ безпрестанными войнами, не имѣлъ времени для исполненія своего намѣренія.

По смерти Казимира, Галиція, вмѣстѣ съ Польшею перешла во власть вѣнгерскаго короля Людовика, который отличался необыкновенною преданностію католицизму и употреблялъ всѣ силы для его распространенія; извѣстно предложеніе, которое онъ сдѣлалъ Грекамъ, въ то время просившимъ помощи противъ Турокъ: Людовикъ предложилъ возможнымъ помочь имъ, только подъ условіемъ подчиненія ихъ римскому престолу; послѣдній не остался неблагодарнымъ и Людовикъ былъ награжденъ титуломъ *Signif er Ecclesiae*.

Такой человек, конечно, долженъ былъ произвести рѣшительный переворотъ въ религіозныхъ отношеніяхъ Руси; приступая къ утвержденію тамъ латинства, онъ соединился съ такимъ же ревностнымъ католикомъ, Владиславомъ Опольскимъ и для большаго удобства ввѣрилъ ему управленіе Русью. Владиславъ, въ свою очередь, обратился къ францисканамъ, всячески имъ покровительствовалъ, подарилъ имъ свой домъ во Львовѣ, позволилъ русскую церковь честнаго креста передѣлать въ латинскій костель ⁹⁹⁾ и, мечтая о быстромъ совращеніи Русскихъ, вмѣстѣ съ Людовикомъ испросилъ разрѣшеніе папы на учрежденіе архіепископства въ Галичѣ и трехъ епископствъ въ Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ ¹⁰⁰⁾. Длугошъ съ необыкновеннымъ простодушіемъ рассказываетъ объ этомъ (умалчиваетъ только о епископствахъ владимірскомъ и холмскомъ), забывая, что онъ говорилъ подъ 1361 г. и что такимъ образомъ, по его извѣстіямъ, римскій престолъ основалъ два латинскія архіепископства въ странѣ, сплошь населенной православными.

Для сильнѣйшаго доказательства того, что до 1375 г. не было на Руси латинскихъ епископовъ, можно привести уже извѣстный намъ отрывокъ папскѣй буллы 1375 года, гдѣ говорится, что кафедры галицкая, перемышльская, владимірская и холмская имѣли своими

⁹⁹⁾ Zubrzycki, Kron. m. Lwowa, str. 39, 42, 44, 63.

¹⁰⁰⁾ Булла п. Григорія XI, дана въ Авиньонѣ, Idibus Februarii 1375, начин. «Debitum pastoralis Officii», выписки у Стадницкаго II, 66.

начальниками схематиковъ и еретиковъ; очевидно, что папа говоритъ о епископствахъ православныхъ, а не латинскихъ, которые получили начало только въ 1375 г. Относительно того вліянія, которое они имѣли на православіе, можно указать только на перерожденіе высшего сословія и на непоколебимую твердость массы, которая (за исключеніемъ небольшой части) до сихъ поръ осталась чуждою католицизма, хотя и признала власть папы.

Вотъ судьба югозападной, русской церкви; католицизмъ, какъ и должно было ожидать, взялъ верхъ, когда Поляки завоевали Галицію. Что же касается до положенія духовенства вообще, то въ этомъ случаѣ источники не представляютъ ничего характеристическаго, что бы отличало галицкое духовенство отъ другихъ русскихъ духовныхъ. Одно только обстоятельство, именно то участіе, которое приняли епископы галицкій и перемышльскій въ борьбѣ Данила съ Ростиславомъ, приняли не какъ мнѣтвѣрцы, что было бы прилично ихъ сану, но какъ враждовавшіе Данилу, сторонники Ростислава, гордость, выказанная ими при этомъ случаѣ, великолѣпіе ихъ окружавшее и т. д., все это наводитъ на мысль, что и духовенство галицкое не избѣгло вліянія польскаго и венгерскаго и думало устроить свои отношенія къ государю по образцу двухъ этихъ странъ. Впрочемъ для произнесенія рѣшительнаго приговора, приведеннаго факта недостаточно.

Гораздо важнѣе для насъ прослѣдить нравственное вліяніе церкви; здѣсь прежде всего мы обратимся къ тому благотворному вліянію, которое она имѣла на на-

реднюю образованность. Еще при Владиміръ св. и Ярославъ I церковь сдѣлалась проводникомъ грамотности; нельзя было быть христіаниномъ и не уметь читать книги священнаго писанія; въ Галичѣ это требованіе церкви встрѣтило сильную поддержку со стороны князей, такъ Ярославъ Осмомыслъ, самъ образованный, читавшій много книгъ, знавшій иностранныя языки, побуждалъ духовенство учить мирянъ, опредѣлялъ монаховъ учителями, а монастырскіе доходы назначалъ на содержаніе училищъ ¹⁰¹⁾. Училища постоянно оставались подъ надзоромъ церкви и ея служителей; такъ въ разсказѣ объ ослѣпленіи Василька, священникъ Василій говоритъ: «случилось мнѣ быть во Владимірѣ, смотрѣнія ради училищъ и наставленія учителей» ¹⁰²⁾. Какъ видно, число школъ было значительно и онѣ имѣли вліяніе, такъ что отдавать дѣтей въ ученіе, по достиженіи ими извѣстнаго возраста, сдѣлалось уже дѣломъ обыкновеннымъ, принятымъ обычаемъ, что много свидѣлствуетъ о развитіи самаго общества ¹⁰³⁾; характеръ образованія, исходившаго отъ церкви, конечно, былъ церковный; Владиміръ Васильковичъ, представитель современной (ему) образованности, отлично зналъ священное писаніе, любилъ поговорить о немъ, для чего собиралъ къ себѣ игуменовъ и поповъ, и занимался переписываніемъ богослужебныхъ книгъ, какъ особенно пріятнымъ и полез-

¹⁰¹⁾ Татиш. III, 220 и слѣд.

¹⁰²⁾ *ibidem* II, 181.

¹⁰³⁾ Житіе св. Петра въ степенной книгѣ ч. I стр. 411.

нымъ дѣломъ; подъ 1205 г. упоминается въ лѣтописи книжникъ Тимофей, который, сложивъ притчу про Бенедикта, воеводу венгерскаго, сравнилъ его съ антихристомъ; вѣроятно и остальные притчи этого книжника также несутъ на себѣ отпечатокъ церковный.

Духъ церкви пропикалъ и въ частную жизнь: про князей говорится, что они были благочестивы, строили церкви, уважали духовный санъ, кормили нищихъ и т. д. Впрочемъ въ частномъ быту князей, кромѣ вліянія церковнаго, сохранилось еще старорусское, свѣтское вліяніе, выраженное нѣкогда словами знаменитаго князя: «Руси есть веселіе пити» и проявлявшееся въ общей страсти князей къ охотѣ; лѣтопись выставляетъ Данила особенно страстнымъ охотникомъ. Вліяніе венгерское и польское не могло, конечно, не отразиться на внутренней, домашней жизни князя, на его занятіяхъ, развлеченіяхъ и т. д., но какъ бы прилежно ни отыскивали мы слѣдовъ его, нигдѣ въ источникахъ нѣтъ ни одной черты, которая говорила бы въ пользу этого мнѣнія. Быть можетъ военныя игры, устроенныя Ростиславомъ въ 1249 г. незадолго до Ярославской битвы, представляютъ сколокъ съ турнировъ, на которые этотъ князь могъ насмотрѣться въ частыя поѣздки свои въ Венгрію.

Этими фактами ограничиваются наши свѣдѣнія о частной жизни князей; конечно, все сказанное о князьяхъ можно относить къ боярамъ и всѣмъ, кому средства позволяли допускать нѣкоторую роскошь въ своемъ домашнемъ быту. Мы предполагаемъ, что жизнь даже бѣдныхъ гражданъ мало отличалась отъ образа жизни

высшаго сословія и если было различіе, то по количеству болѣе, чѣмъ по качеству. Мы предполагаемъ, но утверждать не можемъ, потому что вообще не имѣемъ данныхъ о внутренней, домашней жизни нашихъ предковъ, особенно въ югозападной Руси.

Представляемъ здѣсь нѣсколько общихъ положеній, содержащихъ въ себѣ выводы изъ предшествовавшаго повѣствованія:

- 1) Древнѣйшее населеніе Галиціи составляютъ Хорваты.
- 2) Въ VII столѣтіи (около 630 года) значительная часть ихъ выселилась за Карпаты, а оставшіеся, ослабленные переселеніемъ, утратили свои племенные особенности подъ вліяніемъ, съ одной стороны (съ СЗ) Славянъ польскихъ, съ другой (съ В) русскихъ.
- 3) Вопросъ о первомъ завоеваніи Галиціи не разрѣшимъ съ полною очевидностію, но во всякомъ случаѣ основательнѣе приписывать первое завоеваніе Полякамъ.
- 4) Владиміръ св. отнялъ Галицію у Поляковъ и съ этого времени она постоянно оставалась во власти Русскихъ, составляя часть Волынскаго удѣла. Вторичное господство въ ней Поляковъ, вслѣдствіе Болеславова завоеванія, было слишкомъ кратковременно.
- 5) Въ концѣ XI столѣтія въ ней появляются отдѣльные князья и образуютъ галицкое княжество, быстро развившее свои силы, вслѣдствіе удаленія отъ усобицъ южной Руси и случайной малочисленности своего княжескаго рода.
- 6) Въ XIII столѣтіи, средства его увеличиваются присоединеніемъ къ нему Волыни.

7) Сильный галицкій столъ привлекаетъ, по смерти Романа, множество претендентовъ; пользуясь этимъ, бояре стараются упрочить свое положеніе по отношенію къ верховной власти, составляютъ партіи въ пользу различныхъ русскихъ князей, Венгровъ и Поляковъ, и тѣмъ продолжаютъ періодъ смутъ до 1249 г., т. е. до торжества Данила.

8) Съ 1249 г. Галиція укрѣпляется подъ властью Данила и его потомковъ, достигаетъ важнаго вліянія на дѣла сосѣдей; въ тоже время происходитъ полное отчужденіе ея отъ русскаго міра.

9) Это отчужденіе оказывается особенно вреднымъ послѣ прекращенія династіи Романа Великаго: Галичане принимаютъ государя иноплеменика.

10) Возможность овладѣнія Галичемъ возбуждаетъ старыя притязанія Венгровъ и Поляковъ.

11) Литва, основываясь на бракѣ Любарта съ дочерью владимірскаго князя Андрея Юрьевича, также предъявляетъ свои права на югозападную Русь.

12) Борьба между ними продолжается до 1387 г., когда происходитъ подчиненіе галицкой Руси Польшѣ.

13) Указанныя событія совершаются по мысли и волѣ князей и бояръ, остальная же масса народонаселенія, городского и сельскаго, участвуетъ въ нихъ какъ матерьяльная сила, какъ орудіе.

14) Если горожане и достигаютъ нѣкоторой самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ, то не ранѣе половины XIV столѣтія, когда развитіе городовъ быстро пошло впередъ, вслѣдствіе дарованія имъ магдебургскаго права.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Введеніе	1
Краткое обозрѣніе литературы разсматриваемаго предмета.	4
I. Галичъ, подъ властію русскихъ князей	11
II. Галичъ, подъ владычествомъ иноземнымъ	63
III. Внутренняя исторія галицкой Руси	107
